67. 401(2)16

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

АКАДЕМИЯ МИЛИЦИИ

В. А. ШЕЛКОПЛЯС

КАРАТЕЛЬНЫЙ АППАРАТ РОССИИ

ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Минск 1994

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

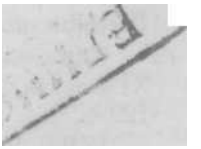
АКАДЕМИЯ МИЛИЦИИ

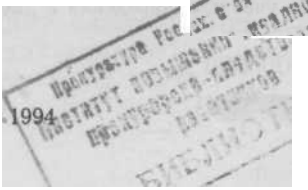
В. А. ШЕЛКОПЛЯС

КАРАТЕЛЬНЫЙ АППАРАТ РОССИИ

ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Допущено Министерством образования Республики Беларусь в качестве учебного пособия для студентов юридических специальностей высших учебных заведений





Минск 1994

Введение

Как убедительно свидетельствует история, ни одно государство не может существовать без карательного аппарата, так как использует в процессе властвования методы не только убеждения, но и принуждения. Любое государство имеет специальные органы, с помощью которых заставляет исполнять свои решения, если часть общества по тем или иным причинам не подчиняется государственным предписаниям.

Аппарат принуждения в лице суда, полиции, армии возникает вместе с государством, вместе с ним и развивается, изменяя свою систему, структуру, формы, методы работы. Особенно большую роль указанные звенья государственного аппарата играют в период обострения борьбы классов, социальных групп и партий за власть. Именно на эти органы, как правило, делают ставку борющиеся за власть стороны. В чьих руках окажется аппарат принуждения, у тех и будет реальная власть. Исключение составляет период мощных социальных взрывов, когда в единый поток выплескивается недовольство существующим строем всех слоев населения. В этом случае даже самый мощный и современный карательный аппарат не может обеспечить условия для эффективного управления обществом. Государственная власть широко использует суд, полицию и армию для устранения угрозы своему существованию.

Каждое из указанных звеньев карательного аппарата поразному используется государством. Если с помощью полиции и суда обеспечиваются нормальные условия для властвования внутри страны, то армия, как правило, используется для защиты существующего режима от внешнего вмешательства и поддержания его политического престижа на международной арене. И только в исключительных случаях она привлекается к установлению нарушенного общественного порядка внутри страны, когда полиция и суд не могут выполнить свои задачи в силу обострения ситуации. Так было в России перед отменой крепостного права, когда одна полиция не могла справиться с массовыми крестьянскими восстаниями, армия также широко использовалась для подавления восстаний в Польше и Беларуси [1] в пореформенный период, в ходе революции 1905—1907 годов и в ряде других случаев.

Использование армии в подобных случаях — последний шанс для правящего класса установить нарушенное равновесие в обществе. В обычных же условиях даже реакционные режимы с большой осторожностью относятся к вопросу об использовании армии для решения внутренних проблем. Это вовсе не означает, что армия как звено карательного аппарата имеет меньшее значение, чем полиция и суд. Именно на армию делают ставку определенные круги при совершении государственных переворотов.

В тесной связи с карательным аппаратом находятся «вещественные его придатки» — тюрьмы. Без них невозможно изолировать ту часть общества, которая дестабилизирует обстановку в стране. Тюрьмы являются неотъемлемыми атрибутами карательного аппарата, как довольно эффективное средство в борьбе с оппозицией внутри страны и преступными элементами общества. И тогда, когда социальный заказ, который дается господствующим классом суду и полиции, не может быть выполнен в силу различных причин и обстоятельств (гласность, независимость судей, законность и т. д.), государство использует тюрьмы для достижения поставленных целей.

Поскольку тюремная система теснейшим образом связана с аппаратом принуждения, она чутко реагирует на реорганизацию судов и полиции. Любая реформа последних объективно влечет определенные изменения в соответствующей тюремной системе, режиме содержания в ней, что и произошло в России в 60-х годах XIX века после проведения реформ полиции и суда.

Таким образом, суд, полиция, армия и тюрьмы, несмотря на особенности своего положения в государственном механизме, связаны с карательной деятельностью государства. Принимая во внимание, что армия, в силу своей специфики, используется для решения внутренних вопросов в исключительных случаях, в учебном пособии будут рассмотрены только суд, полиция и тюрьмы — основные звенья карательного аппарата, с помощью которых в обычных условиях властвования государство осуществляет принуждение.

Глава I. ПОЛИЦИЯ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

§ 1. Реформа полиции в 60-х годах XIX века

Как известно, в России в 1859—1861 годах сложилась революционная ситуация, при которой стал возможен революционный взрыв. Страх перед народным восстанием заставил царизм и помещиков поспешить с проведением буржуазных реформ (крестьянской, полицейской, земской, судебной, военной, городской). Первой из них была проведена крестьянская реформа. 19 февраля 1861 года царь подписал Манифест и ряд других законодательных актов об отмене крепостного права. Крестьянская реформа готовилась сверху, поэтому была грабительской, носила половинчатый характер. Она не только не устранила причин народных волнений, а даже усилила их. Крестьяне не хотели принимать Манифест от 19 февраля 1861 года и считали, что истинную волю «государя-батюшки» помещики скрыли от народа. Повсеместно с новой силой вспыхнули бунты, требующие предоставления истинной свободы и земли. Уже в марте происходили волнения крестьян в 8 губерниях, в апреле — в 28, а в мае — в 32 губерниях. На подавление волнений царское правительство бросило, помимо войск внутренней стражи, 47 батальонов, 187 рот пехоты, 38 эскадронов кавалерии и 3 сотни казаков [2].

Царское правительство предвидело такую реакцию народа на дарованную сверху «свободу» и предприняло меры к усилению карательного аппарата, в первую очередь — полиции.

Реформа полиции в целом была обусловлена теми же социально-экономическими и политическими предпосылками, что и другие буржуазные реформы 60-х годов XIX века. Однако она имела и ряд особых причин, вызвавших необходимость ее проведения. К ним относились: 1) отмена крепостного права, ликвидировавшая вотчинную полицию, которая была существенным придатком государственной полиции, что объективно потребовало усиления низовых звеньев этой системы; 2) предполагаемый резкий рост народного волнения в силу

грабительского характера крестьянской реформы (это обстоятельство также требовало повышения роли, совершенствования структуры полиции на местах, которые бы наилучшим образом отвечали сложившимся условиям классовой борьбы). Именно эти причины прежде всего обусловили то, что полицейская реформа проводилась вслед за крестьянской и была второй по счету буржуазной реформой.

В этот же период разрабатывались проекты судебной, земской и городской реформ, которые существенно затрагивали вопросы компетенции полиции и ее взаимоотношений с новыми органами. Так, с принятием Судебных уставов 20 ноября 1864 года из компетенции полиции были изъяты судебные функции, а в связи с земской реформой 1864 года и городской реформой 1870 года — многие хозяйственные вопросы. С учреждением института судебных следователей в 1860 году полиция была отстранена от предварительного следствия. Исследуя причины полицейской реформы, И. Т. Тарасов писал, что она была вызвана недостаточно эффективной деятельностью городской полиции, которая не приносила большой пользы «вследствие неудовлетворительного определения существа ее власти и границы ее прав и обязанностей, причем крайне скудное содержание не давало возможности привлечь к полицейской службе лучшие силы» [3].

Вся работа по реформированию полиции проводилась параллельно с подготовкой проектов других буржуазных реформ в России. Органом, координирующим всю проводимую работу, было Министерство внутренних дел, хотя и Министерство юстиции не осталось в стороне. Министр внутренних дел предписал губернаторам внести свои предложения по проведению реформы полиции. Кроме того, была создана Особая комиссия для разработки проектов преобразования губернских и уездных учреждений, в том числе и полиции, куда вошли, по словам И. Т. Тарасова, «лучшие представители бюрократии того времени» [4].

В 1858—1859 годах на основе обобщения значительного числа общих и частных проектов и предложений, подготовленных разными органами, комиссиями и отдельными лицами, были разработаны Основные начала реформы полиции. Этот документ решил спор о том, откуда начинать реформу полиции — с низовых звеньев в уезде или с вышестоящих. Учитывая имеющийся опыт реорганизации полиции в конце XVIII и первой половине XIX века, решено было начинать реформу снизу, в уезде.

В ходе подготовки окончательного проекта закона выска-

зывались различные предложения, в частности, очень остро ставились вопросы об освобождении полиции от судебных и следственных функций, о более четком определении ее компетенции.

На основе поступивших предложений правительственная комиссия в 1860 году разработала проект общего учреждения уездной полиции. Основные положения проекта были реализованы путем издания отдельных законодательных актов, одним из которых и являются «Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах» от 25 декабря 1862 года.

Итак, реформа полиции тщательно готовилась на протяжении нескольких лет с привлечением большого числа как частных, так и должностных лиц, государственных органов. Она начиналась на основе утвержденных императором Александром II «Временных правил об устройстве полиции в городах и уездах», которые затем дополнялись другими нормативными актами. Фактически «Временные правила» превратились в законодательный акт, который длительное время регулировал устройство и деятельность полиции, несмотря на то, что уже в 1878 году профессор полицейского права С.-Петербургского университета И. Е. Андреевский в своей статье «Реформа исполнительной полиции в России» писал, что полиция, действовавшая на основе «Временных правил», требовала дальнейшей реорганизации, так как «наше время приходит к тому новому, исторически развившемуся положению, что надобно идти все к большему и большему улучшению безопасности и благосостояния, и сообразно с таким улучшением освобождать органы исполнительной полиции от сторонних поручений, все еще на полицию возлагаемых» [5].

Однако новый этап реформы органов полиции так и не был проведен в XIX веке, а «Временные правила» 1862 года продолжали действовать вплоть до февраля 1917 года, хотя и обросли со временем многими дополняющими их нормативными актами, особенно в период кризиса самодержавия на рубеже 70—80-х годов XIX века [6]. И только очередной социальный взрыв в России — революция 1905—1907 годов — заставил царское правительство вплотную заняться реформой полицейского аппарата. С этой целью при Министерстве внутренних дел создали постоянную комиссию по подготовке проекта реформы полиции, действовавшую с 1906 по 1911 год[7]. Эта комиссия так и не разработала единого законодательного акта, на основе которого была бы проведена реорганизация органов полиции снизу доверху. Комиссия лишь наметила ряд

мер по улучшению кадрового состава органов полиции и слиянию полиции с жандармерией.

Реформу существовавшего в России полицейского аппарата под напором революционных масс вынуждено было уже проводить Временное буржуазное правительство, пришедшее к власти в результате Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года [8].

Что же представляет собой законодательный акт, который принимался на короткое время, но в действительности просуществовал не одно десятилетие? «Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах» 1862 года состоят из 33 статей [9]. Им предшествует Именной указ Александра II, данный Сенату в тот же день, 25 декабря, где содержатся принципиальные положения предпринимаемой реформы полиции. Именной указ состоит из введения и 10 статей. Введение небольшое, но содержит ряд интересных положений. Так, в нем отмечается, почему полиции уделено первоочередное внимание, почему законодательный акт является временным и определен примерный срок его действия.

По мысли законодателя, правила являются временными в силу того, что «сие важное дело может воспринять свое завершение тогда только, когда изданы будут составляемые, по повелению нашему, и имеющие непосредственную с ним связь уставы судопроизводства и судоустройства и положения о земскохозяйственных учреждениях». Но, как уже отмечалось, в 1864 году были приняты Судебные уставы, проведена земская реформа, а «Временные правила» не отменили, также не вышел и новый закон об общем учреждении полиции.

Во введении Именного указа содержится и ответ на вопрос, почему законодатель поспешил с полицейской реформой. В нем отмечается: «... а между тем нужды государственные теперь же настоятельно требуют некоторых, по крайней мере временных, изменений и улучшений в устройстве полиции». Что же это за «государственные нужды», которые «настоятельно» требовали переустройства одного из основных звеньев карательного аппарата России? Это прежде всего необходимость для царского самодержавия создать благоприятные условия для проведения реформ с целью сохранения существующего строя и приспособления его к новой социально-экономической обстановке.

Итак, во введении Именного указа со всей определенностью подчеркивается главная роль полиции в государственном аппарате, в десяти последующих статьях речь идет о судьбе прежних органов, о структуре, основных принципах органи-

зации новых органов, а также указывается общая сумма расходов на содержание полиции. «Временные правила» затем уточняют и раскрывают основные положения Именного указа.

В результате осуществления реформы 1862 года вместо городской и земской полиции в каждом уезде учреждался единый орган — **уездное полицейское управление** (ст. 6 Именного указа), то есть произошла дальнейшая централизация этих органов.

Уездное полицейское управление — коллегиальный орган, куда входили **уездный исправник,** его помощник и члены уездного полицейского управления — заседатели, избираемые от сословий (дворян, сельских обывателей и горожан). Все вместе они составляли **общее присутствие** уездного полицейского управления, председателем которого был уездный исправник. При каждом полицейском управлении учреждалась канцелярия, возглавляемая секретарем канцелярии.

Глава уездной полиции уже не избирался дворянами, как прежде, а назначался начальником губернии (губернатором или генерал-губернатором). Насколько тщательно подбирались кандидаты из дворян, может свидетельствовать тот факт, что даже не все прежние земские исправники могли занять эту должность. И вот что примечательно: в связи с реформой компетенция полиции значительно сужалась, следовательно, и обязанностей у нее стало меньше. Почему же царское правительство отстранило от новой должности тех, кто ранее исполнял более многочисленные обязанности? Видимо, дело в том, что в условиях обострения социальных противоречий в России следовало улучшить, с точки зрения политической благонадежности и профессиональной пригодности, подбор лиц на должность уездного исправника, который был непосредственно в самой гуще народных масс и на которого можно было бы всегда положиться.

Существовавший ранее принцип выборности допускал возможность замещения этой важной должности представителями демократической части дворянства без учета профессиональных качеств. Вот почему был введен принцип назначения. Более того, в период буржуазных реформ царское правительство даже дворянству не доверило выбор помощника уездного исправника, который также стал назначаться на должность губернатором (генерал-губернатором). Причем губернатору предоставлялась полная свобода действия, ибо по закону «при определении их начальник губернии не стесняется правилами о соответственности чинов с разрядом должности».

Уездный исправник в этот период является председателем

общего присутствия уездного полицейского управления, начальником уездной полиции. Ему подчиняются все полицейские чиновники уезда, и ему же принадлежит последнее слово по всем рассматриваемым полицией вопросам.

Уездному полицейскому управлению были подчинены «исполнительные чиновники» полиции, к которым отнесены становые приставы (ст. 9 «Временных правил») и «нижние чины» полиции — сотские, десятские (ст. 16). Уезд делился на более мелкие административно-полицейские единицы: станы, участки (сотни) и селения [10].

В станах главой полиции был становой пристав, который назначался на должность губернатором по представлению уездного исправника. Число станов в уездах колебалось от двух до четырех (в зависимости от размера территории уезда, численности населения, состояния «тишины и спокойствия»), а изменение их количества осуществлялось через Государственный совет по представлению Министерства внутренних дел и утверждалось государем [11].

Все должностные лица уездной полиции, кроме сотских и десятских, получали жалованье за счет государственной казны. Сотские и десятские, избираемые на эти должности самим населением, выполняли свои обязанности без вознаграждения. Если же на эти должности не избирались, а нанимались конкретные лица, то они получали вознаграждение за счет самообложения населения.

В некоторых губерниях, по усмотрению министра внутренних дел, при уездном полицейском управлении вводилась конная полицейская стража. Окончательное решение этого вопроса зависело от государя и Государственного совета, куда министр входил с особым представлением.

Подобное устройство уездной полиции было не во всех губерниях Российской империи, а только в 45-и «по общему учреждению управляемых» [12]. В их число не входили Царство Польское, Восточная и Западная Сибирь, Закавказский край и другие, полицейское управление которых строилось несколько иначе, на основе особых законодательных актов [13]. Свои особенности имела и полиция в округах войска Донского, система, структура и компетенция которой определялись специально принятыми 5 декабря 1867 года «Временными правилами об устройстве полиции в округах войска Донского» [14].

Помимо уездного полицейского управления, во всех губернских городах и в «некоторых более значительных» городах, посадах и местечках сохранялась городская полиция, ко-

торая учреждалась на новых началах «Временных правил» 1862 года, действовала самостоятельно и независимо от уездного полицейского управления [15].

В ст. 7 Именного указа сказано: «В городах, сохраняющих отдельную от уездной полицию, оставить ее в подчинении полицеймейстерам, а городнические правления именовать городским полицейским управлением». Полицеймейстер являлся начальником городской полиции. Структура городского полицейского управления повторяет структуру уездного. В состав органа входят: полицеймейстер, его помощник и общее присутствие (ст. 4 «Временных правил»). Общее присутствие городского полицейского управления составляют полицеймейстер в качестве председателя, его помощник и два заседателя от городского сословия (два ратмана городского магистрата или ратуши).

Полицеймейстер и его помощник назначаются на должность губернатором (генерал-губернатором), которому предоставили полную свободу выбора. Отбор кандидатов был настолько тщательным, что многие городничие не могли занять эту должность. Закон прямо предписывал, что «городничих же из раненых офицеров, состоящих под покровительством Комитета о раненых оставить под покровительством сего Комитета, с сохранением им пожизненного, или до получения другого штатного места, жалованья по чину и того содержания, которое они получали по должности городничих» (ст. 8 Именного указа).

Заседатели общего присутствия уездного полицейского управления избирались путем прямых выборов, а заседатели городского — в результате многостепенных. Сначала горожане избирали своих представителей — ратманов — в городской магистрат (ратушу), которые затем из своей среды избирали двух человек для участия в работе общего присутствия городского полицейского управления. Более осторожный и тщательный подбор даже заседателей городского полицейского управления был продиктован тем, что в городах проживала более сознательная, организованная часть трудящихся масс, работа с которой требовала большего профессионализма и благонадежности чинов полиции.

В подчинении городского полицейского управления находились «исполнительные чиновники» (городские приставы, их помощники и полицейские надзиратели) и «нижние полицейские чины» (служители городских полицейских команд).

Город делился на части, во главе которых стояли городские приставы, назначаемые на эту должность губернатором

(генерал-губернатором). Губернатором же назначался помощник городского пристава и полицейские надзиратели. В больших городах иногда назначались два и даже три помощника городского пристава [16].

Несколько иначе организовывалась полиция в городах тех губерний, которые были изъяты из общего управления. Так, полиция города Кутаиси состояла из полицеймейстера, городского пристава, помощника городского пристава, то есть не было помощника полицеймейстера и город не делился на части. При городской полиции находилась канцелярия, куда входили письмоводитель, помощник письмоводителя, бухгалтер, переводчик и писцы. В ведении полицеймейстера были тюремные и базарные смотрители. Иногда в таких губерниях (в небольших, но весьма важных и «неспокойных» городах) также учреждалась особая городская полиция. Правда, штат ее был немногочисленным: один полицейский пристав и при нем канцелярия [17].

Особое устройство имела городская полиция Санкт-Петербурга и Москвы [18]. Так, во главе полиции Санкт-Петербурга стоял обер-полицеймейстер генерал-лейтенант Ф. Ф. Трепов [19]. При нем находились три полицеймейстера в качестве инспекторов полиции и два чиновника особых поручений. Управление обер-полицеймейстера имело следующие структурные звенья: канцелярия с многочисленным штатом чиновников, сыскная часть полиции, наружная часть, полицейская стража, полицейский резерв и служительская команда [20]. Сыскную часть возглавлял начальник сыскной полиции, которому непосредственно подчинялись четыре чиновника сыскной полиции, 12 надзирателей, делопроизводитель, два его помощника и архивариус.

Санкт-Петербург делился на 38 участков, во главе каждого стоял участковый пристав, при котором были помощник и письмоводитель. Участок в свою очередь делился на полицейские околотки, куда назначалось от трех до пяти околоточных надзирателя. Всего по городу штатом предусматривалось 192 околоточных надзирателя. В подчинении околоточных находились городовые, число которых определялось обер-полицеймейстером. Всего в городе было 1350 городовых. Околоточные надзиратели и городовые составляли полицейскую стражу.

В столичном Санкт-Петербурге бурно кипела политическая жизнь, и это требовало особых профессиональных навыков для успешной работы в полиции. В городе учреждался полицейский резерв, который возглавлял начальник резерва, он

же заведовал и школой для подготовки к службе в органах полиции. При начальнике находились два старших и 16 младших чиновников, фельдфебель в качестве писца, 150 городовых, 12 смотрителей при 12 съезжих домах, 12 околоточных надзирателей в качестве помощников смотрителей. В школе готовились кадры для замещения низовых должностей в городской полиции.

В распоряжении обер-полицеймейстера постоянно находилась «служительская команда» в составе 370 человек.

Таким образом, структура Санкт-Петербургской городской полиции была весьма сложной, со штатом около 2,5 тысячи человек. Основную тяжесть расходов, связанных с содержанием полиции, несло само население. Так, из городских доходов отчислялась сумма в размере 760439 рублей и только 150 тысяч — из государственного казначейства. Вообще столичная полиция пользовалась особым вниманием императора, особенно ее начальник Ф. Ф. Трепов. Он даже получал жалованье не по штатному расписанию в размере 10 тысяч рублей, а по особому указанию императора — 13 тысяч рублей в год.

Подобным образом, лишь с небольшими изменениями, была создана и городская полиция в Москве.

Полицейская реформа 60-х годов XIX века на местах проводилась постепенно, не везде одновременно. Параллельно с введением в действие «Временных правил» 1862 года пересматривались и штаты полиции в тех губерниях, которые были изъяты из общего управления. Как правило, структура и система полиции изменялась в сторону их усложнения и увеличения штатов. Так, по «Положению о преобразовании Виленского городского полицейского управления», утвержденного императором 12 июля 1868 года, деление города на 13 кварталов было ликвидировано и введены новые административно-полицейские единицы: участки и околотки [21].

Во главе городского полицейского управления стоял полицеймейстер. Город делился на семь участков, а каждый из них — на шесть околотков. В участке были участковый пристав, его помощник, городовой и три человека рассыльных. В околоток назначался особый надзиратель из «опытных унтер-офицеров». Помимо этого, в каждом участке было образовано по четыре подвижных поста с назначением туда по трое полицейских нижних чинов. Всего в городе действовало 28 постов, в которых насчитывалось 84 человека полицейской стражи. При полицейском управлении находился резерв в числе двух городовых и 18 рядовых полицейских. Следует отметить, что преобразование виленской городской полиции

осуществлялось по настоятельному требованию генерал-губернатора Северо-Западного края, где свежа еще была память о восстании под руководством Кастуся Калиновского в 1863—1864 годах.

Система органов местной полиции не исчерпывалась теми учреждениями, которые были предусмотрены общим штатным расписанием. В этот период в Комитет министров от должностных и частных лиц поступало множество прошений об усилении полицейской службы в том или ином городе, местечке, селении и даже на некоторых заводах. Как правило, подобные просьбы удовлетворялись. Так, был назначен особый полицейский чиновник (пристав) на Боткинский горный завод Вятской губернии, в местечко Никольское Владимирской губернии, в пограничные местечки Ковенской губернии, во многие селения Алтайского края, было учреждено особое полицейское управление на Грушевском руднике в Земле войска Донского [22].

Интересен документ о назначении особого полицейского надзирателя в местечко Никольское Владимирской губернии (от 5 августа 1866 года) [23]. В нем указано, что члены торгового дома купцов Морозовых подали прошение губернатору о назначении на их фабрики чиновника с правами полицейского надзирателя в связи с тем, что в местечке число рабочих достигает 4—6 тысяч, «между которыми бывают ссоры и разные беспорядки, прекращение которых со стороны управляющего фабриками в большинстве случаев невозможно. Прибегать же к содействию полиции при самом начале беспорядка нельзя за отдаленностью квартиры пристава 1-го стана, которая находится в гор. Покрове». По подобному прошению в июне 1864 года был назначен полицейский надзиратель и на Холуницкие заводы «госпожи Пономаревой» Вятской губернии [24].

О многом говорят данные документы. Во-первых, о том, что уже в это время в России заявляют о себе рабочие, чья организованность и активность доставляли много хлопот самодержавию и требовали постоянного увеличения штатной численности полиции. Во-вторых, о том, что никакие усовершенствования государственного аппарата, в том числе и карательных органов, не могли устранить недовольства трудящихся масс существующим режимом.

Увеличивая численность чиновников полиции, царизм заботился и об улучшении качества личного состава [25]. С этой целью осуществлялся тщательный отбор людей, была организована их подготовка в специальных школах и приняты

дополнительные меры, стимулирующие интерес к более длительной и «беспорочной» службе. Так, с 8 ноября 1865 года вводились новые правила относительно сроков службы и преимуществ нижних чинов полицейских и пожарных команд[26]. Эти правила предусматривали как моральные, так и материальные поощрения. Например, второй срок службы отмечался медалью «За усердие» и специальными нашивками на левом рукаве мундира. Кроме того, за первое трехлетие после истечения первого срока службы выплачивалась сверх штатного жалованья дополнительная сумма в размере одного оклада, за второе трехлетие — двух, за третье — трех и за четвертое трехлетие — в размере четырех окладов.

Интересна концовка этого документа. В ней сказано, что, кроме согласия лица остаться на службе, необходимо было «согласие на то ближайшего начальства, которое удостоверяло бы тем самым, что от объявившего означенное желание можно ожидать действительной пользы для службы; без согласия же этого не допускать вовсе оставления на вторичной службе нижних чинов».

Итак, решение о допуске к дальнейшей службе зависело от вышестоящих начальников. И если нижние чины полиции, выполнявшие непосредственную «черновую» работу по подавлению народных волнений, проявляли «нерешительность» или «мягкость», то они не могли рассчитывать на второй срок службы. Царскому самодержавию нужны были в полиции исключительно преданные люди, готовые без малейших колебаний и угрызений совести расправляться с любым проявлением недовольства существующим режимом.

Проводя политику национального угнетения, царизм старался комплектовать аппарат управления на местах и особенно полицию из русских чиновников, допуская представителей местного населения лишь на второстепенные незначительные должности — сторожа, архивариуса и т. п. Чтобы заинтересовать русских чиновников служить в «отдаленных» губерниях, царское правительство увеличивало им содержание, выдавало пособия, выплачивало подъемные и прогонные деньги. Так, 5 марта 1864 года указом было разрешено генерал-губернатору Северо-Западного края (Виленская, Ковенская, Гродненская и Минская губернии) «по своему усмотрению назначать во вверенном ему крае денежные пособия русским полицейским благонадежным чиновникам в размере, не превышающем 50% получаемого ими штатного содержания»[27]. Подобный указ был принят и в отношении губерний Юго-Западного края (Киевской, Подольской и Волынской) [28].

В результате реформы изменились не только система и структура полиции, ее кадровый состав, но и компетенция. Органы полиции освободили от ряда функций, которые затрудняли выполнение основных задач — обеспечение «безопасности и порядка» в государстве. С этой целью следственные, судебные и хозяйственные вопросы изъяли из ведения полиции, чем была значительно сужена ее компетенция.

Предварительное следствие по уголовным делам, осуществлявшееся ранее полицией, было передано указом от 8 июня 1860 года специально учрежденным судебным следователям, находящимся при судах [29]. Один из видных профессоров полицейского права того времени И. Е. Андреевский так оценивал этот указ: «Изданное 8 июня 1860 года учреждение судебных следователей явилось началом реформ полицейского управления» [30]. С этого времени полиция осуществляла лишь дознание, что получило закрепление и в Судебных уставах 20 ноября 1864 года. Полиция должна была также оказывать содействие судебным органам, руководствуясь только Судебными уставами [31].

Однако полиция и после реформы настолько плохо производила дознание, что потребовалось издать специальный указ по этому вопросу «О непременном соблюдении полноты и правильности производимых полициями дознаний» от 27 ноября 1863 года, который был принят по результатам инспекторской проверки Рязанской, Тамбовской, Пензенской, Саратовской, Симбирской и Нижегородской губерний [32]. Даже вышел указ, предусматривающий «взыскание вознаграждения в пользу безвинно или выше меры наказанного» с полицейских чиновников, «по упущению коих понес наказание невиновный или же виновный излишне наказан» [33]. Но это явилось пустым звуком, так как в повседневной работе полиция фактически была бесконтрольна, а огромный чиновничье-бюрократический аппарат — слишком неповоротлив, чтобы чутко реагировать на подобные нарушения закона.

Согласно Уставу уголовного судопроизводства чиновники полиции были обязаны вручать конкретным лицам повестки, доставлять этих лиц в суд, отправлять осужденных в места заключения, осуществлять надзор за данной категорией граждан. Таким образом, полиция производила дознание, в исключительных случаях — неотложные следственные действия, оказывала в пределах закона определенную помощь судам (по их указанию) и участвовала в исполнении приговоров суда. Последние функции полиции также были несколько ограничены, так как исполнение приговоров о денежных взысканиях

входило в обязанности судебного пристава (ст. 954 Устава уголовного судопроизводства).

В результате проведения в жизнь земской реформы 1864 года хозяйственные вопросы изымались из ведения полиции и передавались земским учреждениям. Фактически полиция должна была значительно разгрузиться от второстепенных обязанностей, поскольку масса хозяйственных вопросов (постройка запасных хлебных магазинов, мощение улиц и их озеленение и др.) решалась по существу земствами. Однако в действительности этого не произошло, так как земства были поставлены под неусыпный надзор полиции. Более того, земства, не имея своих исполнительных органов, вынуждены были действовать через полицию. Ни одно, даже самое незначительное мероприятие не осуществлялось, если полицейский чиновник не дал своего согласия.

О роли полицейских органов при решении хозяйственных вопросов ярко свидетельствует тот факт, что в уездных городах даже «постройка деревянных обывательских домов, без ограничения числа окон, а равно производство мелочных починок и поправок зависят от уездных и городских полицейских управлений» [34]. Таким образом, освободившись от решения хозяйственных вопросов по существу, полиция сохранила за собой контроль за хозяйственной деятельностью не только земских учреждений, но и частных лиц.

Что же касается судебных функций, то они были полностью изъяты из ведения полиции с принятием Судебных уставов 20 ноября 1864 года.

Какие же вопросы рассматривала полиция? Как разграничивалась компетенция между ее различными структурными звеньями? Как свидетельствует история, полицейская реформа 60-х годов XIX века не устранила путаницы и противоречий, которые были характерны для деятельности дореформенной полиции. Это объясняется тем, что «Временные правила об устройстве городской и уездной полиции» 1862 года почти не коснулись многих принципиальных вопросов деятельности и компетенции органов полиции. Так, в ст. 33 записано: «Порядок подчиненности и сношений полиции, предметы ведомства, пределы власти, порядок действий, распределение обязанностей, отчетность и ответственность полиции, порядок определения и увольнения ее членов и вообще постановления о полиции, не отмененные настоящими Правилами, остается в своей силе». Это красноречиво свидетельствует о том, что полицейская реформа носила незавершенный характер, хотя проект ее готовился довольно длительное время. А пра-

тическая деятельность пореформенной полиции еще более способствовала распространению формализма, произволу и беззаконию. И неудивительно, что «вслед за временными правилами 1862 года поднимались проекты о новой и полнейшей реформе уездного полицейского строя» [35].

Основным законодательным актом, определяющим компетенцию полиции, продолжало оставаться Положение о земской полиции и Наказ ее чинам и служителям 1837 года. Вот какую оценку этому положению дал в 1878 году И. Е. Андреевский: «Это новое положение о земской полиции, действующее и до сих пор, с теми изменениями, которые введены в 1862 году, не заключало в своем существе ничего нового, сравнительно с учреждением императрицы Екатерины II, но попортило это учреждение возложением на небольшой состав земской полиции громадной массы обязанностей, к выполнению которых у них не было ни средств, ни подготовки» [36].

Как и прежде, в уезде практически не было такого вопроса, который бы не подлежал рассмотрению полицией. Она осуществляла надзор за винной продажей, ведала вопросами санитарии и борьбы с голодом, повальными болезнями, пожарами, принимала меры для призрения бедных, занималась вопросами охраны государственной собственности, держала в своих руках всю паспортную систему, позволяющую ей выявлять «неблагонадежных» лиц и т. д. [37]. Но основной обязанностью полиции была охрана «безопасности общества и государства». Причем во всех учебниках по полицейскому праву подчеркивается, что главное внимание полиция должна обращать на предотвращение опасностей для существующего строя и порядков. С этой целью чиновникам полиции предписывается осуществлять неусыпный надзор за «обществами и ассоциациями» путем посещения собраний, рассмотрения деловых бумаг, запросов статистических данных о их деятельности и т. д. Полиции предоставляется полная свобода действий, так как она запрещает «схотбища и собрания для совещания или действия, общей тишины и спокойствию противных».

В обязанность полиции входило и обнародование законов, манифестов, указов и распоряжений вышестоящих органов, для чего в полиции были книги законов, которые давались населению «для обозрения» [38]. Но следует заметить, что из-за сложности и порой противоречивости царского законодательства, а также безграмотности большей части населения это положение так и оставалось на бумаге.

На полицию были возложены и многие другие обязанности. Она, например, удостоверяла наличие таких событий, ко-

торые делали невозможным исполнить вовсе или к определенному сроку договор (пожар, наводнение, кораблекрушение), осуществляла продажу имущества с аукциона в счет погашения долга, свидетельствовала заключение «разного рода крепостных актов», сопровождала партии рекрутов и т. д. [39].

Как уже отмечалось, «Временные правила» 1862 года очень мало говорят о разграничении компетенции между различными структурными звеньями полицейского управления. Так, статья 25 лишь немного проливает свет на взаимоотношения общего присутствия полицейского управления и его председателя (уездного исправника или полицеймейстера) и их компетенцию. Содержание указанной статьи свидетельствует, что общее присутствие существовало как совещательный орган при начальнике местной полиции. По большинству дел, входящих в компетенцию общего присутствия полицейского управления, мнение членов последнего вообще могло игнорироваться земским исправником (полицеймейстером), так как не требовалось даже формального сообщения в вышестоящие органы о наличии возникших разногласий (ст. 27). Эта же статья указывает и на то, что ближайший и непосредственный надзор за деятельностью полицейского управления (как и ранее) осуществлял губернатор (генерал-губернатор).

Несколько статей (28—31) «Временных правил» 1862 года посвящается взаимоотношениям исправника (полицеймейстера) и его помощника. Последний находится в полном подчинении и обязан исполнять все возлагаемые на него поручения и дела. Кроме того, помощник исправника «имеет ближайший и непосредственный надзор за делопроизводством» полицейского управления. При отсутствии уездного исправника (полицеймейстера) помощник выполняет все его обязанности. Причем права помощника значительно шире в том случае, если начальник полиции вообще отсутствует в уезде.

Таким образом, компетенция местной пореформенной полиции была весьма обширной, а права ее начальника • — безграничны. В силу этого деятельность полиции ощущали на себе все слои общества, находясь под ее постоянным надзором.

Наряду с общей полицией в этот период подверглась «существенной перестройке» и политическая полиция, так как «старая дореформенная сеть местных жандармских учреждений, объединенная в большие ведомственные жандармские округа, в 60-х годах оказалась недостаточной» [40].

Одним из первых законодательных актов, положивших начало реорганизации политической полиции, было Положе-

ние о Третьем округе Корпуса жандармов, утвержденное Александром II 16 февраля 1864 года [41]. Уже в этом положении резко проявились тенденции к усилению централизации жандармерии и увеличению ее численности. Если ранее Третий округ Корпуса жандармов (который располагался на территории Варшавской, Августовской, Плоцкой, Радомской и Люблинской губерний Царства Польского) был разделен на четыре жандармских отделения, границы которых не совпадали с границами губерний, то по новому положению в каждой губернии учреждалось губернское жандармское управление. Такая организация жандармских органов на местах приблизила их к массам с целью более быстрого реагирования на недовольство народа против существующих порядков.

Структурными звеньями Третьего округа Корпуса жандармов были: окружное жандармское управление, губернские жандармские управления, уездные жандармские управления (жандармские команды) и Варшавский жандармский дивизион.

В округе насчитывалось более сорока жандармских команд, которые по положению 1864 года сохраняли это название «только в смысле частей, имеющих строевые образования, в службе же жандармской они именуются уездными жандармскими управлениями». Третий округ Корпуса жандармов находился в непосредственном подчинении наместника Царства Польского с правами главнокомандующего армией.

Подобная организация политической полиции (с некоторыми изменениями) была распространена и на другие губернии России, что нашло закрепление во вновь принятом 9 сентября Положении о Корпусе жандармов [42].

Положение 1867 года предусматривало упразднение Санкт-Петербургского, Московского, Виленского, Одесского, Казанского жандармских округов, и были сохранены только три — Сибирский, Варшавский (бывший третий округ) и Кавказский. Вместо окружных жандармских управлений повсеместно создавались губернские, а 50 жандармских команд шести губерний Северо-Западного края (Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Могилевской и Витебской) переименованы в уездные жандармские управления. Что касается таких структурных единиц жандармерии, как Санкт-Петербургский, Московский дивизионы и полицейские жандармские управления железных дорог, то они были оставлены на прежнем положении.

Итак, Корпус жандармов состоял из следующих структур-

ных звеньев: Главного управления Корпуса жандармов, управления округов (Варшавского, Кавказского, Сибирского), губернских жандармских управлений, 50 уездных жандармских управлений шести губерний Северо-Западного края, Наблюдательного состава Корпуса жандармов, Санкт-Петербургского и Московского жандармских дивизионов, 13 конных жандармских команд для городов Вильно, Иркутска, Казани, Киева, Кронштадта, Нижнего Новгорода, Одессы, Омска, Риги, Саратова, Царского Села и полицейских управлений железных дорог [43].

Окружные жандармские управления находились в Варшаве, Тифлисе и Омске, губернские жандармские управления — к губернских городах, а части Наблюдательного состава Корпуса жандармов и уездные жандармские управления •— в тех городах, которые определял шеф жандармов, хотя название свое получали от названия уезда, в котором располагались.

Император назначал шефа жандармов, и он пользовался, как правило, особым расположением. Даже жалованье ему назначалось не по общему штату, а по личному указанию государя. При шефе жандармов находились подчиненные ему три адъютанта, четыре офицера для особых поручений, секретарь и его помощник.

Шеф жандармов в этот период является непосредственным и полным начальником всех жандармских подразделений и чиновников. Он осуществляет общий надзор за надлежащим исполнением обязанностей чинами Корпуса жандармов, и заботится о «благосостоянии всех частей корпуса». В руках шефа жандармов сосредоточены хозяйственные, военно-судебные, инспекторские функции, ведает он и вопросами строевой службы. При решении этих вопросов он пользуется «правами и властью командующих войсками в военных округах» (§ 10 положения 1867 года). Шеф жандармов, когда сочтет нужным, лично инспектирует части Корпуса или поручает это другим жандармским чиновникам. О результатах проверки он сообщает военному министру.

В ведении шефа находится вопрос комплектования Корпуса жандармов. При этом он имеет право пригласить на работу в жандармерию людей из любого ведомства, сообщив лишь о своем решении руководству ведомства и подав представление на имя государя. Всевозможные перемещения по службе внутри Корпуса жандармов осуществляются по усмотрению непосредственно шефа жандармов.

Если в рассматриваемый период истории значительно повышаются требования к чиновникам полиции, то еще в боль-

шей мере это проявляется при подборе лиц для работы в жандармерии. Это вполне закономерно и объяснимо, ибо полиция борется со всеми нарушениями «тишины и спокойствия», а жандармерия — с наиболее опасными из них — политическими преступлениями, что требует высокой профессиональной выучки и политической благонадежности. Лица, определенные к переводу в Корпус жандармов, предварительно испытывались в Штабе Корпуса. В результате подобных испытаний выявлялись «нравственные качества» и «служебные достоинства». Они определялись самой сущностью, назначением жандармерии, которая, по словам В. И. Ленина, потому и называется политической полицией, что «она преследует врагов самодержавия и борцов против него» [44].

Кандидаты для службы в Корпусе жандармов отбирались из лиц, которые «окончили курс наук не ниже средних учебных заведений и прослужили в войсках не менее 5 лет» (§ 46). Исключение было сделано только для Санкт-Петербургского и Московского дивизионов, которые комплектовались и из офицеров, имеющих трехлетний срок службы в кавалерии. Закон запрещал принимать в жандармерию лиц, подвергавшихся суду и следствию, имеющих денежные долги или никогда не служивших в армии. Последнее условие не относилось к тем, кто выполнял обязанности обычного гражданского чиновника (работника канцелярии жандармского управления), сторожа и т. п.

Еще более определенно сказано о качествах кандидатов для службы в § 52: «Не допускаются к переводу в Корпус жандармов нижние чины, бывшие в каких-либо штрафах и вообще люди нетрезвого и неодобрительного поведения в каком-либо отношении». Как видно, нужный для данного режима состав жандармерии обеспечивался как установленным порядком назначения (только по личному усмотрению шефа жандармов), так и требованиями, предъявляемыми к ним. Все мероприятия царского правительства по реорганизации Корпуса жандармов привели к тому, что, по словам В. И. Ленина, «...правительство вскоре приспособилось к новым условиям борьбы и сумело поставить на надлежащие места свои, вооруженные всеми усовершенствованиями, отряды провокаторов, шпионов и жандармов» [45].

Структурным звеном Главного управления Корпуса жандармов был Штаб Корпуса жандармов. Начальник Штаба, как и шеф жандармов, назначался по непосредственному указанию императора и пользовался всеми правами начальника штаба военного округа. При начальнике Штаба находились

канцелярии, шесть его адъютантов, доктор, смотритель здания штаба. Канцелярия была довольно многочисленной: секретарь, заведующий судебной частью, начальник архива и 23 писаря.

Штаб Корпуса жандармов не занимался непосредственно оперативной работой, а осуществлял хозяйственную деятельность по обеспечению нормального функционирования всех звеньев Корпуса жандармов. Он следил за сохранностью, исправностью и чистотой всех зданий, принадлежащих Корпусу жандармов, заключением различного рода хозяйственных договоров и т. д.

Управление жандармских округов возглавлялось начальником округа, который назначался на должность самим императором и пользовался в вопросах управления вверенным округом «правами и властью начальника дивизии» (§ 16). Ему подчинялись непосредственно губернские жандармские управления. Все же нижестоящие жандармские органы сносились с начальником округа через губернское жандармское управление. Начальник контролировал деятельность всех жандармских органов вверенного ему округа, лично инспектируя один раз в год все службы и сообщая о результатах проверки шефу жандармов. Для каждого управления жандармского округа был утвержден свой штаб [46].

Следующим звеном было губернское жандармское управление. Начальника этого подразделения назначал на должность шеф жандармов Российской империи. Должность эта на уровне губернии приравнивалась к должности командира полка. Данный руководитель лично осуществлял надзор за деятельностью всего состава жандармерии на территории губернии, для чего проводил ежегодные проверки, о результатах которых докладывал шефу жандармов. Он ежемесячно представлял в Штаб Корпуса отчеты о положении дел в губернии и срочные донесения.

Уездные жандармские управления учреждались только в тех губерниях России, где было «неспокойно». Вот почему они имели место в Царстве Польском (где в 1863 году прокатилась широкая волна национально-освободительного движения) и в шести примыкающих к нему губерниях Северо-Западного края.

Во главе уездного жандармского управления стоял начальник, назначаемый шефом жандармов. Личный состав (в пределах штатного расписания) и его местонахождение определялись также шефом жандармов, который сообщал свое решение военному министру. В составе уездного управления

помимо начальника были денщик, писарь и уездная жандармская команда численностью в 31 человек. Эта команда состояла как из конных жандармских нижних строевых чинов (16 человек), так и пеших.

Начальник уездного управления исполнял не только предписания жандармских вышестоящих органов, но и требования губернатора (генерал-губернатора), сообщая в этом случае о выполнении поручения как губернатору, так и своему непосредственному начальнику. Такое правовое положение начальника уездного жандармского управления позволяло в случае массовых волнений в губернии сосредоточить все полицейские силы для их подавления.

В Наблюдательный состав Корпуса жандармов входили помощники начальников губернских жандармских управлений (всего 71 человек) и 962 унтер-офицера, которые назначались непосредственно шефом жандармов. Наблюдательный состав подразделялся на части, число и распределение которых по уездам и губерниям зависело от усмотрения шефа жандармов. Последний обязан был лишь уведомить военного министра о сделанных перемещениях. Жандармы Наблюдательного состава, выполняя свои обязанности, руководствовались «указаниями и разъяснениями только своего жандармского начальства, от усмотрения которого единственно зависит оценка заслуг каждого из них перед правительством» (§ 31 Положения о Корпусе жандармов 1867 года).

Наблюдательный состав Корпуса жандармов, Санкт-Петербургский, Московский дивизионы и конные команды, учреждаемые в отдельных городах, были той основной ударной силой самодержавия, которая использовалась в критические минуты для беспощадного подавления выступлений трудящихся масс и внесудебной расправы с ними. В. И. Ленин писал, что в такие времена «Правосудие» сбрасывает с себя маску беспристрастия и возвышенности и обращается в бегство, предоставляя поле действия полиции, жандармам и казакам» [47].

В Корпус жандармов входили и полицейские управления железных дорог. Так, полицейское жандармское управление Рижско-Динабургской железной дороги состояло из двух обер-офицеров Корпуса жандармов (один из них был начальником управления), одного унтер-офицера, двух денщиков. В подчинении этого управления находились нижние жандармские чины в количестве 21 человека [48]. Еще более многочисленным по своему составу было полицейское жандармское управление Киево-Одесской железной дороги, которое состоя-

ло из пяти начальников отделений, ПО унтер-офицеров. Подобные управления учреждались на всех железных дорогах России.

Таким образом, в результате реформы общей и политической полиции, проведенной в 60-х годах XIX века, численность чиновников полиции значительно увеличилась, а система и структура их органов еще более усложнились при одновременном изъятии из ведения полиции второстепенных вопросов.

Благодаря осуществленной реформе была создана такая разветвленная сеть полицейских органов, которая дала возможность царскому правительству в период нового социального напряжения в обществе в 1870—1880 годах не только не пойти на уступки народу, но и открыто перейти к контрреформам: значительно урезать даже ту «демократию», которую общество получило в 60-х годах, и провести дальнейшую реорганизацию полиции с целью еще большего укрепления ее положения и усиления роли в государственном аппарате.

§ 2. Реорганизация полиции в последней трети XIX века

Полицейская реформа 60-х годов XIX в. носила незавершенный характер. В результате этой реформы не были проведены коренные преобразования полиции, лишь внесены определенные изменения в ее систему, структуру и компетенцию, несколько приспособившие органы к новым, более сложным условиям властвования. «Временные правила» 1862 года стали практически основным нормативным актом, регулирующим организацию и деятельность полиции вплоть до февраля 1917 года.

Однако пореформенная полиция вскоре обнаружила неспособность обеспечить стабильность положения в стране, необходимую для существующего политического режима. В этих условиях правящие круги России вместо подготовки новой цельной реформы органов полиции встали на путь частичной ее реорганизации, делая главную ставку на увеличение численности полицейских кадров.

9 июня 1878 года Александр II утвердил проект Временного положения о полицейских урядниках в 46 губерниях, по общему учреждению управляемых, согласно которому вводилась новая должность — полицейский урядник [49]. В соответствии с этим нормативным актом в России учреждалось около

пяти тысяч полицейских урядников, которые в своей деятельности руководствовались инструкцией полицейским урядникам, приложенной к Временному положению о полицейских урядниках. В 42 параграфах инструкции определялись место урядников в системе полицейских органов, их компетенция, порядок взаимоотношений с другими органами и ряд других вопросов. Так, в § 1 указывалось, что «в каждый из станов назначается для исполнения полицейских обязанностей, а также для надзора за действиями сотских и десятских на местах и для их руководства полицейские урядники, которые распределяются по участкам уездным исправником» [50]. Как видно, новая полицейская должность была учреждена с целью укрепления низовых звеньев, повышения действенности их работы. Это особенно четко просматривается в § 3, где сказано, что «сотские и десятские, находясь в прямом подчинении полицейским урядникам, как своих ближайших начальников, получают от них приказания, за неисполнение которых отвечают как за ослушание начальству».

Главной обязанностью полицейских урядников было «в участках, им вверенных, охранять общественное спокойствие и следить за проявлением каких бы то ни было действий и толков, направленных против правительства, законных властей и общественного порядка, равно к подрыву в обществе доброй нравственности и прав собственности» (§ 5).

Введение новой полицейской должности потребовало значительных расходов: из государственной казны отпускалось ежегодно 2.026.350 руб.

В последующие годы число полицейских урядников постоянно увеличивалось. Так, уже 5 сентября 1879 года Александр II утвердил положение Комитета министров об увеличении количества полицейских урядников еще на 550 человек [51]. Новые дополнительные должности вводились по просьбе земских собраний, заводской администрации и т. д. В подобных случаях расходы на содержание урядников осуществлялись за счет средств не государственной казны, а земства или частного лица, владеющего промышленным предприятием. Например, 12 января 1879 года царь утвердил положение Комитета министров об учреждении в Мокшанском уезде по просьбе земства трех должностей полицейских урядников, 28 июля этого же года были учреждены две должности в Анценском приходе Лифляндской губернии, 11 ноября 1898 года — две должности пеших урядников в Козельском уезде Калужской губернии [52].

Подобная практика осуществлялась вплоть до февраля

1917 года, в результате чего количество полицейских урядников увеличилось почти в четыре раза по сравнению с 1878 годом. Известный русский исследователь в области полицейского права И. Т. Тарасов писал по поводу института урядников, что «...причем дело доходит до того, что частным лицам (помещикам) и частным промышленникам (заводским и фабричным администрациям) разрешается содержать своих урядников, т. е. правительство возвращается к системе особого рода частной, как бы вотчинной полиции, несравненно худшей и более опасной, чем та вотчинная полиция, с устранения которой начата была реформа уездной полиции» [53].

Увеличение численности местной полиции также шло за счет должностей других чинов и учреждения новых станов в уезде. Так, 9 февраля 1882 года Лепельский уезд Витебской губернии разделили на четыре стана (до этого было три) с учреждением всех по штату положенных в стане полицейских должностей [54]. Аналогичное представление министра внутренних дел было утверждено 23 февраля 1882 года Государственным советом в отношении Жиздринского уезда Калужской губернии, 18 мая 1889 года — Череповецкого уезда Новгородской губернии [55].

Особое внимание в последней трети XIX века правительство уделяло реорганизации и усилению городской полиции, и в первую очередь санкт-петербургской, московской. Так, 14 ноября 1887 года штат московской полиции был временно увеличен на 41 должность полицейского надзирателя, а 30 ноября 1890 года это положение продлили и на 1891 год [56].

12 мая 1887 года утвержден новый штат санкт-петербургской полиции, содержание которого обходилось государству ежегодно в 1.873.537 рублей [57]. По этому распоряжению значительно увеличилось число околоточных надзирателей и других низовых полицейских чинов. Если четверть века назад (по реформе 1862 г.) в столице было 192 околоточных надзирателя, то теперь — 335. Таким образом, реорганизация и столичных полиций вылилась в основном в увеличение ее численности, особенно за счет низовых должностей. Но и это уже не могло обеспечить нормальные условия для властвования существующему режиму. Так, в ноябре 1895 года штат санкт-петербургской полиции был увеличен на 33 человека, а в 1898 — еще на 115 человек. Кроме того, в 1898 году утвержден и новый временный штат конно-полицейской стражи в составе 150 городовых [58].

Другим направлением в реорганизации полиции было совершенствование структуры высших органов управления, ко-

торое привело в конечном итоге к завершению централизации в организации полиции России.

6 августа 1880 года в составе МВД создается Департамент государственной полиции, а 15 ноября того же года к нему был присоединен Департамент исполнительной полиции. Департамент государственной полиции возглавлялся товарищем министра внутренних дел, который с 1882 года одновременно являлся и командиром Отдельного корпуса жандармов, то есть на данном уровне произошло объединение общей и политической полиции. Позднее (19 февраля 1883 г.) в состав Департамента государственной полиции был включен Судебный отдел, ранее находившийся в составе МВД в связи с ликвидацией III Отделения Императорской канцелярии [59]. Именно с этого времени высший орган полиции стал называться «Департамент полиции», подчеркивая тем самым завершение процесса централизации [60].

В рассматриваемый период времени изменялись не только численность полиции и структура ее органов, но и компетенция. Так, уже в 1878 году в связи с ростом напряженности в обществе общей полиции и жандармерии было предоставлено право «посещать все фабрики и заводы во всякое время» [61].

Особенно резко расширялась компетенция полиции и повышалась ее роль в связи с принятием 14 августа 1881 года Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, предусматривающего объявление той или иной территории государства на положении усиленной или чрезвычайной охраны [62]. Согласно ст. 21 на таких территориях «местным начальникам полиции, а также начальникам жандармских управлений и их помощникам предоставляется делать распоряжения: а) о предварительном задержании, не более однако 2 недель, всех лиц, внушающих основательное подозрение в совершении государственных преступлений или в прикосновенности к ним, а равно принадлежности к противозаконным сообществам; б) о производстве во всякое время обысков во всех без исключения помещениях, фабриках и заводах и т. п. и о наложении ареста впредь до распоряжения надлежащего начальства на всякого рода имущества, указывающее на преступность действий или намерений заподозренного лица». Более того, согласно ст. 28 данного документа компетенция полиции расширялась не только в тех местностях, которые объявлены на особом положении, но и на смежных с ними территориях.

Если принять во внимание, что царизм вплоть до конца XIX века часто использовал положение от 14 августа 1881 го-

да, постоянно расширяя сферу применения и продлевая срок его действия, то можно констатировать, что для поддержания стабильности положения в стране самодержавие сделало главную ставку на полицейский аппарат и карательные меры. Например, только в 1882 году на положении усиленной охраны были объявлены Николаевское военное губернаторство, Севастопольское градоначальство, отдельные местности Нижегородской губернии, а в Санкт-Петербургской, Московской, Харьковской, Полтавской, Черниговской, Киевской, Волынской, Подольской, Херсонской и Бессарабской губерниях, а также в ряде уездов и городов, где такое положение было введено еще в сентябре предыдущего года, срок действия его продлили еще на год [63]. Аналогичные нормативные акты были приняты в 1887, 1889, 1890, 1891, 1900 годах [64].

Царизм предпринимал определенные меры и по улучшению кадрового состава полиции, их вооружения. Так, 2 мая 1879 года император Александр II на основании рапорта министра внутренних дел подписал указ, которым было предусмотрено «вооружить всех вообще классных чинов как городских, так и уездных полиций револьверами», и взамен гражданских шпаг чинам уездной полиции выдать еще «шашки драгунского образца» [65].

В обеих столицах и других крупных городах создавались резервы полицейских чинов, «которые составляя запасную силу на случай надобности усиления кадров городовых, служат вместе с тем школой для подготовки полицейских чинов» [66]. Кроме того, решая кадровый вопрос, царское правительство использовало и материальные стимулы. Например, 3 июня 1892 года приняты Правила о преимуществах службы городовых в 169 указанных городах, по которым за 7 лет беспорочной службы в полиции жалованье увеличивалось на одну треть, за 20 лет службы выдавалось единовременное пособие в размере 250 рублей, а за 30 лет — назначалась пенсия в размере 90 рублей [67]. Для поощрения высших и средних чинов полиции учреждались серебрянные и золотые медали, которыми с 1909 года награждались и нижние чины.

Таким образом, в последней трети XIX века в России проводилась дальнейшая реорганизация полиции, которая вместе с предыдущей реформой 1862 года сделала ее важнейшим ведомством государства. С помощью этого карательного органа царизм поддерживал существующий в стране режим, а его министры «играли роль своеобразных «первых министров» самодержавной России» [68].

Однако, как известно, власть, которая делает ставку на

карательный аппарат и введение исключительного положения в стране, недолговечна. События в России, происшедшие в начале XX века, яркое тому подтверждение.

§ 3. Полиция — действенное звено карательного аппарата царского самодержавия

В условиях обострившейся классовой борьбы царское правительство стремилось как можно лучше организовать работу карательного аппарата. При этом постоянно осуществлялась реорганизация полиции с целью наибольшего приспособления к усложнившейся обстановке в стране. Что же это за положение, которое сложилось в России во второй половине XIX века и заставило царизм постоянно заниматься усовершенствованием полиции, расширять сферу ее деятельности?

Это было весьма сложное для России время в политическом отношении. Достаточно сказать, что за данный период на царском престоле сменились четыре императора [69], дважды в стране складывались революционные ситуации (в 1859—1861 гг. и 1879—1881 гг.), в результате которых изменялся и политический режим.

Напуганное крестьянскими восстаниями, царское самодержавие вынуждено было в 60-х годах XIX века провести ряд буржуазных реформ, предоставляя народу определенные права и свободы. Однако в условиях новой революционной ситуации 70—80-х годов, используя уже усовершенствованный карательный аппарат, узость социальной базы революционного движения и отсутствие в его рядах единства, царизм сумел перейти от политики «заигрывания с народом» к открытой реакции. Именно в это время возникают два новых периода в революционном движении трудящихся масс России: буржуазно-демократический (разночинский) — с 1861 по 1895 гг. и пролетарский — с 1895 по 1917 гг. Наличие их свидетельствовало о шаткости положения самодержавия.

Если в шестидесятые годы в основном выступали крестьяне, то с 70-х годов XIX века революционное движение под воздействием бурного развития капиталистических отношений в стране расширяет свои границы и социальную базу. В борьбу против самодержавия включились разночинцы, то есть выходцы из купечества, мещанства, низшего духовенства и т. д., которые вызвали к жизни и такое политическое направление в идеологии, как народничество. Его представители создавали свои организации и проводили активную работу

среди народа. Так, в 1876 году была создана «Земля и воля», которая через несколько лет из-за разногласий по вопросу о формах и методах борьбы с самодержавием распалась на две самостоятельные организации — «Народную волю» и «Черный передел».

Поняв безнадежность «хождения в народ», народовольцы встали на путь террора. Выстрел Веры Засулич в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова в 1878 году, целый ряд террористических актов по решению исполнительного комитета «Народной воли» в 1879 году [70], убийство 1 марта 1881 года императора Александра II, покушение на Александра III в 1887 году и т. д.— яркое проявление глубокого политического кризиса абсолютизма в России, несмотря на его некоторое «обновление» с помощью реформ.

В революционное движение втягивалось и студенчество крупных городов страны. Волнения студентов все чаще приобретали политический характер и вызывали большое беспокойство у правительства.

Но самым знаменательным явлением в жизни России во второй половине XIX века был выход на политическую арену рабочего класса. Уже к 80-м годам число рабочих в стране достигло 1 млн. человек, а к концу XIX века заводской пролетариат вместе с железнодорожниками увеличился до 2 млн. 207 тыс. человек [71]. И этот процесс был характерен как для центральных губерний России, так и для национальных окраин. Так, в Беларуси с 1860 по 1900 гг. общая численность рабочих возросла в 5,1 раза и составила 175,7 тысячи человек [72].

Именно в это время рабочий класс начинает бескомпромиссную борьбу против существующего в стране политического режима. По мере накопления этого опыта, повышения политической зрелости и усиления организованности росла и активность пролетариата. Если в первой половине 60-х годов зафиксировано около 100 стачек и свыше 50 волнений, то во второй половине 80-х — около 160 стачек и свыше 140 волнений [73]. И это вполне объяснимо, ибо рабочие, как и другие категории населения России, испытывали на себе гнет эксплуататорского класса, а полиция подавляла всякую попытку отстоять свои права. В ответ на реакцию царизма пролетариат поднимался на революционную борьбу, которая к концу века особенно активизировалась. С 1885 по 1894 год в стране произошло более 570 стачек и волнений, в которых участвовало около 350 тыс. рабочих [74].

Революционное движение пролетариата против самодер-

жавия значительно отличалось от борьбы крестьян своими целями и задачами, степенью организованности. В силу этого царизм, стремясь удержаться у власти, стал усиленно заниматься реорганизацией полиции, поиском новых методов и форм противодействия расширяющимся выступлениям народных масс.

Полиция — особое, наиболее действенное звено в карательном аппарате царского самодержавия. Эта особенность обусловлена большой мобильностью, многообразием методов и форм работы, широтой компетенции, разветвленностью и централизованностью структуры, близостью к народным массам, позволяющим полиции проникать во все классы и слои общества, выявлять «инакомыслящих», беспощадно расправляться с противниками русского абсолютизма.

Какие же методы и формы борьбы с революционным движением использовала полиция России? Они весьма разнообразны: идеологическое воздействие, слежка, провокация, расследование, прямые репрессии. Приоритетное или комплексное их использование зависело от конкретной обстановки, представляющей ту или иную степень опасности для самодержавия. Характерно, что во второй половине XIX века репрессии применялись только в тех случаях, когда более «мягкие» методы не давали желаемых результатов или для царизма складывалось критическое положение. А это вполне закономерно, так как в новых условиях правительство должно было хотя бы для видимости соблюдать законы. В. И. Ленин, отмечая эту особенность того времени, писал, что работа полицейских органов стала более «утонченной» и «трудной», ибо приходилось произвол и беззаконие прикрывать буквой закона [75].

В борьбе с революционным движением широко использовался метод идеологического воздействия. Он осуществлялся в форме пропаганды реакционного мировоззрения (одним из проявлений которого являлось проведение политики «полицейского попечительства»), а также критики и дискредитации революционного движения, его учений.

В ответ на широкую агитацию, проводимую народниками, полиция распространяла брошюры «О вреде социалистических учений» [76], осуществляла надзор, чтобы в церкви звучали проповеди против революционеров. Стремясь лишить революционеров социальной базы и в целях подготовки общественного мнения перед судебными процессами над ними, полиция распространяла всевозможные слухи. Так было, например, после ареста петрашевцев в 1849 году [77] и Д. В. Каракозова в 1866 году [78].

Идеологическое воздействие как метод борьбы с революционным движением часто использовалось для прикрытия, оправдания репрессий. Так, в 1862 году после пожаров в Москве были проведены многочисленные аресты политического характера, введены суровые правила для печати, закрыты воскресные школы и читальни для народа. И хотя следственная комиссия не установила никакой связи пожаров с политикой, полиция, чтобы оправдать действия властей и подорвать революционное движение, распустила по городу слух о студентах-поджигателях. Для дискредитации, ослабления влияния революционеров на общественно-политическую жизнь России полиция также не раз распускала слухи о предательстве некоторых из них. Так, в дни массовых арестов по делу «14-ти» в 1886 году «искусно пускались слухи, что предает М. Н. Рогачев», а в ходе следствия по делу «21-го» в 1887 году жандармы сумели навлечь подозрение на К. А. Степурина [79].

В конце XIX века новым направлением в пропаганде реакционного мировоззрения с целью борьбы с революционным движением становится политика «полицейского попечительства». С его помощью царизм намеревался подорвать революционное движение изнутри, развратить классовое самосознание пролетариата и решить вопрос в духе «полицейского социализма» Германии и Франции. С этой целью в 1898 году в Минске после массовых арестов в организациях Бунда охранка сумела завербовать агентуру для создания правительственных легальных рабочих организаций. В Минске такая «Еврейская независимая рабочая партия» начала действовать в 1901 году. Она занималась распространением шовинистических идей сионизма и отвлекала рабочих от политической борьбы. Легальные рабочие организации в начале XX века создавались в Москве, Петербурге, Киеве, Вильнюсе, Харькове, Гродно и других городах царской России. В них полиция усматривала действенное оружие борьбы с рабочим движением [80].

Широкое применение метода идеологического воздействия сыграло определенную роль в борьбе с революционным движением, но результаты его были значительно ниже тех, на которые рассчитывало самодержавие. Накал классовой борьбы все возрастал. В свою очередь этот метод объективно вызывал активизацию деятельности революционеров по разоблачению классовой сущности проводимых полицией мероприятий, еще более наглядно помогал раскрывать истинное лицо самодержавия.

Важное место в борьбе с революционным движением зани-

мал метод слежки. Его цель — поставить почти всю политическую жизнь России под контроль. Многочисленный и разветвленный, наделенный необычайно широкими полномочиями аппарат полиции следил за всем, что внушало хотя бы малейшее подозрение, могло представлять опасность существующему строю.

По степени легальности слежка проводилась в двух формах — гласного и негласного надзора. Полиция осуществляла гласный надзор за теми, кто по суду был выслан на жительство в другие губернии в силу своей политической неблагонадежности. Особенно широкое распространение эта форма слежки получала в ходе проведения в жизнь Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 года и Правил о местностях, объявленных состоящими на военном положении от 18 июня 1892 года, когда в больших масштабах применялась административная высылка политически неблагонадежных лиц.

Однако, как свидетельствуют документы, эта форма слежки была весьма неэффективной. В силу бюрократизма государственного аппарата, инертности его чиновников сведения о лицах, подлежащих надзору полиции, проходили через все инстанции крайне медленно. Высланные нередко прибывали в место назначения раньше, чем документы о них. Это позволяло «неблагонадежным лицам», как видно из предписания Департамента полиции от 24 января 1907 года, по приезду вступать тотчас же «в сношения с местными неблагонадежными лицами» или оказывать «им содействие в деле противоправительственной агитации» [81]. И хотя данный документ относится к началу XX века, подобное положение дел было и ранее.

Более распространенной формой слежки был негласный надзор. Его осуществляли полицейские чиновники, агенты наружного наблюдения, разного рода инспекции (фабричная, университетская и пр.), всевозможные добровольные организации и даже частные лица — слуги, дворники, родственники и т. д. Особую роль в негласном надзоре играли низшие полицейские чины, которые были ближе всего к народным массам — околоточные надзиратели, городовые, урядники, становые приставы, сотские и десятские. Интерес в этом плане представляет Инструкция околоточным надзирателям 1867 года, в которой есть раздел III: «Особые обязанности околоточных надзирателей, коим поручен внутренний надзор за народонаселением» [82]. Параграф 17 этого раздела обязывает надзирателей «ознакомиться ближайшим образом с населением

своего околотка не только вообще, но и с особенностями населения каждого дома в отдельности... Собирать негласным образом самые подробные сведения об образе жизни и поведении проживающих в околотке лиц, состоящих под надзором полиции...».

В условиях постоянно обостряющейся не только классовой, но и внутриклассовой борьбы в пореформенный период негласному надзору подвергались как трудящиеся массы, так и передовая часть представителей господствующего класса. В архивных материалах очень часто встречаются предписания полиции об установлении негласного надзора за помещиками. Так, военный начальник Минского уезда в своем предписании от 28 января 1865 года приставу 2-го стана данного уезда приказывает «учредить секретный полицейский надзор за помещиком Ф. Здеховским» в силу того, что получены «хотя и частные, но весьма правдивые сведения о его неблагонадежности в политическом отношении» [83]. Подобное предписание дано 15 июня 1865 года и в отношении полковника в отставке Н. Ф. Ястремского [84].

В последней трети XIX века негласному надзору подвергается все большая часть населения страны независимо от своей классовой и сословной принадлежности. Например, в ноябре 1872 года, по сообщению начальника Московского губернского жандармского управления генерала И. Л. Слезкина, под негласным надзором находилось 382 человека. Среди них были дворяне и разночинцы — 118 человек, более ста студентов вузов, восемь врачей, два адвоката, четыре профессора вузов, столько же учителей гимназии и другие [85]. Тайный надзор осуществлялся и политической, и общей полицией. В силу этого количество поднадзорных в России было довольно большим и постоянно увеличивалось. Если на 1 января 1875 года в Российской империи (исключая Сибирь, Кавказ и Закавказье) под надзором полиции по политическим причинам состояло 15629 человек, то к маю того же года — 18945 человек, то есть за четыре месяца число поднадзорных возросло почти на 20 процентов [86].

С помощью слежки устанавливали связи революционеров, места проведения собраний, хранения нелегальной литературы и т. п. На основе сведений, полученных в результате слежки, выявлялись руководители и наиболее активные члены нелегальных организаций, производились аресты «подозрительных» и «неблагонадежных» лиц, обыски с целью изъятия нелегальной литературы и других обличительных материалов, а также принимались меры, направленные на срыв собраний,

стачек рабочих, что, безусловно, отрицательно сказывалось на революционном движении. Весьма часто именно метод надзора давал полиции необходимый материал для применения к рабочему движению более действенного метода — репрессий. Так, «целенаправленная слежка привела к массовым обыскам и арестам членов «Рабочего союза» в июньские дни 1895 года» [87].

Видное место в деятельности полиции, особенно политической, занимал метод провокаций. С учетом конкретной обстановки он находил свое выражение в различных формах. И чем больше разворачивалось революционное движение, тем шире, системнее и разнообразнее полиция использовала данный метод. «Начало пышного цветения» провокации, как полагает Н. А. Троицкий, относится к послемартовской реакции 80-х годов [88].

Когда требовалось выяснить политические взгляды того или иного лица, царская охранка использовала провокаторов. Сначала они высказывали революционные взгляды, предложения и просьбы о помощи в борьбе с существующим строем, а потом, завоевав доверие, переходили к «постепеновским» призывам, то есть к умеренности и аккуратности в противодействии самодержавию [89]. Ни один искренний революционер в период идейного развала «Народной воли» не мог без возражений слушать подобные призывы, тем самым выдавая себя с головой. Очень часто использовал в своей работе подобные призывы провокатор С. В. Зубатов, без особого труда выявляя степень неблагонадежности собеседника [90].

Метод провокаций использовался и тогда, когда требовалось уличить революционеров в преступной деятельности, если не удавалось задержать их «с поличным». Именно с помощью метода провокаций добывались «веские доказательства» виновности поднадзорного. Так, в июле 1896 года при аресте члена Лахтинской типографии И. Е. Смирнова полиция подложила ему запрещенную литературу в дрова и сама «нашла» ее [91]. Еще более провокационный характер носила деятельность агента московского охранного отделения Беневольского, который во время своего визита в Саратов раздал «товарищам» нелегальную литературу, а жандармы изъяли ее в качестве поличного [92].

Полиция использовала метод провокаций и для дискредитации рабочего движения, создания «законного» повода для массовых арестов. Например, когда выступления рабочих принимали особенно организованный характер, полиция посылала подстрекателей с целью устроить драку, погром лавок

и т. п. Эту тактику «полицейского правительства» разоблачал «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» в листовке к рабочим Петербургской бумагопрядильной и ткацкой фабрик с изложением итогов стачки 1896 года [93].

Провокации широко использовались и тогда, когда требовалось выставить свидетеля, который бы уличал революционера в «противоправительственных действиях». Этот метод использовали в своей работе не только низовые, но и высшие полицейские чины. Например, в 1887 году в ходе следствия по делу «21-го» сам директор Департамента полиции И. Н. Дурново затеял переписку с подследственным П. Л. Антоновым якобы от имени его друга А. Г. Белоусова, пытаясь склонить Антонова «по-дружески к чистосердечному признанию» [94].

Рассматриваемый метод давал наиболее ощутимые для царизма результаты. Известно, что за 80—90-е годы провокатор петербургской охранки А. Геккельман «провалил ряд нелегальных явок, типографий, целых кружков» [95]. В Москве весьма успешно действовал в 80-х годах провокатор С. К. Белов. Особенно роковую роль в судьбе народовольцев сыграл член Военного центра «Народной воли» С. П. Дегаев, которого завербовала полиция в декабре 1882 года. Именно в результате его деятельности был полностью разгромлен Военный центр партии, а также местные военные группы. И справедливо замечает Н. А. Троицкий, что «провокация как система глубоких политических диверсий с целью расшатывания революционной партии изнутри отныне стала для карателей одной из главных задач» [96].

Осознание особой опасности полицейской провокации позволило рабочему классу разработать эффективную тактику борьбы с этим методом деятельности царской охранки: соблюдение высокой бдительности, системы детально продуманной конспирации, сочетание легальной и нелегальной работы, а также подготовка специальных людей, осуществлявших слежку за провокаторами и шпионами.

На изобличение в революционной деятельности лиц, находящихся под стражей, был направлен метод расследования. Его конечная цель — вербовка предателей революционного движения. Этот метод осуществлялся в различных формах. В зависимости от идейной убежденности и стойкости революционера полицейское изобличение подкреплялось психическим воздействием. Особенностью этого метода (в рассматриваемый период), значительно усложнившей деятельность поли-

ции, явилось требование придавать законный характер проводимым расследованиям.

Если в руки полиции попадало несколько членов революционной организации, то допросы, как правило, начинали с людей, не имевших твердых убеждений и не искушенных в революционной борьбе. Пытаясь морально сломить их, полицейские бравировали своей осведомленностью, делали мелкие уступки задержанным и заигрывали с ними. Показательна в этом отношении работа сотрудников московского охранного отделения Бердяева и Зубатова. Последний особенно умело чередовал моральное и идейное воздействие, представлял себя как идейного человека, вовлекал в теоретические споры, вызывал на «откровенность», и если дело не шло к исповеди, то уж моральный облик, степень убежденности своего собеседника, различного рода «мелочи» революционной деятельности непременно становились добычей ловкого полицейского [97].

Когда полиция сталкивалась с людьми твердых убеждений и закаленных в революционной борьбе, знающими уловки полиции, или когда показания задержанных представляли большую ценность, то тогда отбрасывалась игра в законность и в ход шло физическое воздействие. Допросы и истязания, которым подвергся Д. Каракозов, несмотря на его принадлежность к дворянскому сословию, являются ярким примером беззакония и жестокости, царивших в следствии по политическим делам [98]. Произвол в деятельности полиции обусловливался безнаказанностью ее сотрудников и полной поддержкой со стороны самодержавия.

Помимо перечисленных методов борьбы с революционным движением полиция часто прибегала и к прямым репрессиям, которые осуществлялись в форме административной ссылки, открытой физической или судебной расправы.

Административная ссылка применялась в отношении тех лиц, виновность которых полиция не могла доказать даже при использовании ранее перечисленных методов. Эта форма репрессий стала широко использоваться в 70-х годах XIX века и получила правовое закрепление в многочисленных законодательных актах, среди которых особо выделяются Закон от 19 мая 1871 года и Временные правила от 1 сентября 1878 года. Указанные акты расширили круг лиц, имеющих право осуществлять административную ссылку, и значительно упростили порядок ее" применения. Полиция могла не только арестовывать всех подозреваемых в совершении государственных преступлений или причастных к ним, но и определять любому

из них в качестве исправительной меры административную ссылку. При этом лица прокурорского надзора лишь уведомлялись о принятых решениях ".

В силу подобной практики только в 1880 году в России было подвергнуто административной высылке три тысячи человек [100]. Эта карательная мера использовалась даже тогда, когда суд признавал лицо невиновным в совершении противозаконных деяний. Так, руководителей морозовской стачки в январе 1885 года П. Моисеенко и В. Волкова суд оправдал, но по распоряжению министра внутренних дел они были высланы в административном порядке за пределы Московской губернии [101].

Высылая неблагонадежных из центральных губерний России, царизм стремился сбить накал революционной борьбы. Однако эффект получался обратный. Эти лица, прибыв к месту ссылки, начинали распространять революционные идеи среди местного населения, расширяя тем самым географию революционного движения и пополняя его ряды. Например, в конце 1894 года революционер П. А. Красиков был отправлен в ссылку в Красноярск, а постановление об этом в местную полицию пришло лишь год спустя [102]. Красиков продолжительное время не находился под надзором и занимался пропагандистской работой.

Открытая физическая расправа использовалась полицией в особо критических для самодержавия ситуациях, когда требовалась быстрая ликвидация беспорядков и смут. В связи с восстанием в Польше и Беларуси в 1863 году на большей части территории было введено военное положение, которое резко расширяло компетенцию военных властей и полиции. Губернатор Витебской губернии к своему предписанию от 6 июня 1863 года приложил полученную из центра Инструкцию для устройства военно-гражданского управления в уездах Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Витебской и Могилевской губерний, состоящую из 19 пунктов [103]. Так, в п. 16 этой инструкции было записано: «Начальники полиции в городах и уездах и все чины оной... подчиняются начальнику войск...» и должны «принимать строгие меры к укрощению мятежа». Что же это за строгие меры? Диапазон их довольно широк — от увольнения со службы до возбуждения уголовного дела. Например, во время стачки на Невской мануфактуре в 1885 году полиция с помощью войск пыталась выселить из жилого дома 750 рабочих, принявших участие в стачке. Дело дошло до настоящей осады и открытого столкновения [104].

В мае 1863 года также губернатор Минской губернии при-

казал полиций: «... чиновников, в чьих семьях есть женщины, носящие знаки, свидетельствующие о сочувствии революционному движению в Царстве Польском, уволить немедленно со службы», а самих женщин в первый раз подвергнуть штрафу в 25 руб. серебром, во второй раз — в 50 руб., а затем арестовать «для поступления с ними, как с участниками мятежа» [105].

Отдельные из рассмотренных методов борьбы с революционным движением царизм использовал не только в условиях реальной угрозы своей власти, но и с целью профилактики. Перед коронацией Александра III в 1881 году полиция арестовала и содержала под стражей лиц «неблагонадежных» [106]. Подобные акции, как усматривается из указания Департамента полиции от 5 августа 1891 года, проводились и при объявлении новых расценок на многих московских фабриках [107].

Бессилие царизма в борьбе с организованным рабочим движением вынуждало полицию широко использовать метод репрессий, грубо нарушая существующие законы. Если по циркуляру Департамента полиции от 5 апреля 1897 года предписывалось обыскивать и арестовывать подозрительных лиц на фабриках, то спустя несколько месяцев (циркуляр от 12 августа 1897 г.) аресту подлежали уже все заподозренные в преступных сношениях с рабочими. Причем рекомендуется также содержать под стражей «энергичных вожаков до полного успокоения умов» местного населения даже при отсутствии улик [108].

Как видно, в условиях массовых выступлений рабочих в 90-е годы XIX века самодержавию было уже не до игры в «законность». Полиция в этот период не могла обеспечить надлежащий общественный порядок своими силами и призывала на помощь войска. Так, в 1895 году при подавлении стачки в городе Ярославле среди рабочих были убитые и раненые [109]. А во время стачки на Реутовской мануфактуре в Московском уезде полиция и войска произвели аресты наиболее активных рабочих, оставшихся разделили на более мелкие группы и путем угроз подавили народное выступление [110]. Первомайскую демонстрацию в Варшаве в 1899 году также разогнали с помощью казаков, так как троекратно предпринятые попытки полиции остановить демонстрантов не увенчались успехом [111].

Подобным образом полиция действовала и в отношении крестьян, студентов, интеллигенции. Движение вологодских крестьян, например, продолжавшееся с мая по сентябрь 1887 года, было подавлено лишь тогда, когда в район волнений прибыли дополнительные военные и полицейские силы, с помощью которых арестовали организаторов и активных участников выступлений [112]. В ноябре 1896 года в Москве на Ходынском поле

состоялась массовая демонстрация студентов в связи с полугодовщиной коронации Николая II. Студентов окружила полиция, всех собравшихся переписали и 36 человек арестовали. В последующие дни полиция произвела массовые аресты в Московском университете (более 700 человек), после чего 200 наиболее активных студентов были исключены из университета [113]

Именно события 90-х годов заставили самодержавие создавать дополнительно казачьи конно-полицейские отряды и фабрично-заводскую полицию.

Метод репрессий полиция использовала не только в условиях крайней угрозы для господства самодержавия, но и тогда, когда вообще нарушался общественный порядок. Об этом свидетельствует и сообщение Минского губернского правления от 24 августа 1861 года Минскому земскому суду о том, что по предложению Министерства юстиции и Министерства внутренних дел для наведения порядка в Западном крае дела о нарушении общественного спокойствия должны рассматриваться в «судебно-полицейском порядке, который в пределах строгой законности может соединять в себе быстроту и несложность форм делопроизводства» [114]. К этому сообщению было приложено Временное положение о полицейских судах в Западном крае, которое состояло из трех разделов и 25 параграфов.

Полицейский суд рассматривал проступки против установленного режима управления и общественного спокойствия. Что же понималось под такими проступками? Ответ на данный вопрос содержится в § 1, в котором говорится: «Воспрещаются всякого рода публичные заявления желаний и стремлений, например, против существующего правительственного порядка. На сем основании воспрещается публичное пение гимнов и песен; публичное ношение публичных знаков; публичные денежные складки и сборы без предварительного разрешения полиции в пользу лиц, подвергшихся правительственным взысканиям; нанесение оскорблений и причинение угроз лицам, не желающим участвовать в этом; всякое оказание неуважения или противодействия, а тем более оскорбление должностных лиц, обязанных предупреждать и прекращать подобные беспорядки». При этом арест от двух недель до четырех месяцев или денежные взыскания от 40 до 800 рублей серебром налагались за все нарушения, кроме случаев противодействия и оскорбления должностных лиц. Если проступки, указанные в § 1, совершались повторно или по 3, 4 и 5 раз, то и штраф увеличивался во столько же раз.

В § 3 особо подчеркивалось: «Зачинщики и подстрекатели

подвергаются наказаниям всегда в высшей мере». Виновные в оскорблении должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей подлежали наказанию в виде указанных денежных взысканий и аресту, но срок содержания их под арестом увеличивался за каждый проступок от 2-х недель до 2-х месяцев против назначенного за другие проступки.

Полицейские суды двух степеней учреждались при уездном суде в губернском городе. Полицейский суд первой степени состоял из трех членов: уездного судьи, заседателя уездного суда и комиссара (по назначению правительства). Судом второй инстанции был апелляционный полицейский суд, учреждаемый в городах Вильно и Киеве. В его состав входили: председатель судебной палаты, товарищ председателя судебной палаты и советник губернского правления (по назначению генерал-губернатора). Апелляционная жалоба подавалась в течение семи дней. Согласно § 7 «...решения полицейских судов приводятся в исполнение полициями неотлагательно и без всякого послабления».

Хотя после проведения судебной реформы в Западном крае подобные суды больше не создавались, роль полиции не уменьшилась, ибо она не только «готовила» вещественные доказательства и свидетелей по политическим делам, но и сама выступала в качестве свидетелей. Подтверждением тому могут быть политические процессы над народовольцами. Так, по делу В. А. Осинского в 1879 году из 16 свидетелей 11 оказались жандармами во главе с капитаном Судейкиным. Он же возглавлял свидетелей и по делу А. Я. Габета, которого сам же и арестовывал [115].

Таким образом, в борьбе с революционным движением, которое представляло реальную угрозу существующему политическому режиму в России во второй половине XIX века, полиция использовала весьма разнообразные методы и формы противодействия и не знала ограничений в их выборе [116], с большим трудом обеспечивая необходимые условия для существования самодержавия. Однако подобная деятельность полиции объективно способствовала расширению социальной базы революционного движения, что неумолимо подтачивало устои существующего режима, подталкивало страну к революционным событиям начала XX века.

Глава II. РЕОРГАНИЗАЦИЯ СУДА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

§ 1. Предпосылки судебной реформы 1864 года

Как известно, суд, являясь одним из звеньев карательного аппарата, играет довольно значимую роль в государственном механизме. В силу этого правящий в стране класс всегда стремится не выпускать из своих рук судебную власть, используя ее как средство борьбы с инакомыслием. С помощью суда также подавляют оппозицию, если это не удается сделать посредством полиции.

Вот почему и самодержавие в России постоянно подвергало судебную систему реорганизации с целью ее приспособления к изменяющимся условиям властвования. И в новой общественно-политической обстановке, сложившейся в России в 60-х годах XIX века, царизм провел очередную реформу судебных органов.

Как правильно замечает Б. В. Виленский, судебную реформу 1864 года нельзя рассматривать «в отрыве от других буржуазных реформ, в отрыве от крепостного права в России» [117]. То есть, все эти изменения в управлении обществом вызваны общими экономическими, социальными и политическими причинами.

Но есть и более узкие, специфические причины, которые настоятельно требовали реорганизации судопроизводства и судоустройства. Это прежде всего неспособность дореформенного феодального суда выполнять свои функции в условиях зарождения буржуазных отношений во всех сферах жизни общества. Громоздкий, созданный по строго сословному принципу суд царской России задолго до буржуазной реформы раскрыл всю свою несостоятельность.

Что же представляла собой судебная система России накануне 1864 года? На этот вопрос очень хорошо ответил И. В. Гессен в работе «Судебная реформа». Он писал, что «организация суда... стала чрезвычайно сложной и запутанной» в силу того, что судебная система «постоянно подвергалась весьма частым преобразованиям, не имеющим какой-либо систематизации» [118].

К судам первой инстанции относились уездный суд (кото-

рый рассматривал гражданские и уголовные дела дворян и государственных крестьян), городской магистрат (дела мещан) [119], надворный суд (дела дворян и чиновников, проживавших в столицах). Вторую инстанцию составляли палаты уголовного и гражданского суда, учреждаемые в каждой губернии. И третьей инстанцией был Правительствующий Сенат, который рассматривал в кассационном порядке жалобы на решения и приговоры, вынесенные палатами гражданского и уголовного суда. Это были обычные светские суды, но помимо них существовали и специальные судебные органы: межевые конторы, которые в качестве суда рассматривали земельные споры, возникающие в процессе проводимого размежевания губерний и уездов; коммерческие суды, учрежденные в отдельных городах России для рассмотрения гражданских дел купцов; военные суды; совестные суды, выступавшие в качестве третейских судов при рассмотрении отдельных гражданских дел; и суды для духовенства. Более того, как отмечали даже буржуазные ученые тех времен, «с судами конкурировали губернские правления и полиция, производившие по гражданским делам бесспорные взыскания, а по уголовным делам — следствия» [120]. При этом следует заметить, что судебные органы находились в большой зависимости от администрации. По словам министра внутренних дел С. С. Ланского, «администрация ездила на юстиции».

Эта пестрая картина дореформенной судебной системы дополнялась разнообразными и запутанными до крайности формами процесса, ибо «разнообразию судебных инстанций соответствовали бесконечные вариации форм процесса» [121]. Но всех их роднило одно: различные формы процесса на практике осуществлялись «на бумаге, без непосредственного участия прикосновенных к делу лиц или их поверенных». А это означало, что фактически решение дела зависело от секретарей, которые составляли все необходимые документы и под «покровом бюрократических форм могли всякое дело поправить или затянуть в силу личных отношений и своекорыстных целей» [122].

Запутанность и бюрократизация процесса, множественность судебных инстанций породили и такое всеобщее явление в судах, как крайне медленное рассмотрение дел, которые порой десятилетиями лежали без движений. И перед указанным явлением, ставшим неотъемлемой чертой дореформенного суда, было бессильно даже само государство.

Так, дело о пропаже из Московского уездного казначейства медной монеты на 115 тыс. рублей рассматривалось в судах в течение 21 года. Даже чиновники особых поручений, послан-

ные для рассмотрения дел о порубках в казенных лесах, рассматривали их порой по 10—15 лет [123]. Современники усматривали главную причину этого явления в том, что «суд творится под покровом непроницаемой канцелярской тайны» [124] и что суды «входили тесно в систему губернского управления и всецело подчинялись «хозяину губернии» — губернатору» [125], то есть суды не были отделены от администрации. А если добавить к этому произвол и взяточничество судей и секретарей канцелярии, господствовавшую систему формальных доказательств, то можно понять, почему известный юрист А. Ф. Кони писал о дореформенном суде: «Этот старый суд представлял безотрадную картину...» [126]

Таким образом, специфическими причинами судебной реформы являлись: множественность судебных инстанций и форм процесса, высшая степень бюрократизации делопроизводства, большое количество сословных и специальных судов (до 20 разновидностей), отсутствие четких границ подсудности, несовершенство господствовавшей системы доказательств, неспособность обеспечить действенную и быструю защиту интересов правящего в стране класса в новых, обостренных условиях властвования.

Судебная реформа 1864 года готовилась несколько лет. По этому вопросу в литературе высказываются две точки зрения. Одни авторы полагают, что историю судебной реформы 1864 года следует рассматривать с начала XIX века, а другие считают, что со второй половины этого столетия. Б. В. Виленский прямо пишет: «Изучение подготовки судебной реформы следует начинать с проектов, которые разрабатывались еще в первой половине XIX века» [127]. Эту же точку зрения высказывали и современники, которые тщательно анализировали все документы, связанные с судебной реформой (и составившие 74 тома), собранные известным юристом С. И. Зарудным. В частности, они указывали, что «блудовские проекты несомненно послужили источником для Основных положений» [128].

Думается, что эта точка зрения является более правильной, так как первые шаги к реформе суда предпринимались еще в начале XIX века. При этом было подготовлено несколько проектов: Сперанского, Кочубея и Балугьянского. Именно та большая работа, проведенная в начале столетия, позволила в условиях революционной ситуации 60-х годов в кратчайший срок подготовить судебную реформу, «которая была самой последовательной буржуазной реформой среди реформ второй половины XIX века, ибо принципы буржуазного права были в ней выражены наиболее полно» [129].

В первой половине XIX века работа по подготовке реформы суда проводилась во втором отделении императорской канцелярии, главноуправляющим которого был граф Д. Н. Блудов. Министерство юстиции хотя и нуждалось в реформе судебных учреждений, совершенно не занималось этим вопросом. Г. Джаншиев, который одним из первых глубоко исследовал историю составления Судебных уставов 1864 года, объясняет это тем, что во главе Министерства юстиции стоял В. Н. Панин, снискавший себе печальную известность. Он, по словам Джаншиева, был «холоп в душе и вместе с тем деспот, выше закона и правосудия ставивший причуды своего сумасбродного произвола и обозленной фантазии, ярый защитник крепостного права, плетей, клеймения, цензуры, словом, окаменелый **консерватор**» [130].

Готовя судебную реформу, Д. Н. Блудов неоднократно требовал «от членов судебного ведомства замечания о доказанных практикой недостатках действующего судебного законодательства» [131] и с учетом их составлял новые проекты. Его предложения по судебной реформе в сороковых годах были направлены на то, чтобы внести отдельные изменения в действующую систему, то есть не предусматривали коренной ломки старого феодального суда. Джаншиев по этому поводу заметил: «Граф Блудов ограничивался проектированием второстепенных технических улучшений, вроде: отмены рукоприкладства, указания секретарям «приличных к делу» законов, сокращения числа инстанций и т. п.» [132]. Но даже и такие изменения не были одобрены В. Н. Паниным, который находил их «слишком смелыми».

Д. Н. Блудов, натолкнувшись на противодействие со стороны В. Н. Панина, неоднократно ставил вопрос перед императором о необходимости более быстрой подготовки судебной реформы и просил разрешения создать специальные комитеты для составления проектов уставов уголовного и гражданского судопроизводств. **В 1850** и 1852 годах он добился разрешения на создание таких комитетов. В их состав вошли представители Министерства юстиции, Правительствующего Сената, прокуратуры и II-го отделения императорской канцелярии. Так, в состав комитета по выработке проекта гражданского судопроизводства вошли пять человек, а делопроизводителем был назначен С. И. Зарудный (он так много сделал для подготовки судебной реформы и проведения ее в жизнь, что вошел в историю как «отец судебной реформы»).

Деятельность II-го отделения канцелярии по подготовке судебной реформы сдерживалась той атмосферой «умствен-

ного гнета и законодательного застоя», которая царила в России во время правления Николая I. Вступление на престол Александра II вызвало в стране «нравственный и умственный подъем». За три года во П-ом отделении указанной канцелярии были подготовлены и переданы в Государственный совет 14 законопроектов, среди которых необходимо выделить Устав гражданского судопроизводства, Положение о присяжных поверенных, Устав уголовного судопроизводства и Устав судоустройства. И как отмечал Г. Джаншиев, проекты Блудова «1858—1860 годов составляли громадный, почти разительный шаг вперед» [133]. В них нашли отражение такие прогрессивные положения, как полное отделение суда от администрации, гласность и устность, состязательный процесс, учреждение суда только в двух инстанциях, устранение полиции от производства следствия, введение института защиты и другие.

Такой разительный контраст между проектами Блудова 40-х и 50-х годов XIX века стал возможен благодаря новому революционному подъему, набиравшему силу под воздействием кровопролитной Крымской войны и поражения в ней царизма. Но и эти проекты судебной реформы не увидели свет. Понадобилось еще несколько лет, чтобы антикрепостническое движение приобрело такой широкий размах, что царизм, напуганный его масштабами, пошел на отмену крепостного права. Именно последнее наложило большой отпечаток на судебную реформу, усилив ее прогрессивные черты и радикальный характер. Даже буржуазные ученые указывали, что в ускорении работы по судебной реформе «важнейшую роль сыграло ... падение крепостного права» [134] и что «великий акт освобождения крестьян оказал ... громадное воздействие на дальнейшее движение и ускорение этого преобразования» [135].

23 октября 1861 года царь подписал указ, предписывающий приступить к составлению основных положений о судопроизводстве. К работе были привлечены видные юристы того времени: обер-прокурор Н. А. Буцковский, статс-секретари Н. И. Стояновский и С. И. Зарудный, губернский прокурор Д. А. Ровинский. В комиссию вошли 33 человека, как правило, представлявшие различные высшие органы России — Государственный совет, Сенат, Министерство юстиции и т. д. [136].

Буквально за несколько месяцев были подготовлены специальные записки по шести основным вопросам судебной реформы: об основных началах гражданского судопроизводства, об основных началах гражданского судоустройства, об основных началах уголовного судопроизводства, об основных началах уголовного судоустройства, о переходных мерах от

существующего ныне порядка к порядку новому и штатах новых судебных учреждений. Все эти документы по распоряжению императора от 9 апреля 1862 года были переданы на рассмотрение соединенных департаментов законов и гражданского Государственного совета, которые за три месяца провели 16 заседаний и в августе передали проекты в общее собрание Государственного совета. Трижды в течение августа—сентября 1862 года общее собрание Государственного совета собиралось для обсуждения представленных проектов. 29 сентября император утвердил Основные положения судебной реформы, после чего они были опубликованы «во всеобщее сведение» [137].

После опубликования Основных положений судебной реформы работа над проектом по-прежнему продолжалась, поскольку окончательный вариант необходимо было представить к 15 января 1863 года. В ходе подготовки текста использовались проекты, разработанные в 50-х годах XIX века, а также «иностранное законодательство». Но последнее не слепо копировалось русскими юристами и играло не первую роль: «...доверие к силам русского народа и сознание его самостоятельных интересов были причиною, что прямого заимствования из иностранных законодательств в Судебных уставах немного» [138].

Правительство, вынужденное проводить буржуазные реформы, стремилось к менее радикальным преобразованиям существующего строя, цепляясь за привычное, известное. Даже буржуазные ученые отмечали, что «все же желания и правовые идеалы просвещенных групп населения были значительно впереди официальных предположений судебных преобразований» [139].

При выработке окончательного варианта проектов судебной реформы между членами комиссии, а также во время обсуждения данных документов в Министерстве юстиции и Государственном совете резко проявились две тенденции — консервативная и прогрессивная. Представители первой во главе с графом Паниным выступали против основных прогрессивных принципов реформы: независимости и выборности судей, отделения суда от администрации, введения суда присяжных заседателей и других. Но и у прогрессивной части членов комиссии не было единства по отдельным вопросам. Среди них выделялись четыре группы. К первой относились «чистые теоретики», сторонники отвлеченных политико-юридических принципов; ко второй — «подражатели», стремившиеся к слепому копированию западноевропейских порядков; к третьей — те, кто не решался сразу оторваться от существовавших в России

порядков и в силу этого призывал к постепенному переходу к новой судебной системе; к четвертой — практические деятели судебных органов, желавшие обновления судебной системы и судопроизводства, которые черпали основания для изменения «не из теоретических соображений или слепой подражательности, но из знания русской жизни в ее судебно-бытовых проявлениях и из доверия к умственным и нравственным силам народа» [140].

Прогрессивно настроенным членам комиссии приходилось в жарких дискуссиях, которые разгорались при обсуждении проектов судебной реформы, отстаивать свою точку зрения. Анализируя опыт организации и деятельности судов России, большой фактический материал по рассмотрению различных дел в судах, они опровергали доводы противников и доказывали, например, что принцип выборности — это не новый принцип в организации судов в России в буквальном смысле слова, а он имел место и ранее; что русский народ по своему развитию в состоянии участвовать в лице присяжных заседателей в судебном процессе и решать вопрос о виновности или невиновности и т. д. Так, Н. А. Буцковский провел глубокое историческое исследование, доказывая противникам, что выборные начала в судах России «господствовали во всей допетровской истории» [141], а вместе с Д. А. Ровинским он «с большой тщательностью» разработал вопрос о суде присяжных и сумел «блестяще и убедительно доказать желательность и возможность его введения в России» [142].

Разногласия между членами комиссии перешагнули стены официальных учреждений и стали предметом широкого обсуждения на страницах печати («Русский вестник», «Отечественные записки», «Морской сборник», «День», «Петербургские ведомости» и др.). При этом консервативно настроенная часть комиссии использовала реакционную печать для открытой и злобной травли наиболее последовательных сторонников прогрессивных принципов судебной реформы, упрекая их в слепом подражании Западу, в незнании русской действительности, в желании изменить существовавшую форму правления. Реакционеры всех мастей стремились запугать правительство и русского обывателя революцией, настраивая их против судебной реформы. Но в условиях большого подъема политической активности различных слоев общества России самодержавие вынуждено было шаг за шагом уступать свои позиции в этом вопросе.

Значительный вклад в подготовку судебной реформы внесли юристы С. И. Зарудный, Н. А. Буцковский, А. М. Плав-

ский, Д. А. Ровинский, которых А. Ф. Кони считает «отцами» Судебных уставов [143]. А Джаншиев назвал С. И. Зарудного «корифеем судебной реформы» [144].

После опубликования Основных положений судебной реформы в Государственную канцелярию поступило «со всех концов России 448 замечаний, из них сообщено чинами судебного ведомства 321, разными другими лицами 127. Отпечатанные и собранные вместе эти замечания составили шесть больших томов» [145].

На последнем этапе разработки проектов ори Государственной канцелярии была создана особая комиссия для подготовки окончательного текста документов с учетом всех проведенных заседаний, дискуссий и поступивших замечаний, предложений. В нее вошли девять представителей Государственного совета, пять человек от П-го отделения императорской канцелярии, трое — от Министерства юстиции, двое — от Министерства внутренних дел, семь — от губернских судебных учреждений и другие, всего 31 человек [146].

Для ускорения работы особая комиссия образовала три отделения: 1 — судоустройства (под председательством А. М. Плавского), 2 — уголовного судопроизводства (Н. А. Буцковского), 3 — гражданского судопроизводства (С. И. Зарудного). Все члены указанных отделений составляли общее собрание особой комиссии, которое окончательно принимало проект уставов. Уже в октябре 1862 года особая комиссия приступила к работе.

С разрешения государственного секретаря к подготовке проектов уставов также привлекались и другие лица, которые «своею опытностью и своими познаниями» могли оказать помощь в завершении этой объемной работы. По мере необходимости приглашались для участия в обсуждении отдельных вопросов также и профессора-юристы, юристы-практики, стряпчие коммерческих судов, судебные следователи и другие.

Работа особой комиссии продолжалась до декабря 1863 года и была очень напряженной. Так, отделение судоустройства провело 47 заседаний, отделение уголовного судопроизводства — 89, гражданского судопроизводства — 91, а общее собрание особой комиссии — 43 заседания.

24 декабря 1863 года особая комиссия представила в Государственный совет три проекта: Учреждение судебных мест, Устав уголовного судопроизводства и Устав гражданского судопроизводства. Каждый проект сопровождался особой пояснительной запиской, где излагались различные точки зрения

по рассматриваемым вопросам и доводы комиссии, принявшей то или иное решение.

В течение марта-июля 1864 года все три проекта были предметом рассмотрения соединенных департаментов законов и гражданского Государственного совета, который также рассмотрел представленный П-м отделением императорской канцелярии проект Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

В сентябре-октябре все проекты, дополненные при обсуждении в Государственном совете, были рассмотрены и одобрены его общим собранием, а 20 ноября 1864 года подписаны императором.

Таким образом, длительная работа по реорганизации судебной системы России была, наконец, успешно завершена. Впервые в истории страны получили законодательное закрепление прогрессивные буржуазные принципы судоустройства и процесса. Даже буржуазные ученые России в 1915 году писали, что сила Судебных уставов в том, что «на них слишком ясно были написаны черты другого строя, до которого мы не дожили и посейчас» [147].

Судебная реформа в России проводилась на основании четырех законодательных актов: Учреждения судебных установлений, Устава уголовного судопроизводства, Устава гражданского судопроизводства и Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, в которых полно и последовательно проведены такие буржуазные принципы судоустройства и процесса, как независимость и несменяемость судей, состязательность процесса, презумпция невиновности, общесословность суда, отделение суда от администрации, гласность, участие общественности в судопроизводстве и ряд других.

Но одно дело принять закон, а другое — провести его в жизнь. И вот здесь-то консервативно настроенная часть российского общества, поддержанная императором Александром II, постаралась взять реванш, сделав все возможное, чтобы выхолостить из судебной реформы наиболее прогрессивные черты и ограничить их применение. Первое, что было сделано царизмом,— это территориальное ограничение применения Судебных уставов и поэтапное их введение в действие.

19 октября 1865 года утверждено Положение о введении в действие Судебных уставов, по которому судебная реформа проводилась не одновременно по всей стране, а поэтапно. Это привело к тому, что реорганизация осуществлялась более 35 лет.

Кроме того, новые законы и положения действовали в неко-

торых регионах не в полном объеме, с различными исключениями. Так, первоначально Судебные уставы в соответствии с буквой закона вводились в губерниях европейской части России. Уже в 1866 году в Петербургской и Московской губерниях торжественно открывались новые суды. В последующие годы начинается поэтапное создание новых судов в девяти западных губерниях России (в том числе в Виленской, Витебской, Минской, Могилевской, Подольской), в Польше, Прибалтике, Сибири, а накануне XX столетия — в Средней Азии и Казахстане. Например, открытие Виленской судебной палаты произошло только 20 ноября 1883 года, через несколько дней — Гродненского, Ковенского и Минского окружных судов (соответственно 23, 26 и 30 ноября) [148], тогда как в Средней Азии и Казахстане подобные суды появились только в 1898 году.

Следует отметить, что Судебные уставы 1864 года, вводимые в действие в окраинных губерниях России, как правило, действовали с большими изменениями. Даже в белорусских губерниях был значительно ограничен принцип выборности мировых судей, а при учреждении мировых судов в Кавказском крае — сужена их компетенция.

Таким образом, судебная реформа на территории России проводилась не одновременно и с определенными изъятиями в губерниях национальных окраин. Но даже и в таком виде она оказала большое влияние на общественно-политическую обстановку в стране.

§ 2. Система, структура и компетенция судов по Судебным уставам 1864 года

Как уже отмечалось, по судебной реформе в России предусматривалось создание новых судов. Их система, порядок комплектования, структура и взаимоотношения подробно регламентировались в Учреждении судебных установлений, состоящем из введения, IX разделов и 420 статей.

Рассмотрим этот документ подробнее. В ст. 1 введения дается перечень судебных органов, при этом отмечается, что «власть судебная принадлежит мировым судьям, съездам мировых судей, окружным судам, судебным палатам, Правительствующему Сенату в качестве верховного кассационного суда». Здесь же усматривается, что наряду с вновь вводимыми остаются и прежние судебные органы, в частности, Сенат, который и после реформы сохраняет свое верховенство в системе судов в качестве высшей кассационной инстанции.

Что же представляли собой новые судебные органы? Все они подразделялись на две не связанные между собой, на первый взгляд, как бы автономные системы — местных и общих судов. Каждая из систем состояла из двух звеньев: суда первой инстанции и суда второй инстанции. При этом в обеих системах решение или приговор суда второй инстанции считался окончательным. Допускалась лишь подача кассационной жалобы в Правительствующий Сенат.

Таким образом, налицо видно стремление законодателя упростить судебную систему и в какой-то мере унифицировать ее. Это подтверждается и ст. 4, 11 указанного документа. Так, в ст. 4 отмечается, что ведомство судов обеих систем «ограничивается особыми участками и округами», а ст. 11 гласит: «При судебных местах находятся: 1) канцелярии; 2) судебные пристава; 3) присяжные поверенные; 4) кандидаты на должности по судебному ведомству и 5) нотариусы».

Несмотря на наличие общих черт, обе системы имели большие отличия по принципу комплектования, компетенции и некоторые особенности в структуре.

Система местных общесословных судов, которая подробно рассматривается в разделе I «О мировых судьях и их съездах» Учреждения судебных установлений, состояла из мирового суда первой инстанции в лице единоличного мирового судьи и мирового суда второй инстанции, именуемого съездом мировых судей. Для учреждения мировых судов повсеместно создавались мировые округа, которые, как правило, совпадали с территорией уездов, и мировые участки, их число в мировом округе, как было сказано в ст. 14, «определяется особым расписанием».

В каждом мировом участке в качестве суда первой инстанции находился участковый мировой судья, который избирался на три года (ст. 15, 23). Закон весьма обстоятельно регламентировал порядок выборов мировых судей. В главе 2 «О порядке избрания и утверждения мировых судей» указывались требования, предъявляемые к кандидатам на эту должность, и процедура их избрания. Содержание этой главы недвусмысленно раскрывает истинную цель царского самодержавия, которую оно преследовало при создании мировых судов. Вынужденный ввести принцип выборности, царизм обставил этот порядок так, чтобы не только сохранить за собой весьма реальные рычаги влияния на их ход, но и путем детальной регламентации вопроса о том, кто может быть избран на эту важную должность, обеспечить преимущественно дворянский состав новых судов.

Кандидаты на должность мирового судьи должны были удовлетворять четырем цензам: возрастному, образовательному, имущественному и оседлости (ст. 19). Избирали только жителя данного мирового округа и только при условии, если ему не менее 25 лет. Образовательный ценз предусматривался довольно высокий. Кандидат на должность мирового судьи должен был окончить высшее или среднее учебное заведение, либо выдержать «соответствующее сему испытание», или же до выборов работать «не менее 3-х лет в таких должностях, при исправлении которых могли приобрести практические сведения в производстве судебных дел».

Цели обеспечения классового состава мировых судей служил и **имущественный** ценз в виде определенного размера недвижимой собственности. Кандидат в мировые судьи должен владеть «или пространством земли вдвое против того, которое определено для непосредственного участия в избрании гласных в уездные земские собрания, или другим недвижимым имуществом ценою не ниже пятнадцати тысяч рублей, а в городах — недвижимою собственностью, оцененною для взымания налога: в столицах не менее шести тысяч, в прочих же городах не менее трех тысяч рублей» [149].

Ст. 19, из которой приведена выдержка, представляет особый интерес. Текст ее показывает, что царизм, стремясь обеспечить нужный ему классовый состав судов, вводит высокий имущественный ценз. Однако под воздействием объективного процесса обезземеливания дворянства и дробления их поместий не многие представители этого класса могли удовлетворять такому требованию. Чтобы облегчить дворянам доступ в судебные структуры, законодатель предусматривает, что отдельные лица имеют право избираться в мировые судьи, если даже не они владеют указанным размером земли, а «их родители или жены», либо такой участок земли расположен не в данном округе, а в «разных местах».

В этот период в феодальной России зарождались буржуазные отношения и появился класс буржуазии. Царизм вынужден был допустить в суды представителей нового класса, так как некоторые из них, согласно статье 19 (см. выше), обладали достаточно большим «другим недвижимым имуществом». Однако только крупная и отчасти средняя буржуазия могла претендовать на должность мирового судьи.

В ст. 21 дается исчерпывающий перечень лиц, которых нельзя избирать в мировые судьи. Это граждане, состоящие под судом и следствием, исключенные по суду из службы, лица духовного звания **и** многие **другие.**

Порядок проведения выборов был так обставлен, что последнее слово оставалось за представителем местной власти — губернатором. Согласно ст. 26 уездный предводитель дворянства за три месяца до выборов по каждому мировому округу составлял список лиц, имеющих право избираться в мировые судьи. Список сообщался губернатору и только после этого согласно ст. 29 публиковался «для общего сведения в губернских ведомостях, за два месяца до выборов».

Выборы мировых судей производились на уездных земских собраниях, на которых должно было присутствовать не менее 12 гласных (ст. 24, 25). Если нужного количества гласных не набиралось, то судей выбирали в губернском земском собрании. Избранным считалось лицо, набравшее «более избирательных, нежели неизбирательных голосов» (ст. 33), то есть избрание осуществлялось простым большинством голосов.

В каждом мировом округе после выборов мировые судьи распределяли между собой мировые участки и избирали из своей среды председателя съезда мировых судей. Участковый мировой судья, «отказавшийся от следующего ему по этой должности содержания, получает название почетного участкового мирового судьи, сохраняя оное во все времена безвозмездного заведывания участком» (ст. 45).

Таким образом, были как участковые мировые судьи, так и почетные мировые судьи, различались они только статусом. В соответствии с Учреждением участковый мировой судья не мог совмещать свою деятельность с другой должностью «по государственной или общественной службе, за исключением только почетных должностей в местных богоугодных и учебных заведениях», получал жалованье за работу и рассматривал все подведомственные мировому суду дела. Так были заложены определенные правовые гарантии обеспечения принципа отделения суда от администрации.

Почетный мировой судья одновременно мог занимать и другую должность «по государственной или общественной службе, за исключением должностей: прокуроров, их товарищей и местных чиновников казенных управлений и полиции» (ст. 49), не получал за работу жалованья и рассматривал подведомственные мировому суду дела только «в тех случаях, когда обе стороны обратятся к его посредничеству» (ст. 46). Что же касается компетенции участковых и почетных мировых судей, процессуального порядка рассмотрения дел и юридической силы выносимых ими решений и приговоров, то они были одинаковыми. Более того, участковые и почетные мировые судьи

на равных правах являлись членами второй инстанции мировой юстиции — съезда мировых судей.

Компетенция мировых судов определялась тремя документами: Уставом уголовного судопроизводства, Уставом гражданского судопроизводства и Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Наиболее полно данный вопрос освещался в последнем нормативном акте, состоящем из 13 глав и 181 статьи. Уже первая его статья ясно указывает на то, что мировые суды рассматривали мелкие дела, так как они могли назначать только следующие наказания: 1) выговоры, замечания и внушения; 2) денежные взыскания не свыше трехсот рублей; 3) арест не свыше трех месяцев; 4) заключение в тюрьму не свыше одного года.

Какие же конкретно дела рассматривались мировыми судами? Перечень их дан в законе довольно обстоятельно. Интерес представляет та последовательность, в которой законодатель их перечисляет. Это позволяет выяснить значимость того или иного деяния, отношение к нему законодателя. На первом месте указаны преступления против порядка управления, на втором — против благочиния, порядка и спокойствия, на третьем — против общественного благоустройства, на четвертом — нарушения устава о паспортах и только на девятом — проступки против личной безопасности, на десятом — дела об оскорблении чести, угрозах и насилии, на одиннадцатом — проступки против прав семейственных, на двенадцатом — проступки против чужой собственности, которые включают самовольное пользование чужим имуществом и его повреждение, а также кражу, мошенничество, растрату и присвоение чужого имущества.

Как видно, законодатель большое значение придавал тем деяниям, которые затрагивали основы существующего строя — порядок управления и благочиния, и ставил их на первое место. Но необходимо заметить, что мировым судам передавались на рассмотрение лишь незначительные деяния, затрагивающие порядок управления, благочиния и спокойствия. К таким деяниям отнесены: неисполнение законных распоряжений, требований правительственных и полицейских властей, оскорбление полицейских, служителей судебных и правительственных мест во время отправления ими должности, истребление и порча «предостерегательных и межевых знаков», гербов, надписей и объявлений, выставленных по распоряжению законных властей, и т. п.

К проступкам против благочиния и спокойствия отнесены: нарушение «благоговения в церкви», распространение ложных

слухов, «хотя не имеющих политической цели, но возбуждающих беспокойство в умах, а равно за напрасное причинение общей тревоги ударом в набат или иным образом», ссоры и драки в публичных местах, прошение милостыни «по лени и привычке к праздности» и ряд других деяний.

Представляет интерес ст. 42 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, которой предусматривается арест на срок не свыше семи дней или денежное взыскание на сумму не свыше 25 рублей за «появление в публичном месте в беспамятстве или в безобразном от опьянения виде». А если сравнить рассмотренную статью со ст. 49, которая предусматривает ответственность в виде заключения в тюрьму на срок от двух недель до одного месяца, и статьей 50, устанавливающей ответственность за прошение милостыни «с дерзостью и грубостью или с употреблением обмана» в виде тюремного заключения на срок от одного до трех месяцев, то ясно видим отношение власти к самым обездоленным слоям населения.

Что же касается проступков, посягающих на интересы частных лиц (личная безопасность, честь, собственность и т. п.), то законодатель дает их в перечне последними, подчеркивая тем самым их меньшую значимость. Но следует заметить, что не все проступки против частной собственности были предметом рассмотрения мировых судов, а только те, когда стоимость похищенного, растраченного или присвоенного имущества не превышала 300 рублей. Согласно Уставу гражданского судопроизводства мировой суд рассматривал и гражданские дела с ценой иска до 500 рублей, за исключением дел о недвижимой собственности, которые были вообще изъяты из компетенции мировых судов. И это вполне понятно, ибо политическая обстановка в стране в тот период была такова, что царизм опасался передать выборным органам, даже в большинстве своем состоящим из дворян дела, затрагивающие саму экономическую основу существующего строя.

Как правило, участковый мировой судья почти по всем делам не мог выносить окончательного решения, они в обязательном порядке поступали на рассмотрение съезда мировых судей. Однако законодатель допускал случаи, когда решение или приговор участкового мирового судьи считались окончательными и могли быть опротестованы только в кассационном порядке. Это касалось гражданских дел с ценой иска до 30 рублей и уголовных дел, влекущих мягкие наказания (внушение, замечание, выговор, штраф до 15 рублей, арест до трех дней) или по которым был вынесен оправдательный приговор.

Участковый мировой судья рассматривал дела единолично,

досудебную подготовку дел проводил сам или с помощью полиции. Решение мирового судьи можно было обжаловать в суде второй инстанции — на съезде мировых судей, который уже являлся коллегиальным судебным органом. В главе V Учреждения судебных установлений подробно регламентируется деятельность этого суда. Так, ст. 56 устанавливает кворум суда: «не менее 3-х мировых судей, считая в том числе и председателя оного». Как правило, присутствие было многочисленным, потому что членами съезда являлись и участковые, и почетные мировые судьи.

«При значительном накоплении дел» и с целью их скорейшего рассмотрения законодатель предусматривал возможность создания отделений из числа съехавшихся мировых судей. При этом в одном отделении возглавлял работу председатель съезда мировых судей, а в других — избранные судьями временные председатели.

В судебном заседании съезда мировых судей присутствовал товарищ прокурора окружного суда (если этого требовал закон) и секретарь, которого определял председатель. Председатель также мог назначить помощника секретаря, если в этом была необходимость, и судебных приставов. Последние исполняли указания председателя, решения мировых судей и их съездов. Секретарь, его помощник и судебные приставы находились в ведении председателя и ему подчинялись. Число судебных приставов при съездах мировых судей определялось в уездах земскими собраниями, а в городах — городскими думами.

Согласно ст. 44, 60 Учреждения судебных установлений содержание мировой юстиции осуществлялось исключительно за счет «земских сборов». Так, вынужденное пойти на создание выборного суда, самодержавие не выделило из госбюджета средств на его содержание, тем самым увеличив и без того постоянно возраставший размер местных налогов и ухудшив экономическое положение широких народных масс.

Съезд мировых судей выступал как апелляционный суд, рассматривая жалобы на дела, которые мировой судья не мог решать окончательно, и как кассационный суд, рассматривая протесты на окончательные решения и приговоры мирового судьи. Решения и приговоры по делам, рассмотренным съездом в качестве суда апелляционного, могли быть обжалованы только в кассационном порядке, а по всем другим делам его решения считались окончательными.

Уголовные и гражданские дела, превышающие компетен-

цию мировых судов, рассматривались в системе общих судов, состоящей из окружных судов и судебных палат.

Окружной суд учреждался один на несколько уездов, число которых устанавливалось Сенатом. Так, к Минскому судебному округу относились город Минск, Минский, Борисовский, Бобруйский, Мозырский, Речицкий, Слуцкий, Пинский и Новогрудский уезды. Количество окружных судов в России не было постоянным, так как судебная реформа на всей территории страны (на это обстоятельство обращалось внимание выше) проводилась не одновременно, а постепенно. Если в 1872 году насчитывалось 40 окружных судов [150], то в 1887 — вдвое больше, с общим числом 916 судей [151].

Численный состав окружного суда определялся штатным расписанием. Так, в Минском окружном суде в 1884 году был один председатель, два товарища председателя и восемь членов суда [152].

Принимая во внимание большую значимость дел, рассматриваемых общими судами, царское правительство значительно повышает требования к кандидатам на должности в этих судах и вводит взамен выборности принцип назначения. Все назначения на должности осуществлялись правительством по представлению министра юстиции. При этом лица должны были отвечать следующим требованиям: иметь высшее юридическое образование, стаж практической работы в судебном ведомстве, быть политически благонадежными и т. п.

Кроме членов суда, при каждом окружном суде учреждались канцелярия и ряд других должностных лиц (нотариусы, судебные приставы, судебные следователи и т. д.). Так, при Минском окружном суде в 1884 году находились три секретаря, семь их помощников, старший нотариус, архивариус, шесть писцов, 11 судебных приставов, двое судебных рассыльных и 29 судебных следователей [153].

Из своего состава окружной суд мог образовывать отделения — уголовное и гражданское, число которых зависело от количества поступивших дел. Например, в Минском окружном суде было одно гражданское и два уголовных отделения. При необходимости могли образовываться временные отделения для выездных сессий по уголовным делам. В последнем случае председателю окружного суда разрешалось приглашать мировых судей и судебных следователей «для пополнения присутствия суда» согласно распоряжению Правительствующего Сената от 18 октября 1882 года [154].

В отличие от мирового суда первой инстанции все дела в окружном суде рассматривались коллегиально при кворуме не

менее трех членов. Другой особенностью окружного суда было то, что уголовные дела, влекущие наказания, сопряженные с лишением всех прав состояния или всех особенных, личных и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, всегда рассматривались с участием присяжных заседателей.

Институт присяжных заседателей являлся весьма прогрессивным новшеством в судебной системе. Это было уступкой царизма требованиям демократически настроенной части общества. Но, допустив участие общественности в деятельности судов, правящие круги так обставили порядок формирования института присяжных заседателей, что сохранили за собой контроль за его составом. В разделе II Учреждения судебных установлений содержится глава 2 «О присяжных заседателях», в которой изложены требования, предъявляемые к кандидатам в присяжные заседатели, порядок составления их списков.

Присяжным заседателем могло быть лицо, состоящее в русском подданстве, достигшее 25 лет и проживающее не менее двух лет в том уезде, где производится его избрание. При этом в ст. 82 указано, что не могут быть присяжными заседателями исключенные из службы по суду, не знающие русского языка, состоящие под следствием и судом и т. д. Анализ содержания данной статьи дает основание говорить о том, что фактически запрещалось избираться большой категории лиц, особенно из национальных окраин. Перечень лиц, не имеющих права избираться, значительно расширяется (ст. 84—96) при определении порядка составления общего списка присяжных заседателей. В этот список не вносятся священнослужители и монашествующие, военные чины, гражданские чины военных ведомств, учителя народных школ, а также лица, находящиеся в услужении у частных лиц.

По закону в общий список автоматически включались: все почетные мировые судьи; все чиновники государственной гражданской службы, состоящие в должностях пятого и выше классов, за исключением лиц прокурорского надзора, чиновников полиции, вице-губернаторов, казначеев, лесничих казенных лесов, членов судебных мест, судебных приставов и нотариусов; все выборные должности дворянских и городских обществ, кроме городских голов; крестьяне, занимавшие выборные должности в крестьянском обществе (судьи волостных судов, волостные старшины, головы, сельские старосты и т. п.) и все прочие лица, владеющие землей в количестве не менее 100 десятин или другим недвижимым имуществом ценою не менее двух тысяч рублей в столицах, одной тысячи рублей в губернских городах и не менее 500 рублей в прочих местах или полу-

чающие жалованье либо доход от своего капитала, занятия, ремесла, промысла не менее 500 рублей в год в столицах и 200 рублей в прочих местах.

Общие списки присяжных заседателей составлялись по каждому уезду отдельно особой временной комиссией, члены которой избирались ежегодно уездными земскими собраниями, а в столицах — соединенными заседаниями общих городских дум и местных уездных земских собраний. Председателем временной комиссии являлся уездный предводитель дворянства. В действительности же особые временные комиссии бездействовали, а общий список присяжных заседателей составлялся членом земской управы или чиновником канцелярии уездного предводителя дворянства.

Согласно ст. 94 Учреждения судебных установлений общие списки к 1-му октября представлялись губернатору, он проверял их законность и возвращал временным комиссиям, которые обязаны были опубликовать их в местных ведомостях. Губернатор обладал весьма широкими полномочиями и мог единолично решить вопрос об исключении из списка лиц, если они, по его мнению, неправильно внесены. Принимая во внимание установленный законом порядок обжалования решения губернатора по данному вопросу (жалоба подавалась тому же губернатору для представления в Сенат, и он же сообщал о постановлении Сената), можно с уверенностью сказать, что именно за губернатором оставалось последнее и решающее слово при составлении общего списка присяжных заседателей.

Из общих списков временная комиссия при участии одного из мировых судей уездного города составляла очередные списки, куда включалось определенное число присяжных заседателей (в Санкт-Петербурге и Москве с их уездами — 1200 человек, в уездах с населением более 100 тыс. жителей — 400, в уездах с населением менее 100 тыс. жителей — 200 заседателей), которые впоследствии могли непосредственно участвовать в работе суда в течение очередного календарного года.

Но даже включение в общие списки не гарантировало лицу право осуществлять функции присяжного заседателя, так как ст. 99 Учреждения судебных установлений предусматривала, что при составлении очередного списка временная комиссия была обязана учитывать, способно ли лицо «по своим нравственным качествам и другим причинам, известным комиссии, к исполнению обязанностей присяжного заседателя». При этом указанные действия комиссии, как правило, не могли быть обжалованы.

Но и на этом процедура назначения не заканчивалась, так

как та же комиссия из очередного списка составляла списки по четвертям года, и только затем определялся так называемый судебный список, куда входили 24-30 заседателей, которые допускались к непосредственному рассмотрению дел [155].

Одновременно с очередным списком составлялся и запасной список определенного количества присяжных заседателей (в С.-Петербурге и Москве — по 200 человек, а по другим уездам и городам — по 60). Эти присяжные привлекались к делу в том случае, если очередные заседатели по той или иной причине не могли участвовать в работе суда.

Таким образом, самодержавие, устанавливая весьма сложную процедуру составления списков, преследовало главную цель — обеспечить состав присяжных заседателей наиболее благоприятный для существующего режима, устранив «инакомыслящих». Но даже такой сложный порядок составления списков считался правящими кругами весьма «демократичным» в силу того, что не всегда гарантировал нужный им состав присяжных заседателей. Поэтому в условиях наступившей реакции 80-х годов XIX века Государственный совет вносит ряд поправок в осуществление этого процесса, носящих антидемократический характер [156].

Присяжные заседатели, участвуя в рассмотрении уголовного дела в суде, были весьма ограничены в своих правах. Они лишь решали вопрос о виновности (или невиновности) подсудимого, и совершенно не допускались к определению вида и размера наказания.

Окружной суд рассматривал весьма широкий спектр уголовных и гражданских дел, превышающих компетенцию мировых судов: преступления против веры и порядка управления, правонарушения по государственной и общественной службе, против жизни, здоровья, свободы, чести, собственности частных лиц и многие другие [157]. При этом закон устанавливал различный порядок рассмотрения той или иной категории дел. Так, гражданские и менее значимые уголовные дела рассматривались в составе трех постоянных судей. Это споры о разделах земли, вводе во владение, несостоятельности, праве наследования и т. п. (гражданские дела), дела о бродяжничестве, нарушении постановлений о питейном сборе, нанесении побоев частным лицам и другие (уголовные). Решения окружного суда по таким делам могли быть обжалованы в суд второй инстанции — судебную палату.

Преступления, за совершение которых законом предусматривалось наказание, влекущее лишение всех прав состояния или всех особенных, личных и по состоянию присвоенных прав

и преимуществ, рассматривались исключительно с участием присяжных заседателей. Это преступления по должности, против порядка управления, об убийстве и покушении на убийство должностных лиц при исполнении ими или по поводу исполнения ими служебных обязанностей, против порядка пользования телеграфом, против порядка изготовления, хранения взрывчатых веществ и многие другие тяжкие преступления. Окружной суд не рассматривал государственные преступления, так как, по мнению Б. В. Виленского, «в верхах не было уверенности в том, что даже тщательно профильтрованные присяжные заседатели будут достаточно верным средством для обсуждения по государственным преступлениям» [158].

В первые годы работы окружных судов большая часть уголовных дел рассматривалась в присутствии присяжных заседателей. Так, Минский окружной суд, который был открыт 30 ноября 1883 года, за девять месяцев 1884 года с участием присяжных заседателей рассмотрел 157 дел, а без них — только 77, а Ковенский окружной суд (открыт 23 ноября 1883 г.) за первые четыре месяца 1884 года рассмотрел 217 дел с участием присяжных заседателей и 66 • — без них [159].

Что касается гражданских дел, то, как указано в ведомости о движении дел в гражданском отделении Минского окружного суда, рассматривались иски об утверждении в правах наследства, о вводе во владение, несостоятельности, установлении межи, разделах имущества, взыскании денег по различного рода обязательствам и т. п. При этом наибольшее количество дел было о взыскании денег (668) и о вводе во владение (504) из всех 2267 дел, рассмотренных в 1885 году данным отделением [160].

Окружной суд выполнял не только судебные функции. Он также осуществлял контроль за следствием, нотариальными действиями и за деятельностью судебных органов в округе. При окружном суде находились судебные следователи, судебные пристава и другие должностные лица [161]. Штат их был довольно большим. Так, в 1884 году при Минском окружном суде находились 29 судебных следователей, прокурор, 10 его помощников и семь нотариусов. Следователей закрепляли за определенной территорией, для чего округ делился на 29 следственных участков. В уезде, как правило, находилось два-три следственных участка, и они не всегда совпадали с территорией уезда. В каждый следственный участок входило от 5 до 12 волостей. Количество следственных участков и входящих в них волостей могло быть изменено по представлению прокурора в силу большого скопления дел, подлежащих рассмотрению.

Подобные предложения прокурора обсуждались на общем собрании отделений окружного суда, которое разрешало и другие вопросы, касающиеся работы судебных следователей.

При окружном суде, как уже отмечалось, находились и судебные пристава. Поскольку они исполняли судебные решения, доставляли повестки и документы по рассматриваемым делам, то правительство было заинтересовано в том, чтобы на эти должности назначались «проверенные» лица. Поэтому в законе было четко определено, кто не мог быть судебным приставом, и предъявлялось требование, чтобы пристав до вступления в должность внес денежный залог, а также принес присягу.

При Минском окружном суде в 1884 году сначала было девять судебных приставов, затем — одиннадцать, которые жили в определенных городах (Минске, Бобруйске, Речице и других) [162]. Ежегодно судебные пристава представляли в окружной суд ведомости о произведенных делах, из которых усматривается, что в основном их деятельность сводилась к четырем действиям по исполнительным листам. Они налагали арест на движимость или денежные суммы, осуществляли принудительную передачу движимости, ввод во владение недвижимым имуществом, денежные взыскания. Так, судебный пристав при Минском окружном суде Н. Г. Логинов за 1885 год привел в исполнение 194 исполнительных листа, из которых 59 — о взыскании денег [163]. К 1887 году в России при окружных судах было 618 судебных приставов [164].

Согласно ст. 353 Учреждения судебных установлений при всех судебных местах, в том числе и окружных судах, состояли присяжные поверенные «для занятия делами по избранию и поручению тяжущихся, обвиняемых и других лиц, в деле участвующих, а также по назначению, в определенных случаях». Присяжными поверенными могли быть лица, достигшие 25 лет, имеющие аттестат высших учебных заведений об окончании курса юридических наук или аттестат об успешной сдаче экзамена по этому курсу. Также требовалось наличие пятилетнего стажа работы, при исполнении которой лицо могло приобрести «практические сведения в производстве судебных дел» (ст. 354). В ст. 355 дан перечень лиц, кто не мог быть назначен присяжным поверенным: лица моложе 25 лет, иностранцы, лица, объявленные несостоятельными должниками, и другие.

Присяжные поверенные, находящиеся при конкретном судебном органе разрабатывали свои правила (утверждаемые этим же судом), которыми и руководствовались в повседневной работе. Как усматривается из архивных материалов, присяж-

ные поверенные были и при Минском окружном суде, а составленные ими Правила организации сословия присяжных поверенных утвердил 12 марта 1885 года председатель данного суда [165].

Согласно § 3 этих правил присяжные поверенные (адвокаты) путем выборов создавали комиссию из трех человек, которая осуществляла текущий контроль за деятельностью адвокатов и вела переписку с окружным судом. Наиболее важные вопросы, например, о вступлении новых членов, об итогах работы и тому подобные, рассматривались на общем ежегодном собрании присяжных поверенных (§ 6, 8 правил).

Создание адвокатуры в России на более совершенной правовой основе сыграло положительную роль в деятельности всей судебной системы. Благодаря видным присяжным поверенным того времени (В. Д. Спасович, А. И. Урусов, Ф. Н. Плевако, Л. А. Александров и другие), участвовавшим в нашумевших политических процессах, даже в условиях реакции удавалось добиваться не только смягчения наказания, но и оправдательных приговоров.

Судебная палата, учрежденная в системе общих судов, создавалась в специальном судебном округе, состоящем из нескольких губерний или областей, по особому расписанию, утвержденному императором по представлению министра юстиции. В связи с тем, что судебная реформа в стране проводилась неодновременно на всей территории, то и количество судебных палат было различным на протяжении второй половины XIX века. В 1872 году на территории 28 губерний европейской части России функционировало шесть судебных палат: Санкт-Петербургская, Московская, Харьковская, Одесская, Саратовская и Казанская. В последующие годы число судебных округов и судебных палат постоянно увеличивалось. Так, 20 ноября 1883 года произошло торжественное открытие Виленской судебной палаты, которой были подчинены Виленский, Минский, Ковенский и Гродненский окружные суды [166]. К 1887 году в России насчитывалось 10 судебных палат [167].

Судебная палата являлась судом второй инстанции в случае рассмотрения апелляционных жалоб на решения и приговоры окружных судов, вынесенных без участия присяжных заседателей, и судом первой инстанции в случае рассмотрения наиболее значимых для царского самодержавия дел — о государственных и должностных преступлениях.

Все члены судебной палаты не избирались, а назначались императором по представлению министра юстиции. К ним предъявлялись такие же требования, как и к кандидатам на

должности председателей и товарищей председателя окружного суда (ст. 206 Учреждения судебных установлений).

Как и в окружном суде, члены судебной палаты специализировались на рассмотрении уголовных либо гражданских дел, в силу чего учреждались департамент уголовных и департамент гражданских дел, возглавляемые председателями. При рассмотрении уголовных дел по первой инстанции помимо председателя суда и трех членов департамента должны были присутствовать представители от трех сословий русского общества — дворянства, горожан и крестьянства (соответственно губернский или уездный предводитель дворянства, городской голова и волостной старшина). Как видно, царизм побоялся ввести институт выборных присяжных заседателей в судебной палате, заменив его сословными представителями. Тем самым заранее обеспечивалось по каждому политическому делу вынесение приговора, «отвечающего видам правительства» [168].

Решения и приговоры судебной палаты, вынесенные по делам, ранее рассмотренным в окружных судах, считались окончательными. Но это не исключало возможности подачи кассационной жалобы в соответствующие департаменты Правительствующего Сената. Туда же могли подаваться апелляционные жалобы по делам, которые рассматривались судебной палатой как судом первой инстанции.

В структурном отношении судебная палата имела те же звенья и службы, что и окружной суд: канцелярию, судебных следователей, прокурора, присяжных поверенных, судебных приставов и т. д. Так, при всех судебных палатах России в 1887 году насчитывалось 27 судебных приставов [169].

Судебная палата выступала в отношении судов не только как суд второй инстанции, но и как вышестоящий орган судебного управления, осуществляющий контроль за их работой. Окружные суды посылали председателю судебной палаты различного рода сведения, например, о назначении судебных приставов, движении дел и о подсудимых по ним и т. п. [170]. В свою очередь судебные палаты были под контролем как Министерства юстиции, так и Правительствующего Сената.

Таким образом, созданная по Судебным уставам 1864 года система судов являлась крупным шагом вперед в судопроизводстве России даже несмотря на то, что отдельные прогрессивные принципы организации и деятельности ее не получили абсолютного и последовательного закрепления.

§ 3. Усиление реакционной сущности судов в последней трети XIX века

Учрежденные в России по Судебным уставам 1864 года суд и процесс были прогрессивными для своего времени и отвечали требованиям демократизации общественной жизни страны. Однако реакционно настроенная часть деловых кругов, интеллигенции не прекращала своих нападок на Судебные уставы и деятельность новых судов.

Вся существующая обстановка в пореформенной России не предоставляла возможности силам реакции прямо пойти на отмену Судебных уставов 1864 года. Консервативные круги русского общества избрали другой путь, направленный на отмену данных законов,— путь пересмотра прогрессивных положений Судебных уставов, внесения в них изменений и дополнений, которые полностью устраняли их демократические начала. Подобная деятельность реакционеров, во главе с императором, растянулась на несколько десятилетий, но зато имела ощутимый результат.

На эту политику царского правительства в отношении Судебных уставов обращали внимание прогрессивно мыслящие буржуазные юристы. Так, А. А. Титов писал, что вскоре после принятия Судебных уставов «начинается ежедневный поединок между законом и произволом, развертывается длинный список урезок и искажений Судебных уставов» [171]. Он указывает, что за 45 лет было внесено более 700 различных изменений, дополнений и поправок. И хотя в России в конце XIX века продолжали действовать Судебные уставы 1864 года, судебная система и судопроизводство настолько изменились, что от прежних демократических принципов их организации и деятельности почти ничего не сохранилось. «Снаружи казалось, что все в уставах Александра II по-прежнему, а внутри содержание подменялось другим, и это другое содержание иногда в корне изменяло смысл многих статей закона, а иногда шло совершенно вразрез с самыми основными, общими началами судебных установлений» [172]. В итоге внесенных изменений и дополнений судебная система России уже в 80-х годах вновь стала послушным орудием в руках царского самодержавия в борьбе с прогрессивными силами.

Нормативные акты, принятые в пореформенный период и касающиеся Судебных уставов 1864 года, внесли существенные изменения в компетенцию судов, их систему, правовое положение судей, предварительное следствие и в значительной степени затронули такие основополагающие начала судебной

реформы, как гласность, отделение суда от администрации, равенство всех перед судом, независимость судей и др. При этом следует заметить, что первые такие изменения были приняты задолго до начала второй революционной ситуации в России, которая вызвала к жизни целый ряд крупных нормативных актов, составивших правовую основу контрреформ 80—90-х годов XIX века. Именно акты «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» (1881 г.), «О земских участковых начальниках» (1889 г.), «О военном положении» (1892 г.) наиболее ощутимо отразились на Судебных уставах 1864 года и как бы завершили их пересмотр. М. А. Чельцов-Бебутов по этому поводу сказал: «Реакция в области суда и уголовного процесса, начавшаяся уже в 70-х годах, достигла особенно большого размаха в царствование Александра III» [173].

Вопрос о компетенции судов был наиболее острым " как в период подготовки Судебных уставов, так и во времена деятельности пореформенных судов. Реакционные круги России направляли свои усилия прежде всего на ограничение компетенции окружного суда, в работе которого принимали участие присяжные заседатели, и компетенции судебной палаты, изъяв из ее ведения дела, представляющие особую значимость для существующего строя (о печати, государственных и должностных преступлениях). Так, 12 декабря 1866 года принят указ «О порядке судопроизводства по делам печати», по которому ряд «наиболее серьезных дел о печати» был изъят из окружных судов и передан в ведение судебных палат, а они с этого времени выступали по такой категории дел, как суды первой инстанции [174]. Согласно п. 3 данного указа «преступления и проступки, означенные в ст. 181, 189, 274, 1035—1037 Уложения о наказаниях (издания 1866 года), а также об оскорблении должностных лиц присутственных мест и установлений подлежат непосредственному рассмотрению судебной палаты», то есть изымалось из ведения окружных судов более шести составов преступлений и проступков.

7 июня 1872 года вышел указ, вносивший существенные изменения в судопроизводство по государственным преступлениям [175]. По этому указу резко сужалась компетенция судебной палаты как суда первой инстанции. Согласно ст. 2 указа «Дела о государственных преступлениях ведаются: или

1,— Судебными палатами, когда преступление не влечет за собою по закону наказания, соединенного с лишением или ограничением прав состояния, или

2,— Особым присутствием Правительствующего Сената, с

участием сословных представителей (ст. 23—26), когда за преступление определено в законе наказание, сопряженное с лишением или ограничением прав состояния, или

3,— Верховным уголовным судом, когда, по случаю обнаруженного в разных краях государства общего заговора против Верховной власти или против установленного законами образа правления или порядка наследия престола, последует высочайший указ о рассмотрении дела в сим Суде».

Таким образом, основная масса дел о государственных преступлениях была изъята из ведения судебной палаты и рассматривалась Особым присутствием Правительствующего Сената. А чтобы чуть-чуть смягчить реакционную сущность данного указа с целью избежать его резкой критики, царизм допускает в состав данного нового суда сословных представителей. Представляет интерес, кто выступал в роли сословных представителей. Им мог быть один из губернских предводителей дворянства, один из уездных предводителей дворянства, один из городских голов губернских городов Европейской России и один из волостных старшин Петербургской губернии (ст. 23). При этом списки сословных представителей ежегодно посылались министром внутренних дел «для представления их на Высочайшее усмотрение» (ст. 24). Кроме сословных представителей в Особое присутствие Правительствующего Сената входили первоприсутствующий Сената и пять сенаторов, которые, как и сословные представители, назначались царем ежегодно. Как видим, налицо преобладание дворянского элемента в составе Особого присутствия и тщательный отбор его членов.

О значении Особого присутствия Сената и его правовом положении очень метко сказал Н. А. Троицкий: «Суд сенаторов как орудие расправы с народовольцами царизм в особо важных случаях предпочитал даже военному суду, поскольку сенаторский синклит, с одной стороны, был достаточно респектабелен (не в пример военному суду), а с другой стороны, не менее жесток, чем военный, и послушен правительству» [176]. Именно поэтому вошедшие в историю судебные процессы «1 марта» (1881 и 1887 гг.), «17-ти» (1883 г.), «Донской процесс» (1887 г.) и другие рассматривались Особым присутствием Правительствующего Сената.

Указ от 7 июня 1872 года действовал до 1878 года, когда 9 мая по представлению министра юстиции был принят новый нормативный акт «О подсудности и порядке производства дел о государственных преступлениях» [177]. Согласно данному документу компетенция судебных палат несколько расширялась,

и они получили право в качестве суда первой инстанции рассматривать, как правило, и дела о государственных преступлениях, влекущие ответственность, сопряженную с ограничением или лишением всех прав состояния, если нет повеления царя рассматривать подобное дело в Особом присутствии Сената или специального указа его о рассмотрении дела Верховным уголовным судом.

На первый взгляд, этот нормативный акт имел прогрессивное значение. Но в нем содержалось одно новое положение, которое раскрывало реакционный характер внесенных изменений. Ведь подобные уголовные дела должны были рассматриваться судебными палатами не в обычном составе, как это предусматривалось Судебными уставами, а в усиленном: старший председатель палаты, четыре члена уголовного ее департамента и четыре сословных представителя (ст. 8).

Однако указанная компетенция судебной палаты просуществовала недолго. 9 августа этого года вышел новый указ, по которому компетенция судебных палат вновь была значительно сужена [178]. Из ее ведения изымались особо важные государственные и особо опасные преступления против порядка управления. Интересно и само название указа — «О временном подчинении дел о государственных преступлениях и о некоторых преступлениях против должностных лиц ведению военного суда, установленного для военного времени».

Какие же дела перешли в ведение военных судов? Конкретного их перечня в указе не содержится, но говорится, что к таким делам относятся все те, «которые свидетельствуют о существовании круга тайных злоумышленников», стремящихся «к ниспровержению всего государственного строя». Но и этого оказалось недостаточно для охранения существующего режима. В условиях нарастающего движения в России царизм на следующий год принимает указ (5 апреля 1879 года), по которому компетенция общих судов еще более сужается в пользу военной юстиции [179]. По этому указу генерал-губернаторам крупных городов России (Петербурга, Москвы, Варшавы, Киева, Харькова и Одессы), где революционное движение было особенно мощным, разрешалось предавать военному суду лиц не только за все государственные и особо опасные преступления против порядка управления, но и за совершение других преступлений, если они признают это необходимым в целях ограждения общественного порядка и спокойствия (ст. 4).

Еще в большей мере компетенции почти всех пореформенных судов коснулось Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, принятое

14 августа 1881 года [180]. Б. В. Виленский, отмечая его реакционность, писал: «Этот закон коренным образом изменял соответствующие статьи Устава уголовного судопроизводства, он настолько противоречил духу и букве судебной реформы, что его с полным основанием можно считать завершением контрреформы в борьбе с государственными преступлениями» [181].

Согласно этому положению местности России, в которых появлялась угроза самодержавию, министр внутренних дел мог объявить на положении усиленной или чрезвычайной охраны. В местностях на положении -усиленной охраны генерал-губернатор (при его отсутствии в данной местности — министр внутренних дел) мог любое уголовное дело «в целях ограждения общественного спокойствия» изъять из ведения гражданских судов и передать на рассмотрение военного суда, т. е. не только дела о государственных преступлениях, но и любые другие, которые обычно рассматривались в общих судах. При этом за генерал-губернатором признавалось право требовать рассмотрения дела при закрытых дверях, если, по его мнению, публичное слушание могло «послужить поводом к возбуждению умов и нарушению порядка».

Что же касается общих судов в местностях, объявленных на положении чрезвычайной охраны, то они фактически прекращали свою деятельность, а все уголовные дела в зависимости от их значимости рассматривались либо военным судом, либо генерал-губернатором единолично.

Уже 4 сентября 1881 года на положении усиленной охраны были объявлены 10 губерний, пять уездов, три города и три градоначальства [182], в марте следующего года — Севастопольское градоначальство и Николаевское губернаторство [183], а в 1883 году — город Нижний Новгород, Нижегородский, Балахшенский и Семеновский уезды [184]. Как правило, перевод местности на такое положение первоначально осуществлялся на полгода, год, но затем этот срок постоянно продлевался специально изданными нормативными актами, принимаемыми Комитетом министров [185].

В результате подобной практики царизма в конце июня 1890 года на положении усиленной охраны находились губернии Санкт-Петербургская, Московская, Харьковская, Киевская, Подольская, Волынская, города Ростов-на-Дону, Таганрог, Нахичевань, село Касперовка области войска Донского, а также Санкт-Петербургское и Одесское градоначальства, Николаевское военное губернаторство и местности, подведомственные Кронштадтскому военному губернатору. Самодержавие весьма широко использовало данную практику вплоть до 1917

года. А если принять во внимание, что на положении усиленной охраны находилась значительная территория России и срок пребывания ее в этом положении постоянно продлевался, то можно сказать, что судебная система в том виде, как она была законодательно закреплена в Судебных уставах 1864 года, практически не действовала на большей части страны уже в 80-е годы XIX века.

Деятельность реакционных кругов России по сужению компетенции общих судов продолжалась и в последующие годы, особенно отрицательно сказавшись на компетенции суда присяжных заседателей. Так, 11 мая 1882 года император подписал мнение Государственного совета о порядке производства дел по некоторым преступлениям против порядка управления, которое сужало компетенцию окружного суда при рассмотрении им дел с участием присяжных заседателей [186]. Из его ведения изымались дела о восстании против установленных правительством властей, предусмотренные ст. 264—265 Уложения о наказаниях, о сопротивлении указанным властям и о нападении на чинов войск и полиции, если эти действия сопровождались убийством, поджогом и т. п., и передавались на рассмотрение судебных палат с участием сословных представителей.

Еще дальше в этом направлении пошел указ от 7 июля 1889 года «Об изменении порядка производства дел по некоторым преступлениям, подлежащих ведению судебных мест с участием присяжных» [187]. Если согласно ст. 201 Устава уголовного судопроизводства 1864 года все дела о преступлениях и проступках, за которые налагались наказания, соединенные с лишением всех прав состояния или всех особенных, лично или по состоянию присвоенных прав и преимуществ, рассматривались в окружных судах с присяжными заседателями, то по вновь принятому указу большинство из них перешло в ведение судебной палаты. С 1889 года уголовные дела, предусмотренные ст. 263—272, 274, 276, 282[1], 304, 315, 618, 633, 755, 756, 803, 823, 830[1], 1083, 1085, 1143, 1144, 1154, 1156, 1236, 1241, 1254, 1262 и 1554 Уложения о наказаниях, а также об «убийстве или покушении на убийство должностных лиц и о всякого рода насильственных против них действиях, совершенных при исполнении или по поводу исполнения должностными лицами служебных обязанностей», рассматривались судебными палатами.

Даже простое перечисление статей однозначно свидетельствует о том, что компетенция суда присяжных заседателей резко сужена, а следовательно, и принижена их роль как суда первой инстанции. На основе этого указа Устав уголовного

судопроизводства был дополнен ст. 201[1], которая предусматривала исключения из общего правила рассмотрения уголовных дел в окружных судах с участием присяжных заседателей.

Какие же конкретно уголовные дела отошли в ведение судебных палат как суда первой инстанции? Это большинство преступлений против веры (похищение из церкви, разрытие могил и истребление или повреждение надгробных памятников, лжеприсяга), преступления против «Священной особы Государя Императора» (посягательство на жизнь, здоровье, честь, призывы к восстанию), против порядка управления (сопротивление законной власти, поругание памятников, установленных по распоряжению правительства), фальшивомонетничество, подделка гербовых бумаг, некоторые преступления за нарушение Устава питейного, Уставов о выделке и продаже табаку, Устава о акцизе с свеклосахарного производства, нарушение правил для погребения мертвых, нарушение правил внутреннего устройства и содержания аптек и др.

Таким образом, к 90-м годам XIX века из компетенции окружных судов, рассматривавших уголовные дела с участием присяжных заседателей, были изъяты не только особо опасные преступления против порядка управления, но и большое количество менее значимых уголовных дел.

Еще более сузил компетенцию пореформенных судов закон «О военном положении» 1892 года, по которому в местностях, объявленных на военном положении, все общегражданские суды прекращали деятельность, уступая полностью свое место военным судам. А там дела рассматривались не по Уставу уголовного судопроизводства, а по военному законодательству.

Из приведенных выше документов видно, что царизм целенаправленно и постоянно осуществлял политику сужения юрисдикции пореформенных судов и умаления их роли, достигнув при этом весьма ощутимых результатов.

Изменения и дополнения, внесенные в Судебные уставы 1864 года в пореформенный период, коснулись не только компетенции судов, но и их системы. Как уже отмечалось, для рассмотрения дел о государственных преступлениях были созданы специальные суды, не предусмотренные Судебными уставами (Особое присутствие Сената, Верховный уголовный суд). Но самые большие отрицательные последствия для системы повлекло Положение о земских участковых начальниках, принятое 12 июля 1889 года [188]. В законе прямо указывалось, что учреждение должности земского участкового начальника влечет за собой упразднение участковых мировых судей. Так царизм ликвидировал в 43-х губерниях России выборный миро-

вой суд и заменил его судом земского начальника, назначаемого, как правило, министром внутренних дел. К его ведению перешли уголовные и гражданские дела, которые ранее рассматривались участковыми мировыми судьями.

Вместе с указанным положением были приняты и Правила об устройстве судебной части в местностях, в которых введено Положение о земских участковых начальниках. Согласно ст. 4 данных правил в губернских и уездных городах, исключая столицы и г. Одессу, а также в других городских поселениях, не входивших в состав земских участков, учреждалась должность городского судьи, назначаемого министром юстиции. 29 декабря 1889 года император утвердил Правила о производстве судебных дел, подведомственных земским начальникам и городским судьям [189]. Новый порядок рассмотрения дел отличался от ранее установленного Судебными уставами. Сущность этих нормативных актов кратко, но четко выразил М. А. Чельцов-Бебутов: «Замена правосудия крепкой властью» [190]. Таким образом в России был ликвидирован один из демократических институтов судебной реформы — мировой суд, с его принципами выборности, независимости от администрации. Мировые суды лишь в порядке исключения остались в обеих столицах (Москве, Санкт-Петербурге) и в отдельных городах (Одессе, Киеве и некоторых других).

В ходе пересмотра Судебных уставов 1864 года претерпели значительные изменения такие основополагающие принципы судебной реформы, как гласность, публичность, независимость судей, их несменяемость, отделение следствия от полиции и многие другие. Если, например, Судебные уставы закрепляли гласность как основной принцип судопроизводства, то по Положению о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия его соблюдение зависело от усмотрения высшего должностного лица — генерал-губернатора. Последний под предлогом того, что гласность процесса может привести «к возбуждению умов и нарушению порядков», имел право потребовать от суда рассмотрения любого дела при закрытых дверях.

Новое мощное наступление на принцип гласности было предпринято в 1887 году, когда 12 февраля император утвердил мнение Государственного совета «Об изменении и дополнении ст. 88, 89, 620—622, 624, 918, 1056, 1061^{9} и 1103 Устава уголовного судопроизводства» [191]. Уже сам перечень статей свидетельствует о том, что многие из них утратили свое первоначальное содержание. Так, ст. 620 дополнили словами: «Посторонние лица допускаются в судебное заседание в числе,

соответствующем помещению суда и не препятствующем правильному ходу судебных действий». Более того, приняты дополнительно ст. 620^1, 620^2 и 620^3, которые расширяли перечень дел, рассматриваемых при закрытых дверях, предоставляли большие полномочия суду в этом вопросе, то есть фактически устранялись юридические гарантии соблюдения принципа **гласности, что** открывало вновь широкие возможности для произвола судей. Так, ст. 620^3 гласила: «Сверх случаев, упомянутых в прошедшей (620^2) статье, двери судебных заседаний закрываются для публики и по другим делам, на время отдельных судебных действий или на все разбирательство, если суд признает, что публичное исследование подлежащих судебному рассмотрению обстоятельств оскорбляет религиозное чувство или нарушает требования нравственности, или же не может быть допущено в видах ограждения достоинства государственной власти, охранения общественного порядка и обеспечения правильного хода судебных действий».

Особенно реакционной являлась ст. 621^1, в которой оговаривалось, что «если министр юстиции из дошедших до него сведений усмотрит, что публичное рассмотрение дела не должно быть допущено по причинам, указанным в ст. 620^3, то делает распоряжение о закрытии дверей заседания» председателю судебного ведомства. Как видим, публичность заседания и гласность по принятому документу стали зависеть не только от усмотрения суда, но и от указания министра юстиции, то есть администрации. Положения данной статьи нарушали и еще один прогрессивный принцип судопроизводства — независимость судей и подчинение их только закону.

Итак, к концу 80-х годов XIX века принципы гласности и публичности претерпели существенные изменения. Используя указанные статьи, суд под предлогом небольшого размера зала заседаний ограничивал доступ лиц на судебный процесс, а порой выдавал карточки на право входить в зал заседаний. При этом делалось все необходимое, чтобы карточки попали благонадежным лицам.

Аналогична судьба и такого прогрессивного принципа, как отделение суда от администрации, который фактически отменяли Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 года и Положение о земских участковых начальниках от 12 июля 1889 года. Согласно первому нормативному акту генерал-губернатор в случае объявления местности на положении усиленной охраны мог подвергать лиц аресту до трех месяцев и денежному штрафу до 500 рублей, а также передавать в воен-

ный суд отдельные дела о преступлениях, которые в обычное время рассматривались общими судами (ст. 15, 17). А по второму нормативному акту опять же в одном лице — земском участковом исправнике — как и в дореформенный период соединялась власть административная и судебная. В его ведение перешли все те судебные дела, которые ранее рассматривал участковый мировой суд.

Острое недовольство реакционных кругов России, особенно в высшем эшелоне правительственной власти, включая и самого императора, вызывал такой передовой принцип, как несменяемость судей. Благодаря ему судья мог оставаться в своей должности независимо от желания власти в течение всего срока, на который он был избран или назначен. Юридическое закрепление данного принципа Судебными уставами 1864 года — важный шаг в развитии русского судоустройства. Даже самый тщательный отбор кандидатов на должности судей и всевозможные манипуляции властей при этом не обеспечивали самодержавию необходимый для него состав судов. Поэтому в период контрреформ принцип несменяемости судей также был пересмотрен и фактически перестал действовать, хотя формально и продолжал фигурировать в законодательстве.

Из ряда документов по данному вопросу наиболее значимым, который, даже по мнению буржуазных юристов, положил конец принципу несменяемости, был нормативный акт «О порядке издания Общего наказа судебным установлениям и о дисциплинарной ответственности чинов судебного ведомства» от 20 мая 1885 года [192]. Он предусматривал создание Высшего дисциплинарного присутствия Сената, которое рассматривало все вопросы, связанные с перемещением судей, занимавших должности членов или председателя судебной палаты, а также председателя окружного суда. И если в Судебных уставах 1864 года четко оговаривались случаи досрочного смещения судьи с занимаемой должности, то после принятия указанного акта в 1885 году судьба судьи высшей категории зависела от усмотрения членов Высшего дисциплинарного присутствия Сената. При этом большая роль отводилась министру юстиции, который мог по своему усмотрению, даже если судья не совершил уголовного преступления, возбуждать вопрос об увольнении или «о перемещении его в другую местность, на равную судебную должность» (ст. 3 раздела XX).

Весьма значимым положением судопроизводства, закрепленным Судебными уставами 1864 года, был институт следователей. Именно это положение резко сужало деятельность полиции по расследованию преступлений и ограничивало ее про-

извол. Но уже Правилами о порядке действия чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений, утвержденными императором 19 мая 1871 года, были сделаны первые шаги по пересмотру данного прогрессивного положения [193]. Права жандармерии расширялись под предлогом усиления борьбы с преступностью. Так, ст. 21 прямо устанавливает, что «дознание о государственных преступлениях производятся вообще офицерами Корпуса жандармов ... по делам же особенно важным такие дознания производятся лицом, особо Высочайшей властью назначаемым». А в ст. 25 сказано, что «кроме того, офицеры Корпуса жандармов могут производить следственные действия, исчисленные в 258, 1038 и 1039 статьях, как-то: осмотры, освидетельствования, обыски (с опечатанием бумаг) и выемки».

С этого времени судьба дела о государственном преступлении зависела исключительно от усмотрения шефа жандармов, с которым Правила предписывали министру юстиции «снестись» и решить, продолжить ли предварительное следствие или разрешить дело в административном порядке. И хотя подобная деятельность жандармских чинов осуществлялась «под наблюдением, на общем основании, лиц прокурорского надзора», в действительности же политическая полиция вновь стала играть определяющую роль при расследовании государственных преступлений. Более того, 7 июня 1872 года император утвердил новую редакцию раздела второго книги третьей Устава уголовного судопроизводства (ст. 1030—1061) [194], которая подтвердила права жандармских чинов при расследовании и устанавливала новое положение о том, что по особо важным государственным преступлениям предварительное следствие «возлагается ежегодно, Высочайшею Властью, по представлению Министра юстиции, на одного из членов С.-Петербургской и одного из членов Московской Судебных Палат». С этого времени предварительное следствие по государственным преступлениям, рассматриваемым в Особом присутствии Правительствующего Сената, изымалось из общего порядка производства следствия, установленного Судебными уставами 1864 года, и проводилось двумя ежегодно назначаемыми царем лицами из числа высших чиновников столичных судебных ведомств.

Судьбу в целом Судебных уставов можно проследить, проанализировав и сопоставив тексты Устава уголовного судопроизводства издания 1864 и 1892 годов. Так, почти за 30 лет было отменено 18 статей, в 230 внесены изменения и дополнения и принято 143 статьи новые, то есть более трети статей этого

Устава изменили свое первоначальное содержание [195]. Следует заметить, что только в связи с принятием 19 мая 1871 года Правил о порядке действия чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений в Уставе уголовного судопроизводства появились сразу 13 новых статей — 261[1–13]. Улучшали ли качество предварительного следствия внесенные изменения и дополнения? Об этом могут свидетельствовать такие цифры: **с 1871** по **1877** год возбуждено 3650 дел о государственных преступлениях и привлечено к ответственности 2500 человек, из которых только 500 человек были подвергнуты наказанию по суду и в административном порядке.

Таким образом, уже в конце 60-х — начале 70-х годов XIX века реакционные круги России приняли самые энергичные меры по пересмотру первоначального содержания Судебных уставов 1864 года. По мнению известного русского юриста А. Ф. Кони, нормативные акты, принятые в ходе подобной деятельности царизма, послужили прочной юридической базой для репрессий, проводимых в последующие годы. А если принять во внимание, что для отдельных губерний и уездов Российской империи в течение 1862—1892 гг. принимались специальные указы, устанавливающие исключения из общего порядка судопроизводства и судоустройства [196], то можно **с** уверенностью сказать, что Судебные уставы 1864 года в полном объеме фактически и не действовали на большей части территории страны.

§ 4. Российские суды в борьбе с общественным движением второй половины XIX века

Во второй половине XIX века в России происходит революционный подъем. На политическую арену выходит разночинная интеллигенция, заявляет о себе и ширится рабочее движение. Именно в этот период создаются тайные общества народовольцев «Земля и воля» (в 1876 г.), «Народная воля» и «Черный передел» (в 1879 г.), членами которых были известные революционеры А. Д. Михайлов, Г. В. Плеханов, А. А. Квятковский, Н. А. Морозов, С. М. Кравчинский, С. Л. Перовская, В. Н. Фигнер и другие.

Рабочий класс начинает оказывать существенное влияние на политическую обстановку в стране. Если **в** 1865—1869 годах происходило от одной до шести стачек и волнений в год, то в начале семидесятых — уже от 20 до 34 [197]. Повышается массовость народных выступлений. Так, в 60-х годах было

пять крупных стачек, в которых участвовало от тысячи до одиннадцати тысяч человек, а в 70-х годах таких выступлений произошло в два раза больше [198].

Заметно активизируется и деятельность народовольцев — «хождение в народ», которые вели пропаганду среди крестьян в 37 губерниях России [199].

И как результат оживления революционного движения в России увеличивается в судах количество политических дел, при рассмотрении которых вскрывались такие вопиющие беззакония и произвол администрации, что выносились даже оправдательные приговоры, как, например, в 1878 году по делу В. Засулич, в 1886 году по делу морозовских ткачей. Безусловно, подобная деятельность судов -вызывала резкое недовольство как императора, так и реакционных кругов России. В связи с этим и была проведена системная целенаправленная работа по пересмотру демократических положений Судебных уставов 1864 года. В результате предпринятых мер судебная система России вновь стала послушным исполнителем воли царизма и весьма действенным орудием в борьбе с ширившимся революционным движением.

Общее усиление карательной политики царизма и реакции (наряду с другими причинами) вызвали рост преступности в стране, в борьбе с которой суды играли не последнюю роль. Так, во второй половине XIX века ежегодно количество подсудимых увеличивалось более чем на 30 тысяч человек [200]. Например, в общих и мировых судах в 1876 году рассматривалось 493 979 дел, в 1880 — уже 609 07&, а в 1889 году — 777 767 дел, то есть за 13 лет этот показатель возрос на 57 процентов [201]. А если к этой статистике прибавить уголовные дела, в большинстве своем политические, которые рассматривались в Верховном уголовном суде и Особом присутствии Правительствующего Сената, то процент увеличения числа уголовных дел будет еще более высоким.

Тенденции роста политических преступлений царизм уделял особое внимание. Суды обязаны были в ходе политических процессов, как справедливо отмечает Б. В. Виленский, «всемерно дискредитировать революционное движение и его участников» и представлять их «беспринципными авантюристами и уголовными преступниками» [202]. При этом расширяется применение смертной казни за политические преступления. Так, если в 1870 году было одно такое наказание, в 1877 — четыре, то с 1880 по 1889 год суды вынесли 77 смертных приговоров [203].

Из приведенных примеров ясно усматривается не только

увеличение числа дел о политических преступлениях, но и ужесточение карательной деятельности судов. Характеризуя этот период, В. И. Ленин указал, что в России с 1881 по 1887 год установилась невероятно бессмысленная и зверская реакция [204]. И суды были действенным орудием этой реакции. Такую же мысль высказывает и С. Ушерович. Отмечая усиление репрессивной деятельности судов в данное время, он писал, что «после некоторой передышки» начинается «новая полоса казней» [205]. И действительно, почти ежегодно выносились смертные приговоры по политическим делам [206].

В 80-е годы XIX века царизм считал «врагом № 1 «Народную волю» и против нее главным образом направил всю свою карательную политику» [207],— замечает Н. А. Троицкий. По его подсчетам, с середины 1880 года до 1891-го царизм устроил 103 судебных процесса против русских революционеров, из которых только на 32-х не проходили народовольцы. Как правило, это были крупные политические процессы, о чем говорят даже их названия: процесс «16-ти», процесс «20-ти», процесс «23-х» и многие другие [208]. В основном такие дела рассматривались военно-окружными судами и Особым присутствием Правительствующего Сената.

Безусловно, суды выполняли социальный заказ самодержавия и, как правило, по политическим делам выносили суровые приговоры. Например, в 1880 году по 31 политическому процессу было осуждено 171 человек, из которых пять приговорены к смертной казни, 10 — к вечной каторге, 20 — к каторге сроком от 20 до 15 лет, 30 человек — к каторге от 4 до 15 лет, 33 — к ссылке в Западную Сибирь на различные сроки, 23 — к тюремному заключению на срок от 1 месяца до 2 лет, а остальные — к более легким наказаниям [209]. Только по процессу «20-ти», который слушался в феврале 1882 года в Особом присутствии Правительствующего Сената, был вынесен один смертный приговор, 13 революционерам — наказание в виде вечной каторги, а остальным — каторга на срок от 4 до 20 лет [210].

Из данных примеров видно, что обычным видом наказания, «щедро» применяемым к революционерам, являлась каторга и ссылка в Западную Сибирь. Основными «поставщиками» политкаторжан во второй половине XIX века были не общие суды (окружные суды и судебные палаты), а военные суды и Особое присутствие Правительствующего Сената. Об этом свидетельствуют такие данные: из 394 политкаторжан (в отношении которых установлено, каким судом вынесены приговоры) только 21 революционер (5,3%) осужден судами, пре-

дусмотренными Судебными уставами 1864 года; 97 революционеров (24,6%) осуждены на каторгу Особым присутствием Сената; 237 человек (60%) отправлены на каторгу по приговорам военно-окружных и временных военных судов. Наибольшее количество таких приговоров вынесли военно-окружные суды Киева (61), Петербурга (55), Одессы (52), Варшавы (24), а также Якутский военный суд (20) [211].

С целью психического воздействия на население политические процессы обычно проводились в крупных городах. Так, за период с 1879 по 1882 год в Киеве прошло 20 политических процессов, в Одессе — 14, Петербурге — 13 и в Москве — 9 [212].

Самодержавие достигло того, к чему стремилось. Большое число революционеров с помощью судебных органов было подвергнуто репрессиям, в результате которых часть из них казнили, многие томились в одиночных камерах тюрем-централов, часть погибла на каторге и в ссылке (умерли от болезней, сошли с ума, покончили самоубийством). Но даже из тех, кто остался живым после отбытия наказания, не все могли вновь вернуться к революционной деятельности. Так, из 330 политкаторжан, осужденных в 1861—1893 годах и судьбы которых удалось проследить до конца, только 187 человек остались в живых и лишь 65 из них продолжили революционную борьбу [213].

Таким образом, царское самодержавие, используя судебные органы, наносило раз за разом весьма ощутимые удары революционному движению, в результате которых с середины 80-х годов XIX века наблюдается определенный спад политической активности оппозиции. В этот период в судах резко сокращается количество рассматриваемых политических дел. Так, если с 1880 по 1884 год в среднем ежегодно проходило по 17 политических процессов, то в последующие пять лет судами рассматривалось в среднем по четыре — пять дел в год [214]. Только в начале XX века революционное движение в России вновь набирает силу и размах, выразившиеся в свершении за небольшой промежуток времени трех революций: буржуазно-демократической — 1905—1907 годов, Февральской и Октябрьской революций 1917 года, приведших к падению самодержавия.

Как видно, царизм, даже используя реакционно-реформированные суды последней четверти XIX века, был не в силах искоренить революционное движение, корни которого уходили вглубь самой сущности всей общественной системы, вызывая общее недовольство населения России существующим политическим режимом.

Глава III. ТЮРЕМНАЯ СИСТЕМА

§ 1. Причины тюремной реформы

Как уже отмечалось, тюрьмы в любом государстве являются вещественным придатком карательного аппарата и используются как одно из средств борьбы с лицами, представляющими определенную опасность для существующего строя или политического режима. То, чего не сумел правящий класс добиться с помощью полиции и суда, возлагается на тюрьмы, которые призваны путем установления определенного режима содержания не только изолировать неугодную для господствующего класса часть населения, но и сломить ее волю к сопротивлению существующему режиму, а порой и уничтожить физически.

Поскольку суд, полиция и тюрьмы являются частями единой карательной системы, постольку и реорганизация первых структур закономерно влечет за собой реформирование их вещественных придатков. Это особенно заметно в периоды, когда осуществляются глубокие изменения всего государственного механизма, что и имело место в России во второй половине XIX века.

Существенная реорганизация полиции и суда, направленная на приспособление карательного аппарата к новым историческим условиям, поставила на повестку дня и вопрос о реформе всей тюремной системы. Но кроме этой общей причины были и другие, настоятельно требовавшие реорганизации тюремного дела в России. Во-первых, в политическую борьбу втягивались все новые и новые слои населения, что требовало значительного увеличения количества тюрем и усиления централизации в управлении ими; во-вторых, в условиях, когда ширилось революционное движение, особенно в столице и других крупных городах, необходимо было изменить режим содержания политических заключенных с целью не только устранения их влияния на иные категории осужденных, но и исключения их участия в борьбе против существующего режима после отбытия наказания; в-третьих, с проникновением буржуазных отношений во все сферы общественной жизни, в том числе и в области тюремного дела, следовало внести соответствующие изменения и в тюремное законодательство,

создать видимость следования принципам законности и гуманности, чтобы под ворохом новых слов и фраз скрыть истинные цели верховной власти.

Как и все другие реформы второй половины XIX века, тюремная готовилась на протяжении нескольких лет, хотя и началась значительно позднее полицейской и судебной. В начале 1872 года Александр II утвердил комиссию для составления общего проекта тюремного преобразования, которая уже 29 февраля провела свое первое заседание. В состав ее вошли представители от МВД, МЮ, Министерства финансов, II и III отделений его императорского величества канцелярии. Всего на первом заседании присутствовало 11 членов и делопроизводитель, который вел протокол заседания [215].

В ходе работы данная комиссия, рассмотрев действующее тюремное законодательство, установила, что, во-первых, все нормативные акты приняты «во время существования крепостного права, телесных наказаний и прежних форм судопроизводства и позже измененному строю государственного быта более не соответствуют»; во-вторых, «что они возникали постепенно, отдельными частями, по указанию повременных потребностей, но никогда не были подчинены стройной системе, отчего и возникла сбивчивость» [216]. Безусловно, такое заключение следует считать весьма мягким, ибо нормы действовавшего в то время законодательства о тюрьмах были противоречивы и создавали благоприятную почву для произвола тюремной администрации.

Комиссия решила «составить общий систематический устав о местах заключения», который «представлял бы не ряд исторических отрывочных законоположений, а всецельный кодекс, обнимающий собою всю вновь установляемую систему для мест заключения, согласованную со всеми современными преобразованиями, отменившими крепостное право, телесное наказание и прежнее судопроизводство» [217].

Помимо общего вывода по действующему законодательству о тюрьмах, комиссия отметила и ряд более конкретных его недостатков. Прежде всего, как полагали члены комиссии, «разделение заключенных по категориям по многочисленности последней, представляет весьма значительные неудобства и потому систему категорий для содержащихся в тюремном заключении удобнее заменить системою разделения самих тюрем на категории». Резко высказались члены комиссии об Уставе общества попечительного о тюрьмах. Они отметили, что Устав, «смешивая в этом учреждении обязанности государственной администрации с доброхотным содействием частной

благотворительности, приводит к безответственности лиц, заведывающих одною из важных отраслей государственного управления. Самое значение благотворительных частных тюремных обществ искажается у нас тем, что сердобольные попечения их членов облекается в формы судебного механизма, оставаясь вне всякой определенной подчиненности, вследствие чего действия членов бессильны к изменению того печального состояния русских тюрем, о котором свидетельствуют все губернские начальства».

Отрицательно отнеслись члены комиссии и к Уставу о содержащихся в смирительных и работных домах, который, по их мнению, «освящает до сих пор произвол обществ, предоставляя им право отдавать своих членов без судебного разбирательства в распоряжение правительства, которое, вследствие этого, на основании закона, подвергает таких лиц, впредь до их высылки, заключению под стражу». Кроме того, как указывалось, Устав не определяет виды и характер работ, к которым должны привлекаться лица, находящиеся в указанных домах.

Негативное отношение выразили члены комиссии и к действовавшему Уставу о ссыльных, указав, что его требования «относительно содержания сосланных в местах назначения не осуществлялись по своим неопределенным началам, и потому, весьма естественно, послужили источником важных злоупотреблений».

Как видно, действующее законодательство о тюрьмах получило отрицательную оценку со стороны членов комиссии. А если принять во внимание, что это сделали представители высших кругов правящего класса, то можно представить, какое в действительности положение дел было в тюрьмах России до реформы.

К лету 1872 года комиссия подготовила проект тюремного преобразования, состоящий из пяти частей: 1) классификации мест заключения; 2) устройства мест заключения; 3) порядка содержания в местах заключения; 4) финансовых операций для устройства и преобразования мест заключения; 5) управления местами заключения.

По указанию императора проект передали в специально созданный комитет, состоявший из пяти человек, куда вошли министры внутренних дел и финансов, главноуправляющие министерства юстиции, II и III отделений Собственной его императорского величества канцелярии. Рассмотрев представленный проект, комитет пришел к выводу, что «для правильного разрешения вопроса о тюремном преобразовании следует ввести его в виде опыта в 10 губерниях, составляющих округ Мо-

сковской судебной палаты». С этой целью 14 июля 1872 года комиссии было поручено составить предложения о порядке введения в десяти губерниях тюремного преобразования, по устройству одной каторжной тюрьмы в местности по своему усмотрению, о преобразовании пересыльной части и о введении этого преобразования в указанных губерниях. Кроме того, комиссии рекомендовалось сделать «некоторые изменения в основных положениях». Вновь подготовленные материалы в июле 1873 года вторично были представлены на рассмотрение комитета, который их одобрил и передал на утверждение императора.

О работе комиссии в последующие годы и судьбе ее проекта нет прямых данных. Только через три года (в мае 1876 г.) на имя императора вновь поступает от графа Соллогуба записка о настоящем положении тюремного преобразования с указанием мер, какие, по его мнению, могли бы способствовать улучшению тюремной части при состоянии данного вопроса в середине 70-х годов XIX века. Этой запиской графа Соллогуба и заканчивается разработка тюремного преобразования в России.

Какие же причины помешали реализовать проект преобразований тюремной части, составленный комиссией в 1872 году? Во-первых, отсутствовало новое уголовное законодательство. Прежде чем осуществлять тюремную реформу в полном объеме, необходимо было внести изменения в действующее Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, принятое в 1845 году, либо разработать новое подобное уложение. Во-вторых, преобразование тюремной части требовало огромных материальных затрат — около 42 млн. рублей [218]. Государство не могло выделить такую сумму. В-третьих, для реализации основных положений проекта необходимо было кардинально изменить господствующий в обществе (и в особенности в правящих кругах) взгляд на тюрьмы, их назначение, а это не входило в планы высшей правящей элиты, которая хогела провести лишь «косметический ремонт» действовавшей тюремной системы с наибольшей выгодой для себя, приспособив ее к новым условиям властвования.

Таким образом, первоначальный проект преобразования тюрем в России был разработан довольно быстро (примерно за три месяца), но не введен в действие в полном объеме. И только отдельные его положения стали реализовываться в конце 70-х годов XIX века, но и они дали основание утверждать, что в России в это время осуществлялась тюремная реформа.

Рассмотрим основные положения данного проекта. Комиссия предлагала значительно упростить тюремную систему. Места заключения делились на два вида: предварительные и исполнительные. В местах предварительного заключения содержались две категории лиц: состоящие под следствием и судом и осужденные, до исполнения над ними судебного приговора. В исполнительных местах отбывали наказание лица, приговоренные судом к тюремному заключению. Таким образом был устранен недостаток действовавшего законодательства по совместному содержанию лиц, находившихся под следствием и судом и уже отбывавших наказание по приговору суда. Более того, ст. 19 проекта запрещала места предварительного и исполнительного заключения учреждать в одном здании.

Места исполнительного заключения с учетом срока содержания в них лиц подразделялись на краткосрочные (смирительные и работные дома), среднесрочные (тюремные замки) и долгосрочные (каторжные тюрьмы).

Большое внимание в проекте уделялось вопросам режима и условий содержания заключенных. Обращает на себя внимание тот факт, что составители проекта при разработке отдельных положений руководствовались принципом гуманности. Так, в ст. 29 содержалось указание на то, что при местах предварительного заключения должны быть сады для прогулки заключенных, а ст. 160 обязывала оказывать попечение лицам после отбытия наказания.

В проекте конкретно решался вопрос о привлечении заключенных к труду. В ст. 41 указывалось, что «в местах предварительного заключения и арестных домах работы непринудительны, в прочих местах заключения работы обязательны». При этом члены комиссии рассматривали обязательные работы как одно из действенных средств исправления преступника. Ст. 78 гласила, что «главная цель среднесрочного заключения есть бесспорно исправление преступника; цель эта может быть достигнута только при правильном устройстве тюремных работ, в которых заключается самое надежное средство к исправлению».

Интересно заметить, что составители проекта даже разработали целую систему работ, привлечение к которым в определенной последовательности будет оказывать положительное воздействие на преступника. Так, рекомендовалось применять три вида: черную работу, которая не оплачивалась и была обязательна для всех в течение 10 часов; серую работу (механическую) типа трепания пеньки, выделки мочалок, метелок,

корзин и тому подобной, которая уже оплачивалась и осуществлялась в течение меньшего времени; белую работу, к которой относилось обучение какому-либо мастерству [219].

Большое внимание составители проекта уделили тюремной дисциплине и, в основном, дисциплинарным взысканиям. Резко критикуя действовавшее законодательство по данному вопросу, они отметили, что такие взыскания, как выговоры, ограничение пищи, лишение свидания с родственниками, денежный штраф, не достигают желаемых целей. В силу этого, как полагали члены комиссии, дисциплинарные наказания должны иметь место во всех местах заключения, но только в виде карцера с большей или меньшей строгостью, а в каторжных тюрьмах еще должны применяться телесные наказания (ст. 44 проекта). Безусловно, данное положение несло на себе больше печать феодального права и создавало благоприятные условия для произвола тюремной администрации.

Но в проекте было заложено и прогрессивное положение пенитенциарной системы: стимулирование осужденных к исправлению путем применения мер поощрения, состоящих «в некоторых преимуществах и льготах, даруемых арестантам» (ст. 43). Кроме того, составители проекта предусматривали возможность для заключенного получить ремесло и обучиться грамоте, для чего при каждом исправительном доме должна устраиваться школа (ст. 95).

Особое внимание в проекте было уделено и режиму содержания заключенных в каторжных тюрьмах. Но и здесь все вопросы организации быта и привлечения заключенных к труду решались на тех же общих принципах, которые были характерны для проекта 1872 года.

Таким образом, проект тюремного преобразования содержал ряд прогрессивных по тому времени положений и был шагом вперед в развитии всего пенитенциарного дела в России. Однако, как уже отмечалось, в целом проект не был реализован по различным причинам, и лишь отдельные его положения спустя несколько лет претворялись в жизнь.

Новый период в развитии тюремной реформы связан с 1879 годом, когда другая комиссия изучила состояние карательной системы не только в России, но и за рубежом. Результаты деятельности этой комиссии нашли реальное выражение в таких указах Сената, как «О замене содержания в арестантских ротах заключением в тюрьму для приговоренных по 4 и 5 степеням 34 статьи «Уложения о наказаниях» **(4** мая **1879 г.)** и Государственного совета «Об основных положениях по

преобразованию тюремной части и при пересмотре «Уложения о наказаниях» (11 декабря 1879 г.) [220].

Но и в конце 70-х годов XIX века тюремная реформа не проводилась в полном объеме. Осуществление ее растянулось на десятилетия, и только в 90-х годах был принят ряд законодательных актов, которые дают основание полагать, что реформа тюремного дела в России завершилась. Именно в это время, наконец, реализовалась изложенная в части 5 «Управление местами заключения» проекта 1872 года идея централизации управления тюрьмами гражданского ведомства.

§ 2. Система тюрем и органы управления тюремным делом

Как уже отмечалось, царское правительство уделяло большое внимание приспособлению пенитенциарной системы к изменяющимся условиям властвования. К началу XX века в России насчитывалось 895 тюрем гражданского ведомства [221]. Помимо них существовали тюрьмы военного и духовного ведомств, находившиеся на особом положении и не подчинявшиеся общим органам тюремного управления. В данном учебном пособии будут рассмотрены только тюрьмы гражданского ведомства.

В систему тюрем гражданского ведомства входили губернские, областные и уездные тюремные замки, смирительно-работные дома, каторжные, пересыльные и долговые тюрьмы. Однако по отношению к отдельным тюрьмам употреблялись и иные термины, свидетельствующие о месте и -назначении тюрьмы в общей пенитенциарной системе России. Например, в Царстве Польском в 1882 году существовало 20 тюрем, в числе которых указывалась главная уголовная тюрьма и следственная тюрьма в Варшаве и 18 тюрем других городов Царства Польского; упоминались в нормативных актах этого же времени Московская центральная пересыльная тюрьма, Московская временная тюрьма для неисправных должников, Московская исправительная тюрьма, Томская центральная пересыльная тюрьма и другие [222].

Особое место в системе тюрем гражданского ведомства занимали тюрьмы-централы (Петропавловская и Шлиссельбургская крепости, Алексеевский равелин, Новоборисоглебский централ близ Харькова, Александровский централ близ Иркутска и другие), и их число к началу XX века постоянно возрастало. Особенно широкое распространение получили ка-

торжные тюрьмы, для размещения которых отводились новые регионы страны — Сахалин и Якутия.

Следует отметить, что в 80-е годы XIX века шло интенсивное строительство новых тюрем. Так, в 1884 году была открыта Виленская каторжная тюрьма, в 1889 году — пересыльная тюрьма в Иркутской губернии, начали функционировать тюрьмы в городах Новороссийске, Владивостоке, Одессе и других местах [223]. Именно в эти годы резко увеличиваются расходы на содержание, как указывается в таблице государственных расходов, «тюремной и арестантской части». Если в 1884 году эта сумма составляла 12 345 525 рублей, то в 1888 — 13 839 903, а в 1891 году — уже 14 566 185 рублей [224]. И только в 90-е годы намечается некоторое снижение указанных расходов за счет, как правило, уменьшения размера «кормовых» денег и сумм, отпускаемых на ремонт тюрем. Например, 30 декабря 1891 года император утвердил мнение Государственного совета об уменьшении на одну пятую арестантского кормового пайка для «арестантов всех наименований», содержащихся во всех местах заключения, «кроме мест заключения Привисленского края, Иркутского и Приамурского генерал-губернаторства» [225]. Так, в 1895 году на содержание тюрем истрачено из государственной казны 14 464 187 рублей, а в 1900 — на 124,2 тысячи меньше [226].

Система тюрем во второй половине XIX века постоянно изменялась в связи с тем, что ее реформа растянулась на многие годы. В начале 80-х годов повсеместно упразднялись долговые тюрьмы, а неисправные должники должны были находиться в губернских или уездных тюремных замках, содержаться отдельно от других уголовных арестантов и на более легком режиме. 2 февраля 1882 года император утвердил мнение Государственного совета о закрытии Московской временной тюрьмы для неисправных должников и Варшавской долговой тюрьмы [227]. В эти же годы арестантские роты гражданского ведомства ликвидировались как самостоятельные учреждения, а создавались исправительно-арестантские отделения гражданского ведомства при тюремных замках. Смирительные и работные дома также фактически были упразднены в это же время, хотя отдельные из них в порядке исключения продолжали действовать, например, Владимирский, Казанский, Костромской, Симбирский, Тверской [228].

Основными законодательными актами, регламентировавшими режим содержания в местах заключения, были Устав о содержащихся под стражей и Свод учреждений и уставов с ссыльных, первоначально принятые в 1857 году, а затем до-

полненные и измененные в ходе проведения тюремной реформы. Фактически Устав о содержащихся под стражею в редакции издания 1890 года существовал без принципиальных изменений вплоть до февраля 1917 года.

Устав предусматривал раздельное содержание мужчин и женщин, политических и уголовных заключенных, взрослых преступников и несовершеннолетних. С этой целью в тюрьмах создавались отделения для политических заключенных, женские отделения и т. д. Однако на практике из-за большого числа заключенных зачастую вместе содержались уголовные и политические, взрослые и несовершеннолетние преступники, больные и здоровые.

В Уставе о содержащихся под стражею особо подчеркивалось, что «дворян, чиновников, также и из разночинцев людей, состоянием своих отличных (отменитых), и иностранцев, должно помещать особо от людей низшего состояния» (ст. 99). Более того, размер «кормовых денег», отпускаемых на питание арестантов, зависел исключительно от классовой, сословной принадлежности и даже от ранга по службе (дворяне, духовные лица, чиновники, крестьяне, дворяне 5-го или 8-го ранга по службе и так далее) [229]. Однако размер суточных «кормовых денег» неоднократно уменьшался на протяжении второй половины XIX века.

Постоянная переполненность, антисанитария, произвол тюремной администрации — таковы реальные спутники, по словам современников, всех мест заключения России [230]. Правительство никогда не отпускало необходимых средств на ремонт тюрем. Так, из затребованных в 1876 году 522 490 рублей было отпущено только 246 505 рублей, а в 1879 году — соответственно 737 000 и 177 505 рублей [231].

Американский журналист Д. Кеннон, используя рапорты должностных лиц тюремного ведомства, статистические данные и другие сведения, указывал, что положение тюрем в России во второй половине XIX века было чрезвычайно бедственным [232]. Тюремные здания отличались ветхостью, сыростью, недостатком света и воздуха, неудобством внутреннего устройства. Зачастую тюрьмы располагались в наемных зданиях, совершенно не приспособленных для таких целей. Во многих учреждениях отсутствовала больница, и больные содержались со здоровыми заключенными. Смертность больных в отдельных тюрьмах доходила до 60% [233]. Вот как чиновник В. Птицын писал в своем отчете о состоянии Киренского тюремного замка: «... больницы в тюрьме нет и больные арестанты помещаются в двух камерах Киренской гражданской больницы —

учреждения по своей невероятной грязи и зловонности не имеющего себе подобных даже в самых северных и глухих городах Сибири» [234].

Хотя режим содержания в тюрьмах был определен законом, но в реальной жизни он зависел от усмотрения тюремной администрации. Наказания применялись к заключенным в зависимости от прихоти начальства и за самые незначительные проступки. Даже нахождение на близком расстоянии от окна, наложение своей руки на плечо другого заключенного в каторжных тюрьмах считалось проступком и влекло наказание розгами.

Наказания провинившихся заключенных осуществлялись в самых различных формах: карцер, розги, стояние на коленях по два часа и другие. Карцеры подразделялись на холодные и теплые. Но и в теплых зимой температура была около нулевой отметки, а в холодных — 2 градуса мороза, к тому же пол устлан плитами. Сечение розгами, как правило, осуществлялось сразу после поверки, на специальных узких скамейках. Одновременно наказывалось пять и более человек. Количество ударов зависело от администрации, а громадная лужа крови была результатом этой экзекуции [235].

Особенно суровый режим содержания и беспредельный произвол администрации проявлялся в тюрьмах-централах, в которых содержались особо опасные политические преступники. Количество таклх тюрем увеличивается в 80-е годы XIX века, когда недовольство существующим строем приобретает резкие формы и лагерь оппозиции расширяет свою социальную базу. Одной из тюрем-централов и была Шлиссельбургская крепость, о которой вновь вспомнило царское правительство после убийства императора Александра II в марте 1881 года.

По указанию Александра III, данному в августе 1881 года, началось приспособление для содержания политических заключенных помещений Шлиссельбургской крепости, «как наиболее соответствующей по своему положению назначению» [236]. Это была специальная тюрьма для самых опасных «государевых врагов». Никто не мог войти в эту тюрьму и выйти из нее без визы императора. Директор Департамента полиции В. К. Плеве в докладе от 4 декабря 1882 года, направленном в штаб отдельного Корпуса жандармов, об организации управления и тюремного порядка в Шлиссельбурге писал: «Вновь устраиваемая государственная тюрьма для политических арестантов состоит из двух отдельно стоящих за одной каменной оградой зданий, из которых одно состоит из десяти, в одном

этаже, и другое из 40 в двух этажах, одиночных келий» [237].

Тюрьма открылась 2—4 августа 1884 года и первыми ее заключенными были народовольцы М. Ф. Грачевский, Н. А. Морозов, М. Ф. Фроленко и другие, а спустя два месяца ее состав пополнили осужденные по процессу «14-ти» (В. Н. Фигнер, Л. А. Волькенштейн, Н. Д. Похитонов, В. Г. Иванов и другие). В Шлиссельбурге отбывали наказание и участники «второго 1 марта» Лукашевич, Новорусский. За первый год (с августа по декабрь), всего прибыло 34 человека [238]. Всем заключенным присваивался номер, под которым они значились в списках. Называть заключенных по фамилии запрещалось. На питание отпускалось только 11 копеек в день на человека, что означало, как утверждает Колосов, «голодный паек» [239]. Весь режим в Шлиссельбурге был таким, чтобы «опустошить душу заключенного от каких бы то ни было внешних впечатлений, убить ее этим умственным голодом, как тело убивается голодом физическим» [240]. И неудивительно, что из 34 заключенных больных было 21. Многие не выдерживали такого режима и вскоре становились душевнобольными, а некоторые, как, например, С. М. Гинсбург, М. Ф. Клименко, покончили с собой.

Шлиссельбургская крепость использовалась и как место казни особо опасных государственных преступников, что также отрицательно сказывалось на настроении и здоровье заключенных. В ней были казнены многие народовольцы: Минаков, Мышкин, Рогачев, Штромберг, Андреюшкин, Генералов, Осипанов, Ульянов (Александр) и Шевырев.

Особый интерес представляет вопрос об использовании заключенных на различных работах. До 1879 года труд заключенных широко не применялся. Даже в Уставе о содержащихся под стражею (ст. 159 издания 1857 г.) указывалось, что осужденные за преступления к заключению в тюрьме «занимаются возможными в их положении работами не иначе, как по собственному желанию», а «прочие заключенные должны быть занимаемы по назначению и распоряжению начальства работами в соответствии со званием, полом и возрастом». До тюремной реформы закон запрещал привлекать дворян к общественным работам по распоряжению местного начальства, а только мещан и крестьян. При этом арестанты из низших сословий, как правило, назначались на «тягчайшие работы», объем которых заранее определялся [241].

В ходе подготовки тюремной реформы 11 декабря 1879 года император утвердил «Основные положения, имеющие служить руководством при преобразовании тюремной части и

при пересмотре Уложения о наказаниях» [242]. Этот нормативный акт вносил ряд весьма важных изменений в вопрос о труде заключенных. Во-первых, законодатель уже не различает преступников по сословной принадлежности, в силу чего все заключенные, за исключением приговоренных к аресту (ст. 6), привлекаются к обязательным работам (ст. 3, 4, 5). При этом подчеркивается, что «приговоренные к ссылке на каторгу должны быть подвергаемы: а) тяжким принудительным работам» (ст. 3), а «приговоренные к аресту могут быть употребляемы на работы не иначе, как по собственному желанию» (ст. 6).

В последующие годы неоднократно принимались нормативные акты, регламентировавшие порядок привлечения заключенных к обязательному труду и его оплату. Например, 6 января 1886 года император утвердил мнение Государственного совета «О занятии арестантов работами и о распределении получаемых от сего доходов» [243]. В нем вновь проведена мысль о принудительном характере работ, но указаны категории заключенных, которые выполняют обязательные работы по назначению тюремного начальства (осужденные к ссылке в каторжные работы, присужденные к заключению в тюрьме за кражу, мошенничество и т. д.), а все остальные арестанты, не указанные в ст. 2, хотя и обязаны работать, «но сим лицам предоставляется избирать тот или иной род занятий, разрешенных для того места заключения, в котором каждое из сих лиц содержится» (ст. 2, 3).

При этом в ст. 13 закрепляется положение, что все арестанты «пользуются правом на денежное за свой труд вознаграждение в размерах, ст. 14 определенных». А размер денежного вознаграждения зависел от вида наказания. И если присужденные к заключению в тюрьме получали четыре десятых части заработанных денег, то осужденные к ссылке в каторжные работы — только одну десятую. Остальная сумма денег поступала в равных частях в доход государства и тюрьмы. Деньги не выдавались на руки заключенному, а зачислялись на особый счет, с которого затем он получал собравшуюся сумму после отбытия срока наказания.

Как и ранее, некоторые категории заключенных освобождались от обязательных работ. Это лица, отбывающие арест; несостоятельные должники; пересыльные арестанты, за исключением указанных в ст. 2 данного закона; лица, находящиеся под стражей во время следствия и суда (ст. 5).

Продолжительность обязательных работ была регламентирована: «Не должна превышать 11 часов летом и 10 часов зи-

мою, полагая в то число время, посвященное занятиям в школе и употребляемое для довольствия работающих пищею» (ст. 7). В выходные и праздничные дни заключенные не работали. При этом, если количество выходных дней для всех заключенных было одинаковым, то количество праздничных дней зависело от категории заключенного и его вероисповедания (ст. 8).

Если сравнить дореформенное тюремное законодательство с принятым в последней трети XIX века, то можно заметить, что правительство стремилось интенсивнее использовать труд арестантов с целью извлечения для себя максимальных выгод: устанавливает принудительный характер работ почти для зсех, за редким исключением, категорий заключенных, уменьшает размер вознаграждения за труд. Более того, государство, порой крайне заинтересованное в быстром строительстве той или иной железной дороги, создавало стимулы для высокопроизводительной работы заключенных. Примером может служить утвержденное императором положение Комитета Сибирской железной дороги от 9 мая 1895 г. [244], по которому срочным арестантам тюремного разряда, работающим на строительстве Средне-Сибирской железной дороги, «время работы на стройке зачисляется в срок из расчета 8 месяцев за один год».

Таким образом, проведенная тюремная реформа не реализовала многие положения, которые были заложены составителями проекта тюремного преобразования 1872 года. Усиление реакции в стране в последней трети XIX века сказалось не только на тюремном законодательстве, но и еще в большей мере на практике его применения.

Реформа предполагала также и изменение управления тюрьмами. В этом вопросе фактически, с небольшими изменениями, была реализована часть пятая проекта — «Управление местами заключения». И это неудивительно, ибо идея централизации как нельзя кстати отвечала интересам реакционной части правящих кругов России.

Все органы управления тюремным делом в России делились на три вида: высшие, центральные и местные. К высшим органам относились император, Государственный совет и Сенат. Они, как правило, осуществляли общее управление тюремным делом, решая вопросы о финансировании, открытии новых и закрытии старых учреждений, усилении охраны, штатах управления тюрьмами, изменении норм пищевого довольствия заключенных и ряд других. Так, 2 февраля 1882 года император утвердил мнение Государственного совета «Об уве-

личении числа стражников в некоторых тюрьмах Царства Польского», 20 декабря 1883 года — «О временном дополнительном штате Московской центральной пересыльной тюрьмы», 15 июня 1887 года — «Об установлении порядка сокращения срока тюремного заключения для лиц, отбывающих оное в одиночных тюрьмах», 13 декабря 1895 года был подписан указ, данный Правительствующему Сенату, «О присоединении к составу МЮ Главного тюремного управления» и ряд других [245]. Как видно даже из приведенных примеров, ни один вопрос не решался без участия императора, который утверждал представленные ему Государственным советом материалы и документы. Сенат играл менее значимую роль в управлении тюрьмами.

К центральным органам управления тюремным делом относилось Министерство внутренних дел. В 1879 году в составе МВД было создано Главное тюремное управление, которое в 1895 году перешло в состав Министерства юстиции и существовало с этого времени без изменений вплоть до февраля 1917 года. Главное тюремное управление осуществляло инспектирование всех общеуголовных тюрем [246], вело статистическую работу в области тюремного дела, готовило предложения, подаваемые министру внутренних дел (с 1895 г.— министру юстиции) по различным вопросам, касающимся изменения штатов тюрем, усиления внутренней и наружной охраны, ремонта, изменения режима содержания и т. п. На основе этих материалов министр внутренних дел представлял на рассмотрение Государственного совета соответствующий документ.

На местах управление тюрьмами было децентрализовано и осуществлялось как государственными органами и должностными лицами (губернатором, губернским правлением и тюремным смотрителем), так и организациями в лице учреждений Общества попечительного о тюрьмах. Штат управления утверждался, как правило, для каждой конкретной тюрьмы, и изменение штатного расписания входило в компетенцию высших органов управления. Так, штат управления Старорусской тюрьмы Новгородской губернии в 1887 году состоял из 48 человек: смотрителя тюрьмы, его помощника, двух старших и 15 младших надзирателей, трех надзирательниц женского отделения и других чиновников. На управление данной тюрьмы расходовалось в год 9940 рублей [247].

Губернатор и губернское правление осуществляли общий контроль и надзор за тюрьмами, расположенными в губернии, а непосредственное управление конкретной тюрьмой находилось в руках смотрителя тюремного заведения.

Тюремные комитеты и отделения Общества попечительного о тюрьмах создавались весьма интенсивно, но в большинстве своем бездействовали, в лучшем случае осуществляли раз в год формальные осмотры состояния тюрем и соблюдения в них установленного режима. Эти организации подавали ходатайства об улучшении быта заключенных, учреждении приютов для «арестантских» детей и т. д., которые, как правило, не удовлетворялись.

В конце 80-х годов XIX века делается попытка централизовать и унифицировать штат управления всеми тюрьмами России. Так, 15 июня 1887 года было утверждено мнение Государственного совета «Об устройстве управления отдельными местами заключения гражданского ведомства и тюремной стражи» [248]. В соответствии со статьями 1 и 2 названного документа управление тюрьмами строилось по схеме: министр внутренних дел — начальник Главного тюремного управления — губернатор — администрация тюрьмы — стража. К администрации тюрьмы относились: начальник тюрьмы, его помощники, священники, дьяконы, псаломщики, врачи и фельдшеры (ст. 3). Согласно ст. 4 тюремную стражу составляли старшие и младшие тюремные надзиратели (надзирательницы). Указанные лица назначались начальником тюрьмы и находились в его полном подчинении (ст. 8).

Учреждаемый новый штат не был распространен на тюрьмы Санкт-Петербурга, острова Сахалин и Забайкальской области. Введение нового штатного расписания обошлось казне в 2 320 831 рубль. Следует заметить, что в этом нормативном акте предусматривались и меры поощрения тюремной администрации. Так, согласно ст. 11 у тюремного надзирателя, прослужившего «беспорочно» 5 лет, оклад увеличивался на одну треть, за 10 лет «беспорочной службы» он увеличивался еще на столько же, а за 15 лет — оклад удваивался.

Процесс централизации управления тюрьмами на местах получил дальнейшее развитие в 1890 году, когда 21 марта император утвердил мнение Государственного совета «Об учреждении губернской тюремной инспекции», которое предусматривало создание в составе губернского правления тюремного отделения, возглавляемого специально учрежденным должностным лицом — губернским тюремным инспектором, при котором были помощник и особый секретарь (ст. 1) [249]. В тюремном отделении губернского правления «сосредоточиваются все дела по частям тюремно-арестантской и пересыльной» (ст. 2).

Правовое положение губернского тюремного инспектора

было довольно высоким, ибо он считался членом общего присутствия губернского правления, хотя в ст. 4 и сказано, что он «участвует в заседаниях оного по надлежащим разрешению сего Присутствия делам, относящимся к ведению тюремного отделения». Должность губернского инспектора вводилась на территории России постепенно. Так, в первой половине 1890 года она была введена в губерниях Виленской, Киевской, Пермской, Саратовской и Харьковской, а летом 1891 года — в Екатеринославской, Казанской, Московской, Херсонской и Томской [250]. Конкретные сроки введения указанной должности на территории той или иной губернии определялись по усмотрению министра внутренних дел.

Как уже отмечалось, определенную роль в управлении тюрьмами играло Общество попечительное о тюрьмах, учреждаемое при МВД (с 1895 г.— при МЮ) и находящееся под особым покровительством, а также губернские комитеты попечительные о тюрьмах и их отделения в городах.

Общество попечительное о тюрьмах возглавлялось президентом, которым был по должности министр внутренних дел. На правах членов в данное Общество входили лица обоего пола, изъявившие желание ежегодно вносить деньги «для подкрепления действий Общества на пользу заключенных», а также лица, делающие «единовременные пожертвования» с этой же целью.

Губернские комитеты Общества попечительного о тюрьмах возглавлялись вице-президентами, которых было от трех до пяти человек. Кроме того, в их состав входили еще от 10 до 30 членов, именуемых директорами. Как правило, такими членами являлись представители местной администрации — прокурор, судья, предводитель дворянства и другие, а также частные лица, осуществлявшие пожертвования в пользу тюрем.

Отделения Общества попечительного о тюрьмах возглавлялись директорами и учреждались исключительно за подписью императора. Так, 12 апреля 1892 года было учреждено отделение Общества попечительного о тюрьмах в станице Новониколаевской, 16 февраля 1900 года — дамское отделение Общества попечительного о тюрьмах в г. Екатеринославе, 10 мая 1900 года подобные отделения созданы в г. Витебске и Новочеркасске [251]. Главной обязанностью этого Общества и его комитетов (отделений) было «улучшение как нравственного и физического состояния арестантов, так и мест заключения». Но вот как отзывались о нем современники: «Устав Общества попечительного о тюрьмах, смешивая в этом учреж-

дении обязанности государственной администрации с доброхотным содействием частной благотворительности, приводит к безответственности лиц, заведывающих одною из важных отраслей государственного управления»[252]. Антисанитарное состояние тюрем и произвол тюремной администрации — это в определенной мере результат бездействия названного органа, призванного заниматься вопросом о тюрьмах.

Таким образом, в начале 90-х годов XIX века фактически завершился процесс централизации органов управления тюрьмами и унификации их штатов. В последующие годы царизм лишь увеличивал численность тюрем и ее администрации, усиливал охрану, уменьшая при этом расходы на их содержание за счет снижения размера сумм на питание заключенных и обустройство тюремных зданий. Например, 30 декабря 1891 года император утвердил мнение Государственного совета «Об уменьшении арестантского кормового пайка», по которому временно, на 1892 год, на одну пятую уменьшался паек «для арестантов всех наименований, содержащихся в губернских, областных и уездных тюремных замках, в Санкт-Петербургском доме предварительного заключения, в Московской исправительной тюрьме, в исправительно-арестантских отделениях, пересыльных и каторжных тюрьмах, кроме мест заключения Привисленского края, Иркутского и Приморского генерал-губернаторства»[253].

§ 3. Значение тюрем в карательной политике царского самодержавия

Пореформенная тюремная система использовалась правящими кругами России как одно из эффективных средств борьбы с ширившимся движением прогрессивно настроенной части общества, особенно в условиях реакции последней трети XIX века. Тюрьмы, как вещественные придатки карательного аппарата, доводили до конца то дело, которое начинали суд и полиция.

Как указывалось выше, царизм, вынужденный делать вид соблюдения принципа законности, порой не мог с помощью суда и полиции добиться нужного решения вопроса в отношении лиц, неугодных для данного режима. В этих случаях ставка делалась на тюремную систему, где позиции реакции были весьма прочными. И если не удавалось сломить оппозиционно настроенных лиц в ходе предварительного следствия и суда, то тюрьма с ее антисанитарией, режимом содержания, безза-

конием и произволом администрации довольно успешно справлялась с этой задачей. Е. Е. Колосов, проследив судьбу заключенных тюрьмы, справедливо заметил, что «история Шлиссельбурга это есть история гибели заключенных в нем революционеров» [251]. Как уже отмечалось ранее, отдельные революционеры решались на самоубийство, протестуя тем самым против произвола и издевательств тюремной администрации.

Следует заметить, что судебная практика, рассматривая тюремное заключение как одно из эффективных средств борьбы с преступностью, применяла этот вид наказания довольно широко. Так, Минский окружной суд в 1890 году, рассмотрев 557 уголовных дел, вынес 150 приговоров, по которым предусматривалось наказание в виде тюремного заключения. А если принять во внимание, что и арест отбывался в арестных отделениях, учреждаемых, как правило, при тюрьмах, то число подобных приговоров увеличится еще на 137 [255]. В силу широкого применения указанного вида наказания ежегодно через тюрьмы России проходило большое количество людей. Например, по отчету Главного тюремного управления за 1885 год во все места заключения Российской империи прибыло 727 506 арестантов, а выбыло 722 021 человек. При этом надо принять во внимание, что 94 488 заключенных оставалось в тюрьмах с предыдущего, 1884 года. Из вновь поступавших более 500 тыс. человек ежегодно проходило через пересыльные тюрьмы и отделения, следуя к месту постоянного отбывания наказания [256]. Если политические заключенные после отбытия срока наказания и выходили из тюрем живыми, то уже ни сил, ни желания у них, как правило, не было для последующей активной борьбы с существующим режимом. Так достигалась ближайшая цель правящих кругов — устранить из борьбы как можно больше оппозиционно настроенных людей.

Однако главных целей — ликвидации преступности вообще и оппозиционного движения в стране — достигнуто не было, ибо глубинные причины, приведшие к установлению реакции в России в последней трети XIX века, с такой же закономерностью формировали в различных слоях общества противников данного режима. И никакой, даже самый совершенный карательный аппарат с его многочисленными вещественными придатками в виде тюрем не в состоянии был предотвратить распространение демократических идей, которые проникали во все прогрессивные слои общества. Социальный взрыв был неизбежен, так как причины его коренились в самой реальной действительности тогдашней России, в самой сути господствовавшей власти, не желавшей трезво оценить сложившуюся

обстановку в стране и сделать определенные шаги по дальнейшему «обуржуазиванию» своего государственного механизма и в целом всего общества.

Царское самодержавие, встав на путь реакции, фактически само способствовало не эволюционному, а революционному развитию страны и своими недальновидными действиями приближало социальный взрыв, который и произошел в начале XX века.

ЧИСЛО НИЗОВЫХ ПОЛИЦЕЙСКИХ ЧИНОВ В 4-Х СТАНАХ ВИТЕБСКОГО УЕЗДА ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1870 ГОДУ

Название чинов	Количество чинов в стане				Количество чинов в уезде
	1 стан	2 стан	3 стан	4 стан	
Тысяцкий	3	3	3	3	12
Сотский	7	3	4	15	29
Десятский	121	29	55	203	408
Итого:	131	35	62	221	449

Таблица составлена на основе данных архивных материалов, содержащихся в ф. 2500, оп. 1, д. 729, л. 35 ЦГИА Республики Беларусь.

СПИСОК ГУБЕРНИЙ РОССИИ, УПРАВЛЯЕМЫХ ПО ОБЩЕМУ УЧРЕЖДЕНИЮ (В 60-Х ГОДАХ XIX ВЕКА)

1. Архангельская
2. Астраханская
3. Виленская
4. Витебская
5. Владимирская
6. Вологодская
7. Волынская
8. Воронежская
9. Вятская
10. Гродненская
11. Екатеринославская
12. Казанская
13. Калужская
14. Киевская
15. Ковенская
16. Костромская
17. Курская
18. Минская
19. Могилевская
20. Московская
21. Новгородская
22. Нижегородская
23. Олонецкая
24. Оренбургская
25. Орловская
26. Пензенская
27. Пермская
28. Подольская
29. Полтавская
30. Псковская
31. Рязанская
32. Самарская
33. Санкт-Петербургская
34. Саратовская
35. Симбирская
36. Смоленская
37. Таврическая
38. Тамбовская
39. Тверская
40. Тульская
41. Харьковская
42. Херсонская
43. Черниговская
44. Уфимская
45. Ярославская
46. Бессарабская обл.

Леонтьев В. Н. Сборник узаконений, постановлений и распоряжений, касающихся полиции. СПб., 1869. С. XVI—XVII.

ГОРОДА, ИМЕЮЩИЕ ГОРОДСКУЮ ПОЛИЦИЮ, ОТДЕЛЬНУЮ ОТ УЕЗДНОЙ ПОЛИЦИИ В 60-Х ГОДАХ XIX ВЕКА

Кроме губернских городов, отдельную от уездной городскую полицию имеют города, подведомственные градоначальствам Одесскому, Таганрогскому и Керчь-Еникольскому, 19 уездных городов:

1. Аккерман (Бессарабской обл.)
2. Балта (Подольской губ.)
3. Бердичев (Киевской губ.)
4. Бердянск (Таврической губ.)
5. Волхов (Орловской губ.)
6. Бобруйск (Минской губ.)
7. Брест-Литовский (Гродненской губ.)
8. Вольск (Саратовской губ.)
9. Динабург (Витебской губ.)
10. Елец (Орловской губ.)
11. Кременчуг (Полтавской губ.)
12. Козлов (Тамбовской губ.)
13. Моршанск (Тамбовской губ.)
14. Мценск (Орловской губ.)
15. Нежин (Черниговской губ.)
16. Ростов-на-Дону (Екатеринославской губ.)
17. Рыбинск (Ярославской губ.)
18. Сызрань (Симбирской губ.)
19. Феодосия (Таврической губ.)

и 6 безуездных городов, посадов и местечек: Бахчисарай (Таврической губ.), Дубовка (Саратовской губ.), Карасубузар (Таврической губ.), Сергиевский Посад (Московской губ.), Радзивилов (Волынской губ.), Севастополь (Таврической губ.), а также города Полоцк (Витебской губ.), Белосток (Гродненской губ.), Пинск (Минской губ.).

Леонтьев В. Н. Сборник узаконений, постановлений и распоряжений, касающихся полиции. СПб., 1869. С. **XIII.**

Приложение 4

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТОЛИЧНАЯ ПОЛИЦИЯ В 1866—1867 гг.

(всего 2526 человек)

Обер-полицеймейстер

Полицейское управление

Канцелярия

Иностранное отделение (6 чел.)	Сыскная часть (22 чел.)	Наружная часть (40 участков, 259 околотков,, 705 постов)	Полицейский резерв (166 чел.)	Служительская команда (300 чел.)

Схема составлена на основе сведений, содержащихся в работе Высоцкого И. П. «Санкт-Петербургская столичная полиция и градоначальство» (СПб., 1903. С. 177—178).

Приложение 5

РАСХОДЫ НА СОДЕРЖАНИЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ПОЛИЦИИ В 1867—1887 ГОДАХ

1867 г.	910439 руб.
1876 г.	1201978 руб.
1882 г.	1585380 руб.
1883 г.-	1724750 руб.
1887 г.	1873537 руб.

Сведения содержатся в названной выше работе Высоцкого И. П. (Указ. соч. С. 198, 219, 230, 238).

Приложение 6

ТРЕБОВАНИЯ ДЛЯ ЛИЦ, ПОСТУПАЮЩИХ В ГОРОДОВЫЕ

1. Благообразная наружность
2. Крепкое телосложение
3. Полное здоровье
4. Острое зрение
5. Способность различать цвета
6. Чистая речь
7. Рост не ниже 2 аршин 6 1/2 вершка (170 см)
8. Не моложе 25 лет
9. Состояние в запасе армии
10. Беспорочное поведение
11. Сообразительность и расторопность

Составлены исходя из сведений, содержащихся в книге: Высоцкий И. П. «Санкт-Петербургская столичная полиция и градоначальство: Краткий исторический очерк» (СПб., 1903. С. 261).

СТРУКТУРА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ ПО ПОЛОЖЕНИЮ О КОРПУСЕ ЖАНДАРМОВ 1867 ГОДА

СТРУКТУРА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ (1880—1900 гг.)

Директор Департамента полиции

1. Распорядительное делопроизводство
— общеполицейские дела
— личный состав полиции

2. Законодательное делопроизводство
— разработка законопроектов о полиции, инструкций, циркуляров и т. п.

3. Секретное делопроизводство
— политический розыск
— агентура
— охрана царя
— пресечение революционной деятельности
— финансово-счетные дела, касающиеся политического розыска

4. Делопроизводство (с 1883 года)
— контроль за ходом политических дознаний

5. Делопроизводство (с 1883 года)
— гласный и негласный надзор

6. Делопроизводство (с 1894 года)
— фабричное законодательство
— контроль за изготовлением, хранением и перевозкой взрывчатых веществ

Особый отдел (с 1898 года)
— политический розыск
— агентура
— пресечение революционной деятельности

В связи с созданием Особого отдела с 1898 года в ведении 3-го (секретного) делопроизводства остались только финансовые вопросы, связанные с организацией политического розыска

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КОМИТЕТА МИНИСТРОВ «О ПРОДЛЕНИИ СРОКА ДЕЙСТВИЯ ПОЛОЖЕНИЯ ОБ УСИЛЕННОЙ ОХРАНЕ В НЕКОТОРЫХ МЕСТНОСТЯХ ИМПЕРИИ»

30 ИЮНЯ 1900 Г.

(Извлечение)

Министерство Внутренних Дел в представлении Комитету Министров, от 9 июня 1900 года за № 3357, полагало:

1. В губерниях: С.-Петербургской, Московской, Екатеринославской, Киевской, Подольской и Волынской, в городах: Ростове-на-Дону, Таганроге, Нахичевани, с. Касперовке и Таганрогском округе, области войска Донского, в посадах Богоявленске, Калиновке и местечке Варваровке Херсонской губернии, а также в С.-Петербургском и Одесском градоначальствах, в Николаевском военном губернаторстве и в местностях, подведомственных Кронштадскому военному губернатору, срок действия введенного в них Положения об усиленной охране продолжить с 4 сентября 1900 года еще на один год...

2. В местностях Империи, не объявленных в состоянии усиленной охраны, сохранить действие статей 28, 29, 30 и 31 Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия.

Комитет Министров, рассмотрев означенное представление, полагал: испросить на сие Высочайшее Его Императорского Величества соизволение.

Государь Император, в 30 день Июня 1900 года, положение Комитета Министров Высочайше утвердить соизволил.

ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 20. № 18960.

Приложение 10

СТРУКТУРА МВД РОССИИ В 1890 ГОДУ

Приложение 11

СПИСОК МИНИСТРОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

С. С. Ланской	(1855—1861 гг.)
П.А.Валуев	(1861—1868 гг.)
А. Е. Тимашев	(1868—1878 гг.)
Л. С. Маков	(1878—1880 гг.)
М. Т. Лорис-Меликов	(1880—1881 гг.)
П. Н. Игнатьев	(1881—1882 гг.)
Д.Н.Толстой	(1882—1889 гг.)
И. Н. Дурново	(1889—1895 гг.)
И. Л. Горемыкин	(1895—1899 гг.)
Д. С. Сипягин	(1900—1902 гг.)

Приложение 12

МЕТОДЫ И ФОРМЫ БОРЬБЫ ПОЛИЦИИ РОССИИ С ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ ДВИЖЕНИЕМ

Метод	Форма
Идеологическое воздействие	Пропаганда реакционного мировоззрения Дискредитация демократического движения
Слежка	Гласный надзор Негласный надзор
Провокация	Внедрение агентов в среду революционеров Фабрикование «доказательств» или повода к различного рода расправам
Расследование	Применение физического воздействия Применение психического воздействия
Репрессии	Применение административных санкций Физическая расправа Судебная расправа

ПЕРЕЧЕНЬ СУДЕБНЫХ ОКРУГОВ, СУДЕБНЫХ ПАЛАТ И ОКРУЖНЫХ СУДОВ В РОССИИ ПО СОСТОЯНИЮ НА 1890 г.

1. Варшавский округ

Варшавская судебная палата

10 **окружных судов:** Варшавский, Калишский, Келецкий, Ломжинский, Люблинский, Петроковский, Плоцкий, Радомский, Сувалкский, Седлецкий.

2. Виленский округ

Виленская судебная палата

4 **окружных** суда: Гродненский, Ковенский, Минский, Виленский.

3. Казанский округ

Казанская судебная палата

6 окружных судов: Вятский, Екатеринбургский, Казанский, Пермский, Сарапульский, Симбирский.

4. Киевский округ

Киевская судебная палата

8 окружных **судов:** Житомирский, Киевский, Луцкий, Могилевский, Нежинский, Стародубский, Уманьский, Черниговский.

5. Московский округ

Московская судебная палата

13 **окружных судов:** Владимирский, Вологодский, Елецкий, Калужский, Кашинский, Костромской, Московский, Нижегородский, Рязанский, Смоленский, Тверской, Тульский, Ярославский.

6. Одесский округ

Одесская судебная палата

7 **окружных судов:** Екатеринославский, Елисаветградский, Каменец-Подольский, Кишиневский, Одесский, Симферопольский, Херсонский.

7. Санкт-Петербургский округ

Санкт-Петербургская судебная палата

10 окружных судов: Великолукский, Витебский, Либавский, Митавский, Новгородский, Псковский, Ревельский, Рижский, Санкт-Петербургский, Череповецкий.

8. Саратовский округ

Саратовская судебная палата

4 окружных суда: Пензенский, Самарский, Саратовский, Тамбовский.

9. **Тифлисский округ**

Тифлисская судебная палата

8 окружных судов: Бакинский, Владикавказский, Екатеринодарский, Елисаветпольский, Кутаисский, Ставропольский, Тифлисский, Эриванский.

10. Харьковский округ

Харьковская судебная палата

12 окружных судов: Воронежский, Изюмский, Курский, Люблинский, Новочеркасский, Орловский, Острогожский, Полтавский, Сумский, Таганрогский, Усть-Медведский, Харьковский.

См.: Список ВЫСШИМ чинам государственного, губернского и епархиального управлений. 1890. С. 148—169.

СВЕДЕНИЯ О ШТАТНЫХ ДОЛЖНОСТЯХ МИНСКОГО ОКРУЖНОГО СУДА В 1884 г.

№ п/п	Должность	К-во лиц	Классность	Оклады (в рублях)		
				жало-ванья	столовых	квар-тир.
1.	Председатель суда	1	IV класса	2 500	1 000	1 000
2.	Товарищ председателя	2	V класса	2 000	750	750
3.	Член окружного суда	9	V класса	1 200	500	500
4.	Секретарь	3	VIII класса	600	300	300
5.	Помощник секретаря	7	IX класса	300	150	150
6.	Судебный пристав	11	VIII класса	300	150	150
7.	Архивариус			500	250	250
8.	Судебный следователь	1	VIII класса'	1 000	500	
		29	VI класса			
9.	Старший нотариус	1	V класса	1 200	500	500
10.	Судебный рассыльный	2	———	300		
	Всего:	66 человек				

См.: ЦГИА Республики Беларусь в г. Минске. Ф 183. Оп. 1. Д. 1. Л. 133.

ВЕДОМОСТЬ О ЧИСЛЕ И РОДЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1895 г.

(Витебский окружной суд, уголовное отделение)

№ п/п	Род преступлений	Поступило	Прекращено	Рассмотрено
1.	Преступления против веры и постановлений о ней	35	17	18
2.	Преступления и проступки против порядка управления	112	29	83
3.	Преступления и проступки по службе государственной и общественной	92		90
4.	Преступления и проступки против постановлений о повинностях государственных и общественных			
5.	Преступления и проступки против имущества и доходов казны	21		12
6.	Преступления против общественного благоустройства и благочиния	408	193	215
7.	Преступления и проступки против законов о состояниях		2	3
8.	Преступления и проступки против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц	947	572	375
9.	Преступления и проступки против прав семейных	20	12	8
10.	Преступления и проступки против собственности частных лиц	1279	891	388
	Итого:	2919	1727	1192

См.: ЦГИА Республики Беларусь в г. Минске Ф 2644. Оп. 1. Д. 83. Л. 1.

КОЛИЧЕСТВО КАЗНЕННЫХ ЛИЦ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ СУДЕБНЫМ ПРОЦЕССАМ В 60-Х И 80-Х ГОДАХ XIX ВЕКА

1861 г. — 1 человек
1862 г. — 5 человек
1864 г. — 4 человека
1865 г. — 1 человек
1866 г. — 7 человек
1867 г. — 1 человек
Всего: 19 человек

1880 г. — 8 человек
1881 г. — 5 человек
1882 г. — 5 человек
1883 г.— 1 человек
1884 г. — 4 человека
1885 г. — 6 человек
1886 г. — 1 человек
1887 г. — 4 человека
1889 г. — 3 человека
Всего: 37 человек

Таблица составлена на основе сведений, содержащихся в работе С. Ушеровича «Смертная казнь в царской России» (Харьков, 1933. С. 140—182).

КРУПНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ 80-Х ГОДОВ XIX ВЕКА

№ п/п	Название процесса	Когда проходил	Судебный орган, где проходил процесс
1.	Процесс «16-ти»	октябрь 1880 г.	Петербургский военно-окружной суд
2.	Процесс «1 марта»	март 1881 г.	Особое присутствие Правительствующего Сената (ОППС)
3.	Процесс «20-ти»	февраль 1882 г.	ОППС
4.	Процесс «23-х»	март-апрель 1883 г.	Одесский военно-окружной суд
5.	Процесс «17-ти»	»	ОППС
6.	Процесс «14-ти»	сентябрь 1884 г.	Петербургский военно-окружной суд
7.	Процесс «12-ти»	ноябрь 1884 г.	Киевский военно-окружной суд
8.	Процесс «Второе 1 марта»	апрель 1887 г.	ОППС
9.	Процесс «21-го»	май-июнь 1887 г.	Петербургский военно-окружной суд
10.	Процесс «15-ти»	ноябрь 1887 г.	Иркутский Губернский суд
11.	«Донской процесс»	декабрь 1887 г.	ОППС
12.	Процесс «22-х»	ноябрь 1888 г.	Тобольский губернский суд

Список составлен на основе сведений, содержащихся в работе Н. А. Троицкого «Народная воля» перед царским судом» (Саратов, 1971. С. 173—194).

СИСТЕМА ТЮРЕМ ГРАЖДАНСКОГО ВЕДОМСТВА В РОССИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ ТЮРЬМАМИ ГРАЖДАНСКОГО ВЕДОМСТВА В РОССИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

МВД [259]

Главное тюремное управление

Общество попечительное о тюрьмах

Губернский тюремный инспектор

Губернские комитеты Общества

Начальник (смотритель) тюрьмы

Помощник смотрителя тюрьмы

Женское отделение Общества

Мужское отделение Общества

Надзиратели
— старшие
— младшие

Адвокат-практик. Полный самоучитель к составлению образцов и форм разного рода деловых бумаг / Под ред. Семенова, Соколова/. (Издано в конце XIX в.)

Андреевский И. Русское государственное право. СПб., 1866. Т. **1.,Ч. I.**

Андреевский И. Полицейское право. СПб., 1871. Т. 1.

Андреевский И. Реформа исполнительной полиции в России: Сборник государственных знаний / Под ред. В. П. Безобразова. СПб., **1878. Т. 5.**

Белецкий С, Руткевич П. Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России. СПб., 1913.

Бинштok В. Л. Материалы для истории русской тюрьмы // Сборник правоведения и общественных наук: Труды юридического общества, состоящего при императорском Московском ун-те, и его статистического отделения. СПб., 1894. Т. 3.

Бич М. О. Развитие социал-демократического движения в Белоруссии в 1883—1903 гг. Мн., 1973.

Большая **Советская Энциклопедия.** В 30 т. М., 1977. Т. 24. Кн. 2.

Виленский Б. В. Подготовка судебной реформы 20 ноября 1864 года в России. Саратов, 1963.

Виленский Б. В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969.

Возный А. Ф. Полицейский сыск и кружок петрашевцев. Киев, **1976.**

Высоцкий И. П. Санкт-Петербургская столичная полиция и градоначальство: Краткий исторический очерк. СПб., 1903.

Гессен И. В. Судебная реформа. СПб., 1905.

Герценштейн Д. **М.** Из воспоминаний доктора // Былое. 1907. № 6.

Глазунов М. М., Митрофанов Б. А., Фаненко И. П. По законам Российской империи. М., 1976.

Дерюжинский В. Ф. Полицейское право: Пособие для студентов. СПб., **1911.**

Джаншиев Гр. Эпоха великих реформ. СПб., 1907.

Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983.

Зайончковский П. А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 года. М., 1958.

История полиции дореволюционной России: Сборник документов. М., 1981.

История СССР. Часть II. 1861 — 1917 гг. М., 1978.

Колосов Е. Е. Государева тюрьма—Шлиссельбург. Петроград, 1924.

Кони А. Ф. Отцы и дети судебной реформы. М., **1914.**

Коротких М. Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. Воронеж, 1989.

Кеннон Джордж. Тюрьмы в России. СПб., 1906.

Лаверычев В. А. Царизм и рабочий вопрос в России в 1895—1904 годах. Львов, **1964.**

Ленин В. И. Попятное направление в русской социал-демократии // Поли. собр. соч. **Т. 4.**

Ленин В. И. Что делать? // Поли. собр. соч. **Т.** 6.

Ленин В. И. Новое побоище // Поли. собр. соч. **Т.** 5.

Ленин В. И. Бей, но не до смерти // Поли. собр. соч. Т. 4.

Ленин В. И. О стачках // Поли. собр. соч. Т. 4.

Меньшиков Л. П. Охранка и революция. К истории тайных политических организаций в России. Часть I. Годы реакции, 1885—1898 гг. М., 1925.

Морской А. Зубатовщина. Странички из истории рабочего вопроса в России. М., 1913.

Мулукаев Р. С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России. М., 1964.

Народовольцы 80-х—90-х гг.: Сборник статей и материалов, составленный участниками народовольческого движения / Под ред. А. В. Якимовой-Диковской. М., 1929.

Оржеховский М. В. Самодержавие против революционной России. М., **1982.**

Острогорский М. Юридический календарь за 1888 год. СПб., 1888.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 37. Отд. 2; Т. 39. Отд. 2; Т. 42. Отд. 2; Т. 43. Отд. 1, 2, 3; Т. 38. Отд. 1,2; Т. 40. Отд. 2; Т. 41. Отд. 1, 2; Т. 35. Отд. 1; Т. 47. Отд. 1; Т. 53. Отд. 1, 2; Т. 54. Отд. 1, 2; Т. 56. Отд. 1; Собр. 3. Т. **1—5; Т. 7.** Отд. **1; Т. 9—11, 15, 18—20.**

Птицын В. Тюрьмы Приленского края // Юридический вестник. Т. XII. 1889.

Рабочее движение в России в XIX в.: Сборник документов и материалов / Под ред. А. М. Панкратовой. М., **1952. Т. 3.**

Рудницкая Е. Л. Русская революционная мысль: Демократическая печать 1864—1873 гг. **М., 1984.**

Судебная реформа / Под ред. Н. **В.** Давыдова **и** Н. Н. Полянского. М., **1915.**

Судебные уставы 20 ноября 1864 года за 50 лет. Петроград, 1914. Т. 1.

Судебные уставы 1864 года. СПб., 1864.

Тарасов И. Т. Учебник науки полицейского права. Вып. **1.** М., **1861.**

Тарасов И. Т. Полиция в эпоху реформ. М., 1885. .

Тимофеев Н. Тюремные порядки // Юридический вестник. 1882. Кн. 6.

Титов А. А. Реформы Александра II и их судьба. М., 1910.

Троицкий Н. А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866—1882 гг. М., 1978.

Троицкий Н. А. Царизм под судом прогрессивной общественности 1866—1895 гг. М., 1979.

Троицкий Н. А. «Народная воля» перед царским судом. Саратов, 1971.

Трофимов А. С. Пролетариат России и его борьба против царизма (1861—1904 гг.). М., 1979.

Федоров К. Г., Ярмыш А. Н. История полиции дореволюционной России. Ростов-на-Дону, **1976.**

Фукс В. Суд и полиция. М., 1889.

С. Ц. Х. Тюремные порядки // Юридический вестник. 1890. Т. 4.

Центральный государственный исторический архив в г. Минске. Ф 2500. Оп. 1; Ф. 183. Оп. 1; Ф. 300. Оп. 1; Ф. 1058. Оп. 1; Ф. 1509. Оп. **1.**

Чельцов-Бебутов М. А. Курс советского уголовно-процессуального права. М., 1957. Т. 1.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Здесь и далее в тексте имеются в виду губернии Северо-Западного края, расположенные на территории нынешней Республики Беларусь.

[2] См.: Зайончковский П. А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 года. М., 1958. С. 65.

[3] Тарасов И. Т. Учебник науки полицейского права. Вып. 1. М., 1891. С. 25.

[4] Тарасов И. Т. Полиция в эпоху реформ. М., 1885. С. 18.

[5] См.: Сборник государственных знаний / Под ред. В. П. Безобразова. СПб., 1878. Т. 5. С. 126.

[6] См.: Федоров К. Г., Ярмыш А. Н. История полиции дореволюционной России. Ростов-на-Дону, 1976. С. 43.

[7] Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 278.

[8] См.: Мулукаев Р. С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России. М., 1964. С. 24.

[9] Полное собрание законов Российской империи (в дальнейшем — ПСЗРИ). Собрание 2. Т. 37. Отд. 2. № 39087.

[10] См.: Андреевский И. Русское государственное право. СПб., 1866. Т. 1. Ч. 1. С. 398.

[11] См.: ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 39. Отд. 2. № 41388, 41029-а, 41114-б, 41114-в. Приложение 1.

[12] См. приложение 2.

[13] ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 42. Отд. 2. № 45268, 44681; Т. 43. Отд. 1. № 45479; Т. 38. Отд. 2. № 40456.

[14] ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 42. Отд. 2. № 45242.

[15] См. приложение 3.

[16] См.: Андреевский И. Полицейское право. СПб., 1871. Т. 1. С. 261; ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 42. Отд. 2. № 45151.

[17] ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 42. Отд. 2. № 45268.

[18] ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 42. Отд. 1. № 44772.

[19] Ф. Ф. Трепов, находясь в этой должности, прослыл человеком жестоким, бездушным и своенравным. Особенно безжалостно он относился к политическим заключенным, попирая самые элементарные человеческие права, за что и стреляла в него 24 января 1878 г. Вера Засулич, оправданная затем судом присяжных заседателей, председателем которого был видный русский юрист А. Ф. Кони.

[20] Состав столичной полиции вскоре после учреждения был увеличен (см. приложение 4). Расходы на ее содержание постоянно возрастали (см. приложение 5).

[21] ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 43. Отд. 2. № 46114.

[22] ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 40. Отд. 2. № 42623; Т. 42. **Отд.** 1. № 44305; Т. 42. Отд. 2. № 45000; Т. 39. Отд. 1. № 40650.

[23] Там же. Т. 41. Отд. 1. № 43534.

[24] Там же. Т. 39. Отд. 1. № 41024.

[25] См. приложение 6.

[26] ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 40. Отд. 2. № 42660.

[27] ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 39. Отд. 1. № 40655.

[28] ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 39. Отд. I. № 40656.

[29] См.: ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 35. **Отд.** 1. № 35890.

[30] Андреевский И. Е. Полицейское право. **СПб., 1871. Т. 1. С. 260.**

[31] **См.:** Раздел II «О предварительном следствии» **Устава** уголовного судопроизводства // Судебные уставы 1864 года (Учреждение Судебных

Установлений); Свод законов Российской империи. Т. XVI.

[32] См.: ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 38. Отд. 2. № 40316.

[33] ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 38. Отд. 1. № 39846.

[34] ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 38. Отд. 1. № 39817.

[35] Андреевский И. Е. Реформа исполнительной полиции в России // Сборник государственных знаний... СПб., 1878. Т. 5. С. 137.

В 30-х годах XIX века резко возрастает интерес к науке о полиции. В 1835 году на юридических факультетах университетов России создается отдельная кафедра законов благоустройства и благочиния, а в 1863 году она переименовывается в кафедру полицейского права. Появляются и крупные ученые в области полицейского права, такие, как И. Е. Андреевский, И. Т. Тарасов, Н. Х. Бунге и др., создаются первые обстоятельные учебники, печатаются научные статьи по полицейскому праву.

[36] Андреевский И. Е. Реформа исполнительной полиции в России. Указ. соч. С. 132—133.

[37] См.: Дерюжинский В. Ф. Полицейское право: Пособие для студентов. СПб., 1911. С. 306, 334; Андреевский И. Е. Полицейское право. СПб., 1871. Т. 1. С. 64—66, 94—99, 163, 229, 295, 311—313, 362 и др.; Тарасов И. Т. Учебник науки полицейского права. Вып. 1. М., 1891. Гл. XVI.

[38] ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 42. Отд. 1 № 44368.

[39] См.: ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 39. Отд. 1. № 40903; Т. 43. Отд. 1. № 45592.

[40] Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 229.

[41] См.: ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 39. Отд. 1. № 40600.

[42] ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 42. Отд. 2. № 44956.

[43] См. приложение 7.

[44] Ленин В. И. Попятное направление в русской социал-демократии// Полн. собр. соч. Т. 4. С. 260.

[45] Ленин В. И. Что делать? //Поли. собр. соч. Т. 6. С. 102.

[46] ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 43. Отд. 3. № 44956 (штаты).

[47] Ленин В. И. Новое побоище // Полн. собр. соч. Т. 5. С. 17.

[48] ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 38. Отд. 2. № 40429.

[49] См.: ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 53. Отд. 1. № 58610; приложение 2.

[50] В 1879 году в России насчитывалось 268 тысяч сотских и десятских. См.: Белецкий С, Руткевич П. Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России. СПб., 1913. С. 27.

[51] ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 54. Отд. 2. № 59986.

[52] ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 54. Отд. 2. № 59212, 59900; Собр. 3. Т. 18. № 16051 и др.

[53] Тарасов И. Т. Полиция в эпоху реформ. М., 1885. С. 64.

[54] ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 2. № 667.

[55] ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 2. № 696; Т. 9. № 5784.

[56] ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 7. Отд. 1. № 4801; Т. 10. № 7246.

[57] Там же. Т. 7. Отд. 1. № 4428.

[58] Высоцкий И. П. Санкт-Петербургская столичная полиция и градоначальство. Краткий исторический очерк. СПб., 1903. С. 245—246.

[59] ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 3. № 1392.

[60] См. приложение 8.

[61] Там же. Собр. 2. Т. 53. Отд. 2. № 58777.

[62] ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 1. № 350.

[63] ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 2. № 761, 940, 1071.

[64] Там же. Т. 7. № 4651; Т. 9. № 6122; Т. 10. № 7008; Т. И. № 7889; Т. 20. № 18112, 18948, 18960, 18981. См. приложение 9.

[65] Там же. Собр. 2. Т. 54. Отд. 1. № 59576.

[66] Белецкий С, Руткевич П. Исторический очерк развития полицейских учреждений в России. СПб., 1913. С. 37.

[67] Белецкий С, Руткевич П. Исторический очерк развития полицейских учреждений в России. СПб., 1913. С. 38.

[68] Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 208. См. приложения 10, 11.

[69] Императорами России в это время были Николай I (1825—1855 гг.), Александр II (1855—1881 гг.), Александр **III** (1881—1894 гг.) и Николай II (1894—1917 гг.).

[70] В Харькове был убит губернатор Кропоткин, в Одессе — жандармский полковник Кнопп, в Москве — агент полиции Рейнштейн и т. д. См.: История СССР. Часть П. 1861—1917. М.: Просвещение, 1978. С. 103.

[71] См.: История СССР. Часть И, 1861—1917. М.: Просвещение, 1978. С. 164.

[72] См.: Бич М. О. Развитие социал-демократического движения в Белоруссии в 1883—1903 гг. Мн.: Наука и техника, 1973. С. 11.

[73] См.: Большая Советская Энциклопедия (в 30 томах). М.: Советская Энциклопедия, 1977. Т. 24. Кн. **II.** С. 113.

[74] См.: История СССР. Часть П. 1861—1917. М.: Просвещение, 1978. С. 162.

[75] См.: Ленин В. И. Бей, но не до смерти // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 401—416.

[76] См.: Оржеховский М. В. Самодержавие против революционной России (1826—1880 гг.). М.: Мысль, 1982. С. 89.

[77] См.: Возный А. Ф. Полицейский сыск и кружок петрашевцев. Киев: КВШ МВД СССР, 1976. С. 90.

[78] См.: Оржеховский М. В. Указ. соч. С. 97.

[79] См.: Троицкий Н. А. Царизм под судом прогрессивной общественности 1866—1895 гг. М.: Мысль, 1979. С. 62.

[80] См.: Лаверычев В. А. Царизм и рабочий вопрос в России в 1895—1904 гг. Львов, 1964. С. 142.

[81] ЦГИА Республики Беларусь в г. Минске. Ф. 300. Оп. 1. Д. 20. Л. 76.

[82] См.: История полиции дореволюционной России. Сборник документов: Учебное пособие. М.: МВШ МВД СССР, 1981. С. 49.

[83] ЦГИА РБ в г. Минске. Ф. 1509. Оп. 1. Д. 8. Л. 5.

[84] Там же. Л. 75.

[85] См.: Оржеховский М. В. Указ. соч. С. 129.

[86] Там же. С. 131.

[87] Глазунов М. М., Митрофанов Б. А., Фаненко И. П. По законам Российской империи. М., 1976. С. 52.

[88] См.: Троицкий Н. А. Указ. соч. С. 34.

[89] Эти призывы были порождены в период идейной разобщенности революционеров и ярким выразителем их был А. В. Гольцов. Он ратовал за создание «Земского Собора», с помощью которого призывал решить стоявшие перед обществом страны проблемы.

[90] См.: Меньшиков Л. П. Охранка и революция. К истории тайных политических организаций в России. Часть I. Годы реакции 1885—1898 гг. М., 1925. С. 31—32.

[91] Народовольцы 80-х и 90-х гг. Сборник статей и материалов... М., 1929. С. 209.

[92] См.: Меньшиков Л. П. Указ. соч. С. 55.

[93] Рабочее движение в России в XIX в.: Сборник документов и материалов/Под ред. Л. М. Иванова. М., 1964. Т. IV. Часть I. С. 542—543.

[94] Троицкий Н. А. Указ. **соч.** С. 64.

[95] **Там** же. С. 35.

[96] Троицкий Н. А. Указ. соч. С. 39.
[97] См.: Морской А. Зубатовщина. Странички из истории рабочего вопроса в России. М., 1913. С. 112—115.
[98] См.: Рудницкая Е. А. Русская революционная мысль: Демократическая печать 1864—1873 гг. М., 1984. С. 43.
[99] См.: Троицкий Н. А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма 1866—1882 гг. М.: Мысль, 1978. С. 61—62.
[100] Там же. С. 63.
[101] См.: История СССР. Часть II. 1861—1917. М.: Просвещение, 1978. С. 152.
[102] См.: Глазунов М. М., Митрофанов Б. А., Фаненко И. П. Указ. соч. С 35
[103] ЦГИА РБ в г. Минске. Ф. 2500. Он. 1. Д. 24. Л. 9—14 об.
[104] См.: Рабочее движение в России в XIX, в. Сборник документов и материалов. Т. **III.** Часть I. М., 1952. С. 64—65.
[105] ЦГИА РБ в г. Минске. Ф. 1509. Он. 1. Д. 1. Л. 91.
[106] См.: Народовольцы 80-х и 90-х гг. Сборник статей и материалов, составленный участниками народовольческого движения / Под ред. А. В. ЯкимоВой-Диковской. М.: Мосполиграф, 1929. С. 61—66.
[107] См.: Рабочее движение в России в XIX в... Т. IV. Ч. 1. С. 845.
[108] Там же. С. 828—831.
[109] См.: Ленин В. И. О стачках // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 295.
[110] См.: Рабочее движение в России в XIX в... Т. IV. Ч. 1. С. 63—66.
[111] См.: Там же. Т. IV. Ч. 2. С. 681.
[112] См.: История СССР. Часть П. 1861 — 1917 гг. М.: Просвещение, 1978. С. 175.
[113] См.: Там же. С. 181—182.
[114] ЦГИА РБ в г. Минске. Ф. 1058. Он. 1. Д. 2. Л. 5—6 об.
[115] См.: Троицкий Н. А. Безумство храбрых.... М.: Мысль, 1978. С. 193.
[116] См. приложение 12.
[117] Виленский Б. В. Подготовка судебной реформы 20 ноября 1864 года в России. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1963. С. 4.
[118] Гессен И. В. Судебная реформа. СПб., 1905. С. 2.
[119] Магистраты были выборными коллегиальными органами, действовавшими в крупных городах, а в небольших городах создавались ратуши, выполнявшие функции городского управления и суда.
[120] Гессен И. В. Указ. соч. С. 3.
[121] Там же. С. 4.
[122] Фукс В. Суд и полиция. М., 1889. С. 28.
[123] См.: Гессен И. В. Указ. соч. С. 14.
[124] Там же. С. 36.
[125] Судебные уставы 20 ноября 1864 года за 50 лет. Т. 1. Петроград, 1914. С. 9.
[126] Кони А. Ф. Отцы и дети судебной реформы. М., 1914. С. 1.
[127] Виленский Б. В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1969. С. 112.
[128] Судебные уставы 20 ноября 1864 года за 50 лет. Т. 1. Петроград, 1914. С. 128.
[129] Виленский Б. В. Подготовка судебной реформы 20 ноября 1864 года в России. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1963. С. 4.
[130] Джаншиев Гр. Эпоха великих реформ. 10-е изд. СПб., 1907. С. 393.
[131] Там же. С. 394.
[132] Джаншиев Гр. Указ. соч. С. 395.
[133] Там же. С. 397.
[134] Гессен И. В. Указ. соч. С. **55.**

[135] Джаншиев Гр. Указ. соч. С. 398.
[136] См.: Судебные уставы 20 ноября 1864 года за 50 лет Т. 1. Петроград, 1914. С. 1.
[137] См.: Гессен И. В. Указ. соч. С. 58; Судебные уставы 20 ноября 1864 года за 50 лет. Т. 1. Петроград, 1914. С. 134.
[138] Судебные уставы 20 ноября 1864 года за 50 лет. Т. 1. Петроград, 1914. С. 129.
[139] Там же. С. 124.
[140] Судебная реформа / Под ред. Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянского. М.: Объединение, 1915. С. 310.
[141] Кони А. Ф. Отцы и дети судебной реформы. М., 1914. С. 148.
[142] Судебная реформа / Под ред. Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянского. М., Объединение, 1915. С. 309.
[143] См.: Кони А. Ф. Указ. соч. С. 1—118, 145—151.
[144] Джаншиев Гр. Указ. соч. С. 407.
[145] Судебные уставы 20 ноября 1864 года за 50 лет. Т. I. Петроград. 1914. С. 165.
[146] Там же. С. 179; Судебная реформа / Под ред. Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянского. М.: Объединение, 1915. С. 338—339.
[147] Судебная реформа / Под ред. Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянского. М.: Объединение, 1915. С. 345.
[148] См.: ЦГИА в г. Минске. Ф. 183. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.
[149] Чтобы хоть примерно представить указанные размеры денег, отметим, что дойная корова стоила 18 руб., а лошадь — 56 руб. ЦГИА РБ в г. Минске. Ф. 2135. Д. 6. Л. 6.
[150] См.: Судебные уставы 20 ноября 1864 года за 50 лет. Петроград, 1914. С. 345.
[151] См.: Острогорский М. Юридический календарь за 1888 год. СПб., С. 362—366. См. приложение 13.
[152] ЦГИА РБ в г. Минске. Ф. 183. Оп. 1. Д. 1. Л. 133.
[153] См. приложение 14.
[154] См.: ЦГИА РБ в г. Минске. Ф. 183. Оп. 1. Д. 2. Л. **151** об.
[155] См.: Адвокат-практик. Полный самоучитель к составлению образцов и форм разного рода деловых бумаг / Под ред. Семенова и Соколова. С. 29.
[156] См.: ЦГИА РБ в г. Минске. Ф. 183. Оп. 1. Д. 2. Л. 143—145.
[157] См. приложение 15.
[158] Виленский Б. В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969. С. 171.
[159] ЦГИА РБ в г. Минске. Ф. 183. Оп. 1. Д. 34. Л. 629.
[160] Там же. Ф. 183. Оп. 1. Д. 44. Л. 127.
[161] См.: ЦГИА РБ в г. Минске. Ф. 183. Оп. 1. Д. 1. Л. 133; см. приложение 14.
[162] См. там же. Л. 50, 57—58.
[163] См.: ЦГИА РБ в г. Минске. Ф. 183. Оп. 1. Д. 44. Л. 95.
[164] См.: Острогорский М. Указ. соч. С. 362—366.
[165] См.: ЦГИА РБ в г. Минске. Ф. 183. Оп. 1. Д. 36. Л. 1—2, 5—6.
[166] См.: ЦГИА РБ в г. Минске. Ф. 183. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.
[167] См.: Острогорский М. Указ. соч. С. 362—366; приложение 13.
[168] Чельцов-Бебутов М. А. Курс советского уголовно-процессуального права. Т. 1. М., 1957. С. 757.
[169] См.: Острогорский М. Указ. **соч.** С. 362—366.
[170] См.: ЦГИА РБ в г. Минске. Ф. 183. Оп. 1. Д. 1. Л. 57, 129.
[171] Титов А. А. Реформы Александра II и их судьба. М., **1910. С. 93.**
[172] Титов А. А. Указ. соч. С. 93.

[173] Чельцов-Бебутов М. А. Курс советского уголовно-процессуального права. М., 1957. С. 797.
[174] См.: ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 41. Отд. 2. № 43978. СПб., 1868.
[175] См.: ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 47. Отд. 1. № 50956. СПб., 1875.
[176] Троицкий Н. А. «Народная воля» перед царским судом. Саратов, 1971. С. 25.
[177] См.: ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 53. Отд. 1. № 57489. СПб., 1880.
[178] См. там же. Т. 53. Отд. 2. № 58778.
[179] См.: ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 54. Отд. 1. № 59476. СПб., 1881.
[180] См. там же. Собр. 3. Т. 1. № 350. СПб., 1885.
[181] Виленский Б. В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969. С. 332.
[182] См.: ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 2. № 1071.
[183] См. там же. Собр. 3. Т. 3. № 1445.
[184] См. там же. Собр. 3. Т. 3. № 1653.
[185] См. там же. Собр. 3. Т. 7. № 4651; Т. 9. № 6122 и др.
[186] См.: ПСЗРИ. Соб. 3. Т. 2. № 861.
[187] См.: ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 9. № 6162.
[188] См.: ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 9. № 6196.
[189] См.: ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 9. № 6483.
[190] Чельцов-Бебутов М. А. Указ. соч. С. 798.
[191] ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 3. № 4227.
[192] ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 5. Отд. 1. № 2959.
[193] См.: ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 56. № 46615.
[194] ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 47. № 50956.
[195] В Устав уголовного судопроизводства 1864 г. входило 1254 статьи, а в этом же Уставе 1892 г. издания их уже было 1356.
[196] К таким губерниям в 1892 г. относились: Архангельская, Астраханская, Олонецкая, Оренбургская, Уфимская, Тобольская, Томская, генерал-губернаторства Иркутское и Приамурское, Туркестанский край, области Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская, Уральская, Тургайская, область Войска Донского, уезды Великоустюжский, Никольский, Яренский, Сольвычегодский и Устьсысольский. См.: Свод законов Российской империи. Т. 16. Часть II. Ст. 1 раздела 1 «О судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках вообще».
[197] См.: Рабочее движение в России в XIX веке: Сборник документов и материалов / Под ред А. А. Панкратовой. Т. 2. Часть I. М., 1950. С. 606—618.
[198] См. там же. С. 619.
[199] См.: Общественное движение в пореформенной России. М., 1965. С. 316.
[200] См.: Остроумов С. С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1960. С. 64.
[201] См. там же. С. 93.
[202] Виленский Б. В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969. С. 234.
[203] См.: Гернет М. Н. Смертная казнь. М., 1913. С. 96.
[204] См.: Ленин В. И. Что такое «друзья народа»... // Поли. собр. соч. Т. 1. С. 295.
[205] Ушерович С. Смертная казнь в царской России. Харьков, 1933. С. 9.
[206] См. приложение 16.
[207] Троицкий Н. А. «Народная воля» перед царским судом. Саратов, 1971. С. 18.
[208] См. приложение 17.

[209] См.: Политическая ссылка в Сибири. XIX — начало XX в. Новосибирск, 1987. С. 126.
[210] См.: Троицкий Н. А. «Народная воля» перед царским судом. Саратов, 1971. С. 178—179, 29.
[211] См.: Политическая ссылка в Сибири. XIX — начало XX в. Новосибирск, 1987. С. 126.
[212] См.: Троицкий Н. А. «Народная воля» перед царским судом. Саратов, 1971. С. 178—179, 29.
[213] См.: Политическая ссылка в Сибири. XIX — начало XX в. Новосибирск, 1987. С. 128.
[214] Подсчеты произведены автором па основе сведений, содержащихся в кн. Троицкого Н. А. «Народная воля» перед царским судом. Саратов, 1971. С. 106.
[215] См.: Бинштok В. Л. Материалы для истории русской тюрьмы //Сборник правоведения и общественных наук. Труды юридического общества, состоящего при императорском Московском университете, и его статистического отделения. Т. 3. СПб., 1894. С. 151.
[216] Там же. С. 152.
[217] Там же, С. 152.
[218] См.: Бинштok В. Л. Указ. соч. С. 152.
[219] При оплате серой работы две трети денег шло в пользу исправительного дома, а остальное — заключенному. При оплате белой работы, если заключенный освоил дело и был признан мастером, одна треть денег шла в пользу исправительного дома, а две трети — работнику (ст. 82 проекта).
[220] См.: ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 54. Отд. 1. № 58466; Т. 54. Отд. 2. № 60268.
[221] См.: Мулукаев Р. С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России. М., 1976. С. 25; Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 320.
[222] См. приложение 18.
[223] См.: ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 4. № 1935; Т. 9. № 6020; 6206 и др.
[224] См. там же. Т. 3. С. 245—248; Т. 7. С. 324—327. Т. 11. С. 431—433.
[225] См. там же. Т. П. № 8204.
[226] См. там же. Т. 15. С. 456—459; Т. 19. С. 436—439.
[227] См.: ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 2. Отд. 1. № 651.
[228] См.: ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 2. Отд. 1. № 668.
[229] Например, на содержание чиновника 14 класса отпускалось из казны «кормовых денег» 10 копеек серебром, а чиновника 4 класса — 50 копеек.
[230] См.: С. Ц. Х. Тюремные порядки // Юридический вестник. Т. IV. М., 1890. С. 322—338; Птицын В. Тюрьмы Приленского края // Юридический вестник. Т. XII. М., 1889; Герценштейн Д. М. Из воспоминаний доктора // Былое. 1907. № 6.
[231] См.: Гернет М. Н Обзор десятилетней деятельности ГТУ СПб., 1890. С. 7.
[232] См.: Кеннон Д. Тюрьмы в России. СПб., 1906. С. 6.
[233] См.: Герценштейн Д. М. Указ. соч. С. 242.
[234] См.: Птицын В. Указ. соч. С. 302.
[235] См.: Одна из наших временно центральных каторжных тюрем // Русская речь. 1881. № 1.
[236] Колосов Е. Е. Государева тюрьма — Шлиссельбург. Петроград, 1924. С 22
[237] Там же. С. 33.
[238] См.: Колосов Е. Е. Указ. соч. С. 77.
[239] Там же. С. 40.
[240] Там же. С. 79.
[241] См.: Устав о содержащихся под стражею. Ст. 159, **160,** 203—207;

Устав о ссыльных. Ст. 560, 561, 563, 565 и др. // Свод законов Российской империи. Т. XIV. СПб., 1857.

[242] ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 54. Отд. 2. № 60268.

[243] ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 6. Отд. I. № 3447.

[244] См.: ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 15. № 11655.

[245] См.: ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 2. № 657, 1910; Т. 7. № 4591; Т. 15. № *22272* и ряд других.

[246] См.: ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 54. Отд. 1. № 59360. См. приложение 19.

[247] См.: ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 7. № 4268.

[248] См.: ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 7. № 4593.

[249] См.: ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 10. № 6653.

[250] См.: ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 11. № 7844.

[251] См.: ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 20. № 18155, 18575.

[252] Бинштok В. Л. Указ. соч. С. 154.

[253] ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 11. № 8204.

[254] Колосов Е. Е. Указ. соч. С. 77.

[255] ЦГИА РБ в г. Минске. Ф. 183. Он. 1. Д. 128. Л. 147—148.

[256] См.: С. Ц. Х. Тюремные порядки // Юридический вестник. М., 1890. Т. 4. С. 632.

[257] Долговые тюрьмы упразднены в 1882 г. ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 2. № 651.

[258] Смирительно-работные дома упразднены в 1883 г. ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 3. № 1775.

[259] В декабре 1895 г. Главное тюремное управление было выведено из состава МВД и передано в ведение Министерства юстиции. См.: ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 15. № 12272.